Фронтовая иллюстрация

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ · 4-2004

1941: БОИ НА УКРАИНЕ

Фронтовая иллюстрация

Алексей Исаев

1941: БОИ НА УКРАИНЕ

Издательство «Стратегия КМ»

Введение

Сражение, разыгравшееся в первую неделю Великой Отечественной войны в треугольнике Луцк – Броды – Дубно, по праву может считаться одной из крупнейших танковых битв в мировой истории. Принимавшие в нём участие пять советских механизированных корпусов насчитывали около 2.800 танков, три немецких моторизованных корпуса – около 800 танков и САУ. Столкновение крупных масс танков сопровождалось интенсивной войной в воздухе, в ходе которой на танковые армады обрушивались сотни тонн бомб. По признанию как отечественных, так и зарубежных историков, в частности Дэвида М. Гланца, дубненские бои были единственным контрударом советских войск в ходе приграничного сражения июня 1941 г., позитивно повлиявших на общий неблагоприятный ход событий начального периода войны.

1

Группа армий «Юг»

1. Подразделения 11-й танковой дивизии вермахта выдвигаются вперед. Украина, июль 1941 года. Видны танки Pz.II и Pz.IV, а также полугусеничные тягачи Sd.Kfz.10, один из них с 37-мм противотанковой пушкой PaK 35/36 на прицепе (БА).

2. Танк Pz.III из 15-го танкового полка 11-й танковой дивизии на привале. Группа армий «Юг», июль 1941 года. По шоссе движется полугусеничный тягач Sd.Kfz.7 со 105-мм гаубицей leFH18/2 (БА).

Командование группы армий «Юг» появилось в августе 1939 г. и использовалось, сообразно названию на южном крыле фронта в польской кампании. 23 октября 1939 года командование группы армий было переименовано в бесцветную группу армий «А» и под этим названием участвовало в боевых действиях на Западе. Наконец, 22 апреля 1941 г. штаб группы армий прибыл на советско-германскую демаркационную линию, где до 21 июня назывался «штаб участка Силезии». 21 июня 1941 г. в документах снова появляется группа армий «Юг». Во главе командования группы армий все это время был Герд фон Рундштедт.

Начало разработки плана войны против СССР относится к концу июля 1940 г. Основной вводной для разработчиков плана была тотально непригодная для ведения боевых действий Припятская область на границе Украины и Белоруссии. Первый разработчик плана операции, Эрих Маркс, начальник штаба 18-й армии, был, помимо этого, скован невозможностью использовать для развертывания немецких войск территорию Румынии. Проблему локтевой связи армий, действующих к северу и югу от Припятской области, Маркс решил, направив основной удар на Украине на Киев, с последующим поворотом его на северо-восток с целью соединения с войсками в Белоруссии. Однако в сентябре 1940 г. обстановка в Румынии резко изменилась, король Кароль был смещен и во главе страны стал маршал Антонеску. Следующий разработчик плана, генерал-лейтенант Лоссберг, учел этот фактор, и операция в южном секторе фронта приобрела характерный для немецкой военной мысли вид «канн», операции на окружение путем глубокого охвата флангов: «Действующей южнее Припяти группе армий была бы поставлена задача, охватив с обеих сторон войска противника на участке от Припятских болот до Черного моря, уничтожить их, овладеть в ходе преследования территорией Украины, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с северным крылом». Что характерно, Лоссберг предполагал развертывание в Румынии моторизованных соединений. Одновременно с Лоссбергом разработка плана войны с СССР была поручена генерал-майору Фридриху Паулюсу, только что назначенному 1-м оберквартирмейстером Генерального штаба. Именно результаты его работы легли в основу представленного Гальдером Гитлеру 5 декабря 1940 г. плана кампании. Наконец, 21 декабря план был утвержден. А. Гитлер дал операции название «Барбаросса». Ее общий замысел был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». Задачи группы армий «Юг» были сформулированы следующим образом: «Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру. С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем на-

3. Зенитная самоходная установка 20-мм пушки Flak 30 на полугусеничном тягаче Sd.Kfz.10 продвигается по проселочной дороге. Группа армий «Юг», июнь 1941 года (БА).

правлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей». Никаких специальных мероприятий по установлению локтевой связи с войсками, действующими севернее Припятской области, не планировалось.

Задачи армий группы армий «Юг» согласно директиве Верховного командования вермахта от 31 января 1941 г. распределялись так:

«а) Группа армий «Юг» наступает своим усиленным левым флангом в общем, направлении на Киев, имея впереди подвижные части. Общая задача – уничтожить советские войска в Галиции и Западной Украине к западу от р. Днепр и захватить своевременно переправы на Днепре в районе Киева и южнее, создав тем самым предпосылки для продолжения операций восточнее Днепра. Наступление следует провести таким образом, чтобы подвижные войска были сосредоточены для удара из района Люблина в направлении на Киев.

В соответствии с этой задачей армии и танковая группа, руководствуясь непосредственными указаниями командования группы армий «Юг», должны обеспечить выполнение следующих задач:

11-я армия обеспечивает прикрытие румынской территории от вторжения советских войск, имея в виду жизненно важное значение Румынии для ведения войны. В ходе наступления войск группы армий «Юг» 11-я армия сковывает противостоящие ей вражеские силы, создавая ложное впечатление стратегического развертывания крупных сил, и по мере дальнейшего развития обстановки путем нанесения во взаимодействии с авиацией ряда ударов по отходящим войскам противника препятствует организованному отходу советских войск за Днестр.

1-я танковая группа во взаимодействии с войсками 17-й и 6-й армий прорывает оборону войск противника, сосредоточенных близ границы между Рава-Русской и Ковелем, продвигаясь через Бердичев – Житомир, своевременно выходит на р. Днепр в районе Киева и южнее. В дальнейшем, не теряя времени, согласно указаниям командования группы армий «Юг», продолжает наступление вдоль Днепра в юго-восточном направлении с тем, чтобы воспрепятствовать отходу за р. Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине и уничтожить ее ударом с тыла.

17-я армия прорывает оборону противника на границе северо-западнее Львова. Быстро продвигаясь своим сильным левым флангом, она отбрасывает противника в юго-восточном направлении и уничтожает его. В дальнейшем эта армия, используя успешное продвижение войск танковой группы, без промедления выходит в район Винницы, Бердичева и, смотря по обстановке, продолжает наступление в южном или юго-восточном направлении.

6-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы прорывает вражеский фронт в районе Луцка, прикрывая северный фланг группы армий от возможных атак со стороны Припятских болот, своими главными силами по возможности с максимальной быстротой следует на Житомир вслед за войсками танковой группы. Войска армии должны быть готовы по указанию командования группы армий повернуть своя главные силы на юго-восток, западнее р. Днепр с тем, чтобы во взаимодействии с 1-й танковой группой воспрепятствовать отходу за Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине, и уничтожить ее». Таким образом, по плану немецкого командования операция против советских войск на Украине должна была носить характер «асимметричных канн», когда одно из охватывающих крыльев составлено из механизированных соединений, а второе – из пехотных. От предложенного Лоссбергом развертывания в Румынии моторизованных соединений отказались, вместо этого 4-я танковая группа была развернута для операции в Прибалтике. В дальнейшем это не лучшим образом отразилось на ходе операции, 11-я армия откровенно запоздала, и окружение советских войск в районе Умани осуществляли 17-я армия и 1-я танковая группа. Заложенный в план «Барбаросса» охват осуществился не так, и не в таких масштабах как рассчитывало немецкое командование.

Единственным подвижным объединением группы армий «Юг» стала 1-я танковая группа (см. таблицу 1). Прекрасно понимая, что войска Киевского особого военного округа были самыми многочисленными среди советских приграничных округов, немецкое командование не направило в 1-ю танковую группу ни одну дивизию с танками чешского производства 35(t) и 38(t). Все танковые дивизии группы имели полки двухбатальонного состава, оснащенные техникой немецкого производства. Вместе с тем, 1-ю танковую группу отличало комплектование дивизиями формирования 1940 г. Ни одна из них не могла похвастаться участием в качестве танкового соединения в

польской кампании и только 9-я танковая имела опыт французской кампании (до этого она была 4-й легкой дивизией). Однако последняя формировалась в Вене, а боеспособность австрийских частей всегда была заметно ниже немецких. Основную тяжесть дубненских боев вынесли дивизии, которые были детищем реорганизации танковых войск, начатой в июле 1940 г. Число танковых дивизий вермахта в результате этой реорганизации было удвоено. Удвоение числа дивизий происходило путем дробления танковых бригад существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых дивизий. Теперь во всех танковых дивизиях вермахта был один танковый полк двух или трех батальонного состава вместо двух. В значительной степени это компенсировалось количественным и качественным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов. Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz.IV, шести Pz.II и одного командирского танка на шасси Pz.I. Штат K.St.N.1175 от 1 февраля 1941 г. предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz.IV и 5 Pz.II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz.IV. Еще более радикальные изменения постигли легкие танковые роты. Перед французской кампанией в составе рот этого типа было всего семь Pz.III, восемь Pz.II, четыре Pz.I и один командирский танк на шасси Pz.I. Штат февраля 1941 г. предусматривал уже семнадцать танков Pz.III и пять Pz.II. Так «тройки» на долгие два года стали основой танкового парка вермахта. Здесь следует сказать несколько слов о традиционно преувеличиваемой радиофикации танковых войск вермахта. Реально приемопередатчики были у командиров подразделений от взвода и выше. По штату февраля 1941 г. в легкой танковой роте приемопередатчики Fu.5 устанавливались на трех Pz.II и пяти Pz.III, а на двух Pz.II и двенадцати Pz.III ставились только приемники Fu.2. В роте средних танков

4. Командирский танк Pz. Bef. Wg. III (пулемет в лобовом листе корпуса отсутствует) из состава 11-й танковой дивизии на марше. Группа армий «Юг», июнь 1941 года. На лобовом листе корпуса справа видна эмблема дивизии, на переднем листе висит кусок гусеницы (БА).

5. Немецкие солдаты осматривают подбитый танк БТ-7. Предположительно 22-й мехкорпус, Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Машина имеет тактическое обозначение на башне в виде широкой прерывистой белой полосы с цифрой 18 посередине (АСКМ).

приемопередатчики имели пять Pz.IV и три Pz.II, а два Pz.II и девять Pz.IV – только приемники. Различались приемники Fu.2 и приемопередатчики Fu.5 длиной штыревых антенн, у первых она была 1,4 м, а у вторых – 2 м. На Pz.I приемопередатчики Fu.5 вообще не ставились, за исключением специальных командирских klPz.Bef.Wg.I.

Все танковые дивизии группы армий «Юг» в июне 1941 г. имели танковые полки в составе двух батальонов по одной роте средних и по две роты легких танков в каждом. Танковые полки дивизий формировались из уже получивших боевой опыт частей. Так 15-й танковый полк 11-й танковой дивизии ранее был в составе 5-й танковой дивизии, 4-й танковый полк 13-й танковой дивизии – в составе 2-й танковой дивизии, 36-й танковый полк 14-й танковой дивизии – в составе 4-й танковой дивизии и 2-й танковый полк 16-й танковой дивизии – в составе 1-й танковой дивизии. Вскоре после формирования 11-я и 14-я танковые дивизии получили боевое крещение в операции «Марита» весной 1941 г. на Балканах. 16-я танковая дивизия в ходе «Мариты» была в резерве, а для 13-й танковой дивизии «Барбаросса» стала дебютом боевой карьеры как танкового соединения. В некоторой степени это компенсировалось тем, что новые дивизии формировались из уже получивших опыт польской и французской кампаний пехотных соединений. Тем не менее, новички в лице 13-й, и 16-й танковых дивизий были поставлены командованием во второй эшелон III и XXXXVIII моторизованных корпусов соответственно.

Разумеется, если по советским меркам танковые дивизии 1-й танковой группы были хорошо укомплектованы, то внутри вермахта были свои признаки высокой комплектности. К таким признакам, в частности, относилось оснащение мотопехоты соединений полугусеничными БТР Sd.Kfz.251. В танковых дивизиях группы армий «Юг» они присутствовали только в масштабах роты. Это были: 1-я рота 9-го мотопехотного полка 9-й танковой дивизии, 1-я рота 110 мотопехотного полка 11-й танковой дивизии и 1-я рота 66-го мотопехотного полка 13-й танковой дивизии. Рота мотопехотного полка на БТР штатно состояла из 13 бронетранспортеров Sd.Kfz.251: 10 линейных Sd.Kfz.251/1 и 3 Sd.Kfz.251/10 командиров взводов, вооруженных 37-мм противотанковой пушкой. В 14-й и 16-й танковых дивизиях БТР просто отсутствовали. Заметим, что две роты на БТР появились в 16-й танковой дивизии к маю 1942 г., а батальон – только в 1944 г. Под Курском 11-я танковая дивизия наступала с двумя ротами на БТР на всю дивизию. Одним словом, образ немцев как поголовно вооруженных пистолетами-пулеметами МР-40 и передвигающихся исключительно на «гробообразных» БТР не более чем плод фантазии кинематографистов. Sd.Kfz.251 был сравнительно редкой птицей, и подавляющее большинство моторизованной пехоты вермахта передвигалось на марше на грузовиках, а в бою на своих двоих. Самоходная артиллерия в танковых дивизиях группы армий «Юг» была представлена 701-й ротой самоходных орудий из шести установок 15 cm sIG Sfl. Ausf.Pz.I Ausf.B. (150-мм тяжелое пехотное орудие на шасси танка Pz.I) в 9-й танковой дивизии. Еще одним признаком хорошей технической оснащенности были 10-см корпусные орудия, заменявшие четыре из двенадцати 15-см тяжелых гаубиц в артиллерийском полку. Бронебойный снаряд 10-см корпусной пушки К18 весом 15,56 кг и начальной скоростью до 827 м/сек. мог поражать любой совет-

Таблица 1. Состав танкового парка дивизий 1-й танковой группы.

Дивизия	Pz.II	Pz.III с 37-мм орудием	Pz.III с 50-мм орудием	Pz. IV	Командирские	Всего
9 танковая	32(+8 Pz.I)	11	60	20	12	143
11 танковая	45	23	48	20	10	146
13 танковая	45	27	44	20	13	149
14 танковая	45	15	56	20	11	147
16 танковая	44	24	47	20	8	143
Всего	219	100	255	100	54	728

ский танк до ИС-2 включительно. Летом 1941 г. 10-см корпусных орудий не имела ни одна танковая дивизия 1-й танковой группы кроме 11-й. В столкновениях с КВ им приходилось рассчитывать только на 88-мм зенитки и 10-см К18, приданные из корпуса. 16-я танковая дивизия получила К18 только к сражению под Харьковом в мае 1942 г. Парадоксально, но дивизия, оказавшаяся под ударом танков Т-34 и КВ 8-го механизированного корпуса под Дубно была одной из самых слабых в группе армий «Юг» и даже не имела боевого опыта как единое соединение.

Помимо танковых дивизий в состав 1-й танковой группы входили моторизованные пехотные дивизии. Это были 16 и 25-я моторизованные дивизии. В отличие от обычных пехотных дивизий они имели два, а не три полка пехоты, которые были, однако, полностью моторизованы. Артиллерийский полк моторизованных дивизий был трехдивизионного состава в отличие от четырех дивизионов в обычной пехотной дивизии, но орудия в нем буксировались полугусеничными тягачами. От танковых соединений вермахта и одноименных соединений РККА моторизо-

6. Немецкие пехотинцы на советском трофейном бронепоезде. Группа армий «Юг», июль 1941 года. Бронепоезд принадлежал 57-му полку 4-й дивизии охраны железных дорог войск НКВД и был потерян в бою. Для опознавания своими частями на бортах бронеплощадки нанесены большие кресты (АСКМ).

7. Экипаж немецкого бронеавтомобиля Sd.Kfz.222 беседует с местными жителями одной из украинских деревень. Группа армий «Юг», июль 1941 года (РГАКФД).

ванные дивизии отличало отсутствие танков (они их получили в количестве одного батальона только в 1942 г.). Предназначались моторизованные дивизии для прикрытия флангов наступающих танковых дивизий. Особняком от армейских моторизованных пехотных дивизий стояли моторизованные части СС. В подчинении 1-й танковой группы на 22 июня 1941 г. находились два таких соединения, мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (всего четыре батальона мотопехоты, слабый двухдивизионный артполк) и моторизованная пехотная дивизия СС «Викинг«. «Викинг« был заметно сильнее своих армейских собратьев, поскольку имел не два, а три моторизованных пехотных полка трехбатальонного состава. В свою очередь «Лейбштандарт» был единственным моторизованным соединением группы армий «Юг», имеющим штатную гусеничную бронетехнику. Еще в мае 1940 г. он получил батарею САУ StuGIII из 6 орудий, на 19 июня 1941 г. их было уже 7. «Викинг« получил «штурмгешюцы» только в сентябре 1941 г. Также «Лейбштандарт» отличался беспрецедентно мощным противотанковым вооружением. Каждый из четырех мотопехотных батальонов бригады имел три 50-мм противотанковых орудия РАК-38 и четыре 37-мм РАК-35/36. Для сравнения, пехотные дивизии первой волны имели всего по два 50-мм РАК-38 в полку. В худшую сторону эсэсовцы отличались от армейцев боевой подготовкой и поэтому их предпочитали использовать для решения вспомогательных задач.

Командовал 1-й танковой группой 60-летний генерал-полковник Эвальд фон Клейст. Старый кавалерист, он во французской кампании командовал танковой группой, названной его именем. В ноябре 1940 она была официально названа 1-й танковой группой и под этим именем участвовала в операции на Балканах. На 22 июня в состав 1-й танковой группы входили III, XIV, XXXXVIII моторизованные корпуса и XXIX армейский корпус. Командный состав III моторизованного корпуса был достаточно серый. Командир корпуса, генерал кавалерии Эбергард фон Маккензен, был явно слабее как тактик, чем его отец, Август фон Маккензен, ставший одним из известнейших военачальников Первой Мировой войны. Командиры 13-й и 14-й танковых дивизий, Дюверт и Кюн также не приобрели громкой славы. Напротив, в XXXXVIII моторизованном корпусе была «звездная» команда, многие участники которой впоследствии добьются известности. Командир корпуса, Вернер Кемпф, в 1942 г. станет командующим армейской группой, названной его именем, а в 1944 г. возглавит группу армий «Север». Командир 16-й танковой дивизии, Ганс-Валентин Хубе в сентябре 1942 г. получит в командование танковый корпус, а в октябре 1943 г. – 1-ю танковую армию, наследника 1-й танковой группы. Он погибнет в авиакатастрофе в апреле 1944 г. в звании генерал-полковника, будучи кавалером Рыцарского Креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Вторым танковым батальоном 2-го танкового полка дивизии Хубе командовал в 1941 г. май-

ор Хаязинф Граф фон Штрахвиц, один из признанных немецких танковых асов, командовавший впоследствии панцергренадерской дивизией «Великая Германия». Первым батальоном танкового полка 16-й танковой дивизии командовал майор Бернгард Сован, в 1943 г. – командир 505-го танкового батальона «Тигров». Вторым танковым соединением XXXXVIII корпуса, 11-й танковой дивизией, руководил генерал-майор Людвиг Крювель, кавалерийский офицер кайзеровской армии, встретивший Вторую Мировую войну в штабе 6-го танкового полка. Он был едва ли не единственным командиром танковой дивизии, упомянутым в дневнике Гальдера по имени. Уже в августе 1941 г. Крювель пошел на повышение, получил звание генерал-лейтенанта и был направлен в Африку как специалист по боевым действиям в тропиках. Четыре месяца спустя он получает звание генерала танковых войск. Быструю карьеру Крювеля прервала в мае 1942 г. посадка его «Шторха» вследствие навигационной ошибки в расположении английских войск.

Кроме самостоятельных танковых и моторизованных соединений в составе группы армий «Юг» были вооруженные бронетехникой части качественного усиления в лице отдельных батальонов самоходных артиллерийских установок. Наиболее многочисленными были батальоны САУ StuGIII. Это 190, 191, 197 и 243-й батальоны самоходных установок данного типа, выполнявших у немцев те же функции, что и танки непосредственной поддержки пехоты у союзников. По штату K.St.N.446 от 18 апреля 1941 г. батальон «штурмгешюцев» разбивался на три роты (батареи). Каждая батарея, в свою очередь, состояла из трех взводов по две САУ StuGIII и по одному бронированному транспортировщику боеприпасов Sd.Kfz.252 в каждом. Кроме того, одна машина была в составе штаба батареи. Итого штатная численность батальона составляла 21 САУ. Как правило, батальон «штурмгешюцев» придавался армейскому корпусу, а внутри корпуса распределялся между дивизиями, по батарее на дивизию. Это касалось как моторизованных, так и пехотных корпусов. Соответственно XXXXVIII моторизованный корпус получил 197-й батальон StuGIII, а III моторизованный корпус – 191-й. 190-й батальон был придан 11-й армии и до начала июля в боях участия не принимал. Роль средства непосредственной поддержки пехоты выполнял также 102-й батальон огнеметных танков. Батальон был оснащен огнеметными танками B2(F), представлявшими собой доработку трофейных французских танков B1bis. С французских машин демонтировали короткоствольное 75-мм орудие и вместо него установили огнемет, работающий на сжатом азоте. В составе 102-го батальона штатно было две роты по 15 танков (12 огнеметных и 3 танка поддержки с сохраненным 75-мм орудием). Батальон был сформирован к 20 июня 1941 г. и прибыл на фронт 23 июня, где был придан IV армейскому корпусу 17 армии, действовавшему на рава-русском направлении.

Помимо САУ непосредственной поддержки пехоты в составе группы армий «Юг» был 670-й

8. Немецкие мотоциклисты 48-го моторизованного корпуса преодолевают украинскую грязь. Группа армий «Юг», июль 1941 года. На коляске мотоцикла BMW R75 видна эмблема не установленного подразделения (РГАКФД).

батальон истребителей танков Panzerjaeger I. Эта САУ представляла собой шасси устаревшего к 1941 г. танка Pz.I с установленной на нем открытой рубкой с трофейной чешской 47-мм пушкой. Штатная численность батальона составляла 27 машин. На 22 июня 1941 г. 670-й батальон самоходных истребителей танков находился в подчинении штаба 1-й танковой группы. Одним батальоном истребителей танков средства усиления противотанковой обороны не ограничивались. Кроме самоходных противотанковых пушек, в составе группы армий «Юг» были батальоны истребителей танков с буксируемыми автомашинами 37-мм орудиями РАК-35/36. Это были 652-й и 525-й моторизованные батальоны истребителей танков. Первый был придан III моторизованному корпусу, а второй – XXXXIX горному корпусу. Штатная численность каждого из них составляла 36 орудий.

Закончив перечисление насыщенных техникой моторизованных соединений, мы переходим к пехотным дивизиям группы армий «Юг». Если танковые войска были своего рода фасадом блицкрига, то пехота вермахта была тем фундаментом, на котором этот блицкриг держался. Сопоставляя силы сторон, часто подсчитывают танки и забывают, что воюет не бронетехника сама по себе, а дивизии. При этом танковое соединение может столкнуться в бою с соединением пехотным. Что, как мы увидим далее, происходило сплошь и рядом. На пять танковых дивизий в 6, 17 армиях и резерве группы армий «Юг» было 29 пехотных дивизий и три охранных. Качественно пехота группы армий «Юг» отражала те же противоречия, что и танковые соединения. С одной стороны на Украину была направлена элитная пехота в лице 1 и 4-й горно-егерских дивизий, с другой стороны, именно группа армий «Юг» получила все четыре так называемые легкопехотные дивизии вермахта – 97, 99, 100 и 101. В отличие от линейных пехотных дивизий с тремя пехотными и одним артполком они состояли из двух пехотных полков и одного артиллерийского.

С воздуха пехотные и танковые соединения группы армий «Юг» должен был поддерживать 4-й воздушный флот, а собственно дивизии 6-й и 17-й армий – 5-й авиакорпус (см. таблицу 2). Характерной особенностью ВВС Германии, участвовавших в дубненских боях, было отсутствие в бомбардировочных эскадрах символа блицкрига, пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Они вооружались бомбардировщиками Ю-88 и Хе-111, которые в люфтваффе использовались как универсальные, одни и те же машины летали как на бомбардировку артиллерийских позиций и маршевых колонн резервов, так и на Москву или Лондон. При ударах по переднему краю дальность конвертировалась во время нахождения над целью, когда «Хейнкели» и «Юнкерсы» могли висеть в воздухе на всем протяжении атаки.

Если число танков, орудий, самолетов можно, так или иначе, подсчитать, то тактические приемы числовому измерению не поддаются. Здесь можно сделать оценки только на качественном уровне. Характерным приемом ведения боевых действий танковыми и пехотными дивизиями вермахта было формирование так называемых «боевых групп» (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из частей различных родов войск, входящих в дивизию. Ядром боевой группы становился танковый или пехотный полк, которому придавались дивизионы артиллерийского полка, батареи противотанкового дивизиона, роты саперного батальона. Часто боевая группа получала в свое распоряжение средства усиления, приданные дивизии из корпуса. Возглавлял боевую группу командир пол-

Таблица 2. Состав авиации 5-го авиакорпуса 4-го воздушного флота на 22 июня 1941 г.

Эскадра	Авиабаза	Самолеты		
		Тип	Всего	Боеготовых
Штаб KG51	Кросно	Ju88	2	2
I/KG51			22	22
II/KG51			36	29
III/KG51	Лежаны		32	28
Штаб KG54	Люблин-Свидник		1	1
I/KG54			34	31
II/KG54			36	33
Штаб KG55	Лабуние	Bf110	2	1
I/KG55		He111H	27	27
II/KG55			24	22
III/KG55	Клеменшов		25	24
Штаб JG3	Хостыне	Bf109F	4	4
I/JG3	Дуб		35	28
II/JG3	Хостыне		35	32
III/JG3	Модоровка		35	34

ка, а в случае танковых частей – командир пехотной бригады или танкового полка. На выходе получалась достаточно компактная и подвижная группа, сочетавшая в себе все огневые средства дивизии и корпусные средства усиления от 88-мм зениток до 240-мм мортир включительно. Тем самым автоматически решался вопрос взаимодействия войск, распоряжения артиллеристам и саперам отдавал сам командир боевой группы, без подачи заявок командиру дивизии или корпуса. Еще одним характерным приемом действий германских войск является использование разведывательного батальона танковых и пехотных соединений в качестве самостоятельной моторизованной части. Помимо основных функций «глаз» дивизии, разведбату ставились задачи по захвату и удержанию тех или иных объектов. Особенно это было характерно для пехотных соединений, большая часть солдат которых двигалась пешком, а разведчики, а также истребительно-противотанковый батальон имели броневики и автотранспорт.

9. Pz.I штаба 9-й танковой дивизии (номер R15) движется по улице украинской деревни. Группа армий «Юг», июль 1941 года (АСКМ).

10. Колонна Pz.II 13-й танковой дивизии на марше. Группа армий «Юг», июль 1941 года. На заднем плане виден командирский танк Pz.Bef.Wg.III (БА).

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что у границ Киевского особого военного округа стояла сильная в качественном и количественном отношении группировка немецких войск. Вместе с тем, формирование группы армий происходило по остаточному принципу, все лучшее старались отдать группе армий «Центр». Соответственно соотношение сил в полосе группы армий «Юг» было не таким благоприятным, как на московском направлении или в Прибалтике и немецким войскам предстояло уже в первые часы и дни сравнить реальные возможности РККА с образом, созданным разведкой и пропагандой.

Киевский особый

Киевский особый военный округ (КОВО) перед войной был своего рода кузницей кадров для высшего руководства Красной Армии. Руководивший войсками округа в 1938–1939 С.К. Тимошенко стал Народным комиссаром обороны СССР, сменивший его на этом посту Г.К. Жуков – начальником Генерального штаба. Н.Ф. Ватутин, начальник штаба округа в 1938–1940 гг. стал первым заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии. Естественно, ушедшие на повышение генералы не забывали свой округ, и КОВО был в своем роде элитным. Одновременно он становился операционным центром, получая главные роли в советских планах войны.

Местность. Местность, на которой развернулись бои – слабопересеченная, свободно допускавшая маневр транспорта и всех родов войск. Исключение составляла часть театра к северу от линии Киев – Коростень – Ковель, покрытая сплошными лесами и болотами и тотально непригодная для маневренной войны. Полоса местности в районе Львова и особенно севернее города до параллели Дубно изобиловала болотистыми районами, затруднявшими использование танков. Важнейшим элементом поля сражения были две магистрали, идущие с запада на восток. Первая это идущее в направлении Киева шоссе Устилуг – Владимир-Волынский – Луцк – Ровно, вторая это извилистая дорога от Сокаля до Дубно и далее на Острог и Бердичев. Немцы называли их «панцерштрассе», «танковые дороги», каждая из которых являлась осью наступления моторизованного корпуса 1-й танковой группы. За обладание этими «панцерштрассе» велась напряженная борьба в ходе дубненских боев.

Военное планирование. Важной особенностью военного планирования любой страны является зависимость принятия военных решений от решений политических. В отношении СССР в 1941 г. этот фактор стал определяющим в развитии событий. При разработке планов войны Генеральный штаб исходил из тезиса о своевременном приведении в действие механизма мобилизации и развертывания вооруженных сил под влиянием политической обстановки. Соответственно предполагалось наличие периода длительностью несколько недель, когда две страны будут постепенно «вползать» в войну под аккомпанемент дипломатических нот и ультиматумов, а потом и перестрелок на границе. В этот период должны были осуществляться перевозки войск, мобилизуемых людей и техники из внутренних округов к границе. После завершения развертывания войск обе стороны начинали первую операцию. Типичной формой первой операции было наступление с решительными целями. Стороны планировали наступательные действия на асимметричных направлениях, и кто наступал успешнее, тот и должен был стать победителем в начальном периоде войны.

В записке об основах развертывания войск, датированной сентябрем 1940 г. задачи Юго-Западного фронта в первой операции обрисованы следующим образом: «Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нане-

сти решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р.Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р.Пилица и верхнее течение р.Одер». Детализировался этот план в так называемой записке начальника штаба КОВО М.А. Пуркаева декабря 1940 г.: «Ближайшая стратегическая задача – разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30 день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача – во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10 день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлениях: на Кельце, Петроков и на Краков». Реализация этого плана была возможна в случае резкого усиления КОВО за счет переброски войск из Одесского, Северо-Кавказского, Харьковского и Московского военных округов, и мобилизации Киевского особого округа с изъятием транспорта и лошадей из народного хозяйства.

На период мобилизации и сосредоточения войск должны были действовать планы прикрытия, предписывавшие «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа». Нужно отметить, что в отличие от плана прикрытия ЗапОВО, расположившего сильнейшее соединение округа, 6-й механизированный корпус, в районе Белостока с целью маневра по радиальным направлениям в белостокском выступе, штаб КОВО подошел к подготовке плана прикрытия достаточно формально. Ни одно из механизированных соединений округа высокой комплектности не было выдвинуто в полосу 5-й армии. И 4-й, и 8-й, и 15-й, и 16-й механизированные корпуса были скучены в области вокруг Львова, отделенной от полосы 5-й армии болотистой местностью. В дальнейшем это создало определенные трудности в нанесении контрударов во фланг танковому клину немцев, командиры 8, 15-го мехкорпусов жаловались на неблагоприятные условия местности на направлениях контрударов из района Львова на север. Также в план прикрытия была заложена мина замедленного действия в лице 3-й кавалерийской дивизии, получившей по плану прикрытия участок обороны на стыке Рава-Русского и Струмиловского УРов. На третий день мобилизации ее должна была сменить 159-я стрелковая дивизия, чего в реальности, как нетрудно догадаться, не произошло. Именно в полосе 3-й кавдивизии на завершающей фазе дубненских боев прорвался немецкий XIV моторизованный корпус. Одним словом, к разработке плана прикрытия командование округа подошло крайне формально, видимо рассчитывая на вялый и бесцветный начальный период войны.

Однако в реальности события развивались совсем не по тому сценарию, к которому готовилась РККА. В отличие от польской кампании, когда за год до начала войны Польше был предъявлены ультимативные требования, никаких ультиматумов СССР не предъявлялось. Задача выбивания СССР как игрока на европейском поле дипломатического решения не имела, и полное молчание по дипломатическим каналам стало сильным дезориентирующим руководство Советского Союза ходом Германии. Под завесой волны дезинформации у границ СССР сосредотачивались вой-

11. Части 1-й танковой группы движутся вперед. Начало июля 1941 года. На переднем плане Pz.II командира 2-го батальона 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии вермахта, на заднем – горящий советский танк Т-26, немецкие мотоциклисты на R75, танки Pz.III и IV (БА).

12. Подбитые и брошенные экипажами из-за отсутствия горючего телетанки из состава 22-го механизированного корпуса. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. На переднем плане справа телетанк, слева танк управления. Машины входили в состав 152-го телетанкового батальона при 36-й легкотанковой бригаде, которая весной 1941 года поступила на формирование 22-го механизированного корпуса (АСКМ).

ска. Данные разведки были противоречивы, и осознание опасности войны пришло слишком поздно. Политические решения, запустившие механизм мобилизации и развертывания запоздали. Принятые в июне меры не могли радикально изменить обстановку и РККА встретила войну, будучи неотмобилизованной и недоразвернутой. Заложенные в планах первой операции армии, корпуса и дивизии были размазаны по трем эшелонам без оперативной связи друг с другом, каждый из которых был слабее сосредоточенных и отмобилизованных армий вермахта.

Танковые войска округа. Механизированные соединения Киевского особого военного округа ярко пережили все те перипетии, которые прошла организация танковых войск Красной армии в целом. Оперативное использование танков в самостоятельных соединениях для развития прорыва с глубокими ударами с целью сотрясения всего фронта в 1930-х было новинкой. Соответственно организационной структуры для такого использования танков просто не существовало. Танковые бригады РККА предназначались совсем для другого. Бригады Т-26 должны были неспешно идти вместе с пехотой в атаку, а целью бригад ДД (дальнего действия) на танках БТ должна была стать дивизионная и корпусная артиллерия, тактические резервы. «Дальность» танков ДД не простиралась глубже полосы в 4-8 километрах от переднего края обороны. Для действий в отрыве от стрелковых корпусов у бригад 1939-го года были совершенно ничтожные силы артиллерии (шесть 45-мм орудий) и всего один батальон мотопехоты. Причем необходимость последнего даже подвергалась сомнению – считалось, что без специальных гусеничных бронетранспортеров он не успеет за танками по изрытому воронками полю сражения.

С приходом на пост наркома обороны ранее командовавшего Киевским особым округом С.К. Тимошенко началось формирование самостоятельных танковых соединений, способных действовать в отрыве от стрелковых частей. В конце мая – начале июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК несколько вариантов предложений, в которых предлагалось сформировать принципиально новые механизированные соединения – танковые дивизии. Предлагалось иметь в составе танковой дивизии 2 танковых полка, 1 артиллерийский полк, 1 мотострелковый полк и 1 зенитный артдивизион. Всего в дивизии должно было быть 11343 человека, 386 танков (тяжелых танков – 105, средних танков – 227, химических танков – 54), 108 бронемашин, 12 152-мм гаубиц, 12 122-мм гаубиц , 6 76-мм полковых пушек, 12 37-мм зенитных пушек. В окончательном варианте реорганизации, утвержденной правительством, предполагалось сформировать 8 механизированных корпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий. Четыре моторизованных дивизии к тому моменту уже имелись в наличии. На их формирование обращались управления двух кавалерийских и пяти стрелковых корпусов, шести стрелковых, пяти кавалерийских дивизий и семнадцати танковых бригад. В Киевском округе формировались два из заложенных в программу реформирования танковых войск корпуса, 4-й и 8-й. На их формирование обращались управления 4-го кавалерийского и 49-го стрелкового корпусов, 5-я, 10-я, 14-я,

23-я, 24-я танковые бригады, 7-я стрелковая дивизия, некоторые части 146-й стрелковой дивизии, 81-я моторизованная дивизия, 34-я кавдивизия и некоторые части 32-й кавдивизии, танковые батальоны стрелковых дивизий. Управление 4-го механизированного корпуса и 8-я танковая дивизия формировались в Львове, 10-я танковая дивизия в Золочеве. На формирование управления и корпусных частей 4-го мехкорпуса обращалось управление 49-го стрелкового корпуса. Дорожный батальон и авиаэскадрилья связи формировались заново. Основой для формирующейся 8-й танковой дивизии стала 24-я танковая бригада легких танков БТ. Управление дивизии, разведывательный батальон, батальон связи, саперный батальон, ремонтно-восстановительный батальон, танковые батальоны – все это формировалось на основе соответствующих частей 24-й танковой бригады. Только один танковый батальон был взят из 10-й танковой бригады Т-28. Командиром новой дивизии стал командир 24-й бригады, ветеран Испании, П.С. Фотченков. Не существовавшие в оргструктуре бригады артиллерийские и мотострелковые части создавались из отданных на формирование мехкорпусов стрелковых соединений. Гаубичный артполк 8-й танковой дивизии был сформирован из гаубичного артполка 7-й стрелковой дивизии, мотострелко-

13. Беженцы проходят мимо брошенного экипажем танка БТ-7А. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. На башне машины видна небольшая красная звезда (РГККФД).

вый полк – из стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион – из зенитного дивизиона 49-го стрелкового корпуса. По аналогичной схеме формировалась 10-я танковая дивизия. Основой для ее танковых, разведывательного, саперного батальонов стала 23-я танковая бригада БТ. Два танковых батальона были позаимствованы из 10-й танковой бригады Т-28. Гаубичный артполк формировался из конно-артиллерийского дивизиона 34-й кавалерийской дивизии, мотострелковый полк – из стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии, зенитно-артиллерийский дивизион – из зенитно-артиллерийского дивизиона 34-й кавалерийской дивизии. Моторизованная дивизия 4-го механизированного корпуса на момент его формирования уже существовала. 81-я моторизованная дивизия была переформирована зимой 1940 г. из стрелковой дивизии по решениям ГВС ноября 1939 г. Второй механизированный корпус КОВО, 8-й, формировался в Станиславе (управление и 15-я танковая дивизия), Стрые (12-я танковая дивизия) и Ганнополе (7-я моторизованная дивизия). На формирование управления 8-го мехкорпуса и его основных корпусных частей обращалось управление 4-го кавалерийского корпуса. Мотоциклетный полк формировался из кавалерийского полка 34-й кавалерийской дивизии. Формирование танковых дивизий корпуса проходило по схеме, аналогичной формированию 8-й и 10-й танковых дивизий. Основой для 12-й танковой дивизии стала 5-я танковая бригада БТ. Тяжелые и средние танки дивизия получила из 14-й танковой бригады Т-35. Именно тогда в состав 8-го мехкорпуса попали пяти-башенные гиганты Т-35, с которыми он будет колесить по дорогам в первые дни войны. Гаубичный артполк 12-й танковой дивизии формировался из артполка 146-й стрелковой дивизии. Мотострелковый полк – из полка 7-й стрелковой дивизии. Основой для 15-й танковой дивизии стала 14-я бригада тяжелых танков Т-35. Гаубичный и мотострелковый полки формировались аналогично 12-й дивизии из соответствующих частей 146-й и 7-й стрелковых дивизий. Вновь формируемая 7-я моторизованная дивизия большинство частей унаследовала от 7-й стрелковой дивизии, даже танковый батальон формировался из танкового батальона исходной стрелковой дивизии. Только управление соединения пришло из 34-й кавалерийской дивизии, видимо командование стремилось дать механизированному соединению энергичных офицеров из подвижного рода войск. Исключением также стал ремонтно-восстановительный батальон, позаимствованный из 10-й танковой бригады. Формирование 4-го механизированного корпуса было задержано необходимостью использования его частей для ввода войск в Буковину в июне 1940 г., но к августу 1940 г. оба механизированных корпуса были сформированы.

Осенью 1940 г. в КОВО появился еще один механизированный корпус. 14 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили в те же инстанции доклад за № орг/1/106163сс/ов, в котором предлагали мероприятия, необходимые для усиления войск в первой половине 1941 г. В частности, предлагалось сформировать в КОВО еще один механизированный корпус, 9-й.

Формирование механизированных корпусов в 1940 г. было качественным скачком в ор-

14. Танки Pz.III (справа) и Pz.IV (слева) 11-й танковой дивизии на улице украинского городка. 26 июня 1941 года. На борту Pz.III видно тактическое обозначение дивизии (перечеркнутый круг) и эмблема дивизии (летящая ведьма). Кроме того, эмблема нанесена и на ящике ЗИП на корме машины. На башне танка виден белый ромб – знак танкового батальона и номера 1 (на борту) и 1К (на корме) (АСКМ).

ганизации танковых войск РККА. Теперь у Красной армии были соединения, способные уходить на десятки километров вглубь от образованного прорыва, перевозя за танками в автомашинах пехоту, боеприпасы и топливо, самостоятельно уничтожать оперативные и стратегические резервы, обходить и окружать крупные группировки войск противника. С точки зрения обороны РККА получила крупные соединения, способные контрударами во фланг срезать вбитые в оборону на десятки километров танковые клинья противника. Новый 1941 год КОВО встречал, имея достаточно гармоничную структуру танковых войск. В округе было три механизированных корпуса для решения оперативных задач и танковые бригады Т-26 для непосредственной поддержки пехоты. Появление в составе округа двух сильных механизированных соединений позволило вывести на новый качественный уровень планы первой операции, разрабатывавшиеся в округе. По записке начальника штаба КОВО М.А. Пуркаева декабря 1940 г. 4 и 8-й механизированные и 5-й кавалерийский корпус объединялись в конно-механизированную армию. Задачей армии был прорыв в глубокий тыл построения немецких войск: «войти в прорыв на фронте 6 армии на участке Томашов, Тарногруд с задачей выйти в район Красник, Люблин и во взаимодействии с 5, 6 и 19 армиями и ВВС фронта уничтожить Люблинскую группировку противника, одновременно захватить частью сил западный берег р. Висла у Пулавы, Солец и Аннополь».

Однако зимой 1941 г. развернулись события, которые радикально изменили лицо танковых войск Киевского особого военного округа. По итогам декабрьского 1940 г. совещания командного состава и игр на картах января 1941 г. новым начальником Генерального штаба стал Г.К. Жуков. 12 февраля НКО и Генштаб представили в Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР новый мобилизационный план, известный как МП-41. Согласно этому плану предполагалось наличие в армии мирного времени 2 мотострелковых, 60 танковых, 30 моторизованных дивизий и 30 управлений механизированных корпусов. Это фактически означало создание 20 новых мехкорпусов, которое началось в феврале-марте 1941г. Уже 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых механизированных корпусов, танковых и моторизованных дивизий.

Теперь подавляющее большинство танков РККА должны были быть объединены в механизированные корпуса со штатной численностью 1031 танк. Тем самым уничтожалось видовое разнообразие танковых войск РККА, соединения и части, предназначенные для поддержки пехоты, исчезали вовсе. Опыт войны не подтвердил это решение. В 1945 г., несмотря на присутствие в Красной Армии свыше 20 тыс. танков и САУ никто не пытался создать 30 танковых армий. Их было всего шесть, а основная масса танков распределялась между соединениями и частями различного назначения, от эквивалентов танковых дивизий (танковых и механизированных корпусов) до бригад и полков непосредственной поддержки пехоты.

В КОВО формировались в дополнение к существующим соединениям 15, 16, 19, 22 и 24-й механизированные корпуса. Формирование новых мехкорпусов проходило в своеобразной манере, путем размножения про-

15. Автомобиль Horch и мотоциклы 1-й танковой группы на марше. Украина, июнь 1941 года. О принадлежности к группе Клейста можно судить по белым буквам К (АСКМ).

стым делением существующих соединений. Выведя из состава 8-го механизированного корпуса 15-ю танковую дивизию, получили основу для вновь формируемого 16-го механизированного корпуса. Аналогичным образом 10-я танковая дивизия 4-го механизированного корпуса первого формирования стала ядром вновь создаваемого 15-го механизированного корпуса генерал-майора И.И. Карпезо. Не избежал подобной участи только что созданный 9-й мехкорпус генерал-майора К.К. Рокоссовского. Его 19-я танковая дивизия стала основой для 22-го механизированного корпуса (командир генерал-майор С.М. Кондрусев) образца весны 1941 г. Впрочем, 9-й мехкорпус изначально не отличался высокой комплектностью. Соответственно вместо изъятой для создания нового соединения дивизии в старых мехкорпусах формировали с нуля танковые дивизии. В 4-м механизированном корпусе – 32-ю (командир полковник Е.Г. Пушкин, формировалась на базе 30-й легко-танковой бригады), в 8-м – 34-ю (командир полковник И.В. Васильев, формировалась на базе 26-й легко-танковой бригады Т-26) и в 9-м – 35-ю (полковник Н.А. Новиков). Ни одна из них не успела к началу войны получить автомашины и тягачи в достаточном количестве. Мало того, формировавшаяся из танковой бригады неспешных Т-26 34-я танковая дивизия, получила не отличавшиеся резвостью танки Т-35 из 12-й танковой дивизии, комплектовавшейся Т-34 и КВ, что еще больше ухудшило ее маршевые возможности. Тем самым корпуса хорошей комплектности, 4-й и 8-й, получали в нагрузку малоподвижную дивизию, совместные действия с которой представляли определенные трудности. Выведенные из состава 4, 8 и 9-го механизированных корпусов 10-я, 15-я и 19-я танковые дивизии получали на шею еще более тяжелый камень в лице двух слабоукомплектованных соединений: свежесформированной танковой и моторизованной дивизий. Ни 37-я танковая дивизия 15-го механизированного корпуса (командир полковник Ф.Г. Аникушкин), ни 39-я танковая дивизия 16-го механизированного корпуса (командир полковник Н.В. Старков), ни 41-я танковая дивизия 22-го механизированного корпуса (командир полковник П.П. Павлов, формировалась из 36-й и 38-й танковых бригад Т-26) к началу войны необходимого автотранспорта не получили и являлись подвижными соединениями только номинально, мотострелковый полк этих дивизий передвигался пешком, как обычная пехота. Они были подобны безногим боксерам, которые имели сильные танковые «кулаки», но ничтожную подвижность. Еще хуже была ситуация в формировавшихся с нуля весной

16. Немецкие солдаты позируют на фоне танка Т-34, брошенного из-за поломок. Львов, июль 1941 года. Это машина первых серий выпуска 1940 года с пушкой Л-11 и радиостанцией (РГАКФД).

Таблица 3. Состав механизированных корпусов КОВО на 22 июня 1941 г..

Дивизия	Танки							Артиллерия				Транспорт		
	КВ	Т-34	БТ	Т-26	Огнеметные	Плавающие	Всего	76-мм пушки	37-мм зенитные пушки	152-мм гаубицы	122-мм гаубицы	Автомашины	Тракторы	Мотоциклы
Полагалось по штату военного времени														
тд	63	210	26	22	54	–	375	4	12	12	12	1360	84	380
мд	–	–	258	–	–	17	275	16	8	12	16	1587	128	159
22-й механизированный корпус														
41 тд	31[1]	–	–	342	41	1	415	4	4	4	12	682	15	–
19 тд	–	–	34[2]	122[3]	7		163	4	4	12	12	295	52	10
215 мд	–	–	129	–	–	–	129	8	4	8	24	405	62	–
9-й механизированный корпус														
20 тд	–	–	30	3	3	–	36	4	4	12	12	244	38	10
35 тд	–	–	–	141	1	–	142	–	4	4	6	188	7	–
131 мд	–	–	104	–	–	18	122	16	4	8	16	595	69	17
19-й механизированный корпус														
40 тд	–	–	–	19	–	139	158	–	4	4	8	157	5	–
43 тд	5	2	–	230	–	–	237	4	4	12	12	630	15	18
213 мд	–	–	–	42	–	13	55	8	4	–	4	140	47	–
15-й механизированный корпус														
10 тд	63	38[4]	181	27	8	–	368	4	4	12	12	962	Нет данных	
37 тд	1	34	258	22	1	–	316	4	4	4	7	Нет данных		
212 мд	–	–	32	5	–	17	54	8	4	4	16	Нет данных		
4-й механизированный корпус														
8 тд	50	140[5]	31	36	–	–	325	Нет данных						
32 тд	49	173	31	70	–	–	323	Нет данных				417	46	94
81 мд	–	–	270	–	–	28[6]	298	16	4	12	16	945	93	173
8-й механизированный корпус														
12 тд	61	100	147	61		27	456	4	?	12	12	1288	127	?
34 тд	8	–	26	262[7]	30	4[8]	330	4	4	8	8	715	46	–
7 мд	–	–	115	–	–	19	134	16	?	12	16	1134	155	?

Примечания:
[1] – все КВ-2.
[2] – 6 БТ-7 линейных, 6 БТ-7 радийных, 14 БТ-5 линейных, 3 БТ-5 радийных, 5 БТ-2 с пулеметным вооружением (спарка 7,62-мм пулеметов ДА-2).
[3] – 47 однобашенных радийных, 75 однобашенных линейных.
[4] – также в дивизии числился 51 танк Т-28.
[5] – также в дивизии числилось 68 танков Т-28.
[6] – 18 танков Т-37 и 10 танков Т-40.
[7] – 77 танков Т-26 радийных, 173 танков Т-26 линейных, 10 Т-26 двухбашенных и 2 СУ-5.
[8] – все Т-37.

1941 г. новых, «двухсотых» (все они получили номера больше 200), моторизованных дивизиях свежеиспеченных мехкорпусов. Они не получили автотранспорта как механизированные части, но одновременно у них отсутствовали лошади и повозки как в обычных стрелковых дивизиях.

Таким образом, июнь 1941 г. танковые войска округа встретили в состоянии разброда и шатания. У стрелковых корпусов были отняты танки непосредственной поддержки, корпуса формирования 1940 г. были раздерганы на части. Если мы сравним не брутто-численность танков КОВО и 1-й танковой группы, а число пригодных к использованию инструментов ведения войны, танковых и моторизованных дивизий, то картина получится далекой от страшного перевеса РККА «в танках». В Киевском особом военном округе имеется шесть соединений, которые можно использовать как самостоятельные. Это 8-я танковая и 81-я моторизованная дивизии 4-го механизированного корпуса, 10 танковая дивизия 15 механизированного корпуса, 12-я танковая и 7-я моторизованная дивизии 8-го механизированного корпуса, 15-я танковая дивизия 16-го механизированного корпуса. Только эти соединения были хотя бы теоретически эквивалентны немецким танковым дивизиям, были способны выполнять маневры, полагающиеся подвижному соединению. Остальные не имели для этого достаточного количества автомашин. Итого четыре танковых и две моторизованных дивизии. Это вполне сравнимо с числом подвижных соединений 1-й танковой группы, состоявшей из пяти танковых – 9, 11, 13, 14 и 16, трех моторизованных дивизий – 16, 25 и моторизованная дивизия СС «Викинг». В качестве 1/2 моторизованной дивизии можно посчитать моторизованную пехотную бригаду СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Если мы сравним не количество танков противоборствующих сторон, а организационные структуры, то количество самостоятельных механизированных соединений КОВО и 1-й танковой группы вполне соразмерны друг другу.

Заметим также, что формальный подсчет автомашин в штуках не дает нам реальной картины подвижности соединения. Грузоподъемность широко распространенной ГАЗ-АА и ЗИС-5 отличалась вдвое, что делало замену ЗИСов «полуторками» совсем не равноценной. Командир 10-й танковой дивизии в своем отчете о боевых действиях соединения в приграничном сражении написал: «По штатам военного времени по маркам машин дивизия должна была иметь грузовых «ГАЗ-АА» – 332; грузовых «ЗИС-5-6» – 586. Фактически 22.6.41 г. вывели: «ГАЗ-АА» – 503; «ЗИС-5-6 « – 297. По общему количеству, считая, что одна машина «ГАЗ-АА» заменяет одну «ЗИС-5-6» (по установкам Автобронетанкового управления Киевского особого военного округа), казалось бы, что с количественной укомплектованностью дивизии транспортом дело обстоит благополучно. На самом же деле по грузоподъемности машина «ГАЗ-АА» ни в коем случае не может заменить «ЗИС-5», и это привело к тому, что значительная часть грузов (до 450 тонн) не была поднята с выходом частей в район боевых действий, а впоследствии (при отходе частей) была уничтожена». Совершенно аналогичная картина наблюдалась в других механизированных соединениях КОВО. Например, в 81-й моторизованной дивизии вместо 507 ГАЗ-АА по штату «полуторок» было с избытком – 538 штук, а ЗИС-5, напротив, остро не хватало – из 510 штатных было только 195 машин (ЦАМО, Ф.1230. Оп.1. Д.49. Л.6). Усугуб-

17. Танки Pz.III Ausf. F 1-й танковой группы на марше. Украина, июль 1941 года. На переднем плане видны указательные флаги, на одном из которых изображена эмблема 9-й танковой дивизии (АСКМ).

18. Pz.III Ausf. E 11-й танковой дивизии с десантом пехоты движется на новые позиции. Украина, июль 1941 года (БА).

19. Экипаж Pz.II Ausf. C из состава 16-й танковой дивизии уточняет боевую задачу. Украина, июнь 1941 года. На башне виден номер танка 505, нанесенный белой красной (БА).

18

19

лялось это явление нехваткой специальных машин, из 157 бензозаправщиков по штату в 81-й мотодивизии было всего 27 машин. Соответственно нагрузка на обычные автомашины дивизии еще больше возрастала, на них водружали бочки и превращали в импровизированные бензозаправщики.

Вместе с тем, не следует думать, что проблемы механизированных соединений РККА исчерпывались автомашинами. При комплектовании принципиально новых по своей сути соединений приходилось использовать технику, которая разрабатывалась по весьма далеким от потребностей механизированных частей требованиям. В первую очередь это касалось средств тяги артиллерии. Штатные гаубицы М-30 и М-10 мехкорпусов должны были буксироваться тракторами СТЗ-5. М.И. Потапов, выступая на совещании командного состава РККА в декабре 1940 г. в качестве командира 4-го механизированного корпуса, говорил: «Несколько слов об артиллерии. Наша артиллерия, которая входит в состав механизированного корпуса, имеет такой трактор – СТЗ-5, который не успевает в своем продвижении за танковыми частями, поэтому требуемого взаимодействия мы не получаем. Этот трактор необходимо снять с вооружения механизированного корпуса и заменить его более мощным и вездеходным». Вторил ему в низкой оценке СТЗ-5 М.Г. Хацкилевич, командир 6-го механизированного корпуса. Транспортный трактор СТЗ-5, являвшийся мечтой артиллериста стрелковой дивизии, мало подходил для подвижных соединений. Мощность двигателя этого тягача была всего 50 л.с. и в этом он существенно уступал полугусеничным тягачам немецких танковых дивизий, оснащенных двигателями в 100-140 л.с. Маневренные возможности мехкорпусов также су-

щественно ограничивались тем, что многие из них были сформированы из танковых бригад, прошедших в сентябре 1939 г. сотни километров по дорогам Польши. Соответственно, как писал командир 10-й танковой дивизии «...танки Т-28 имели запас хода в среднем до 75 моточасов. Танки БТ-7 имели запас хода от 40 до 100 моточасов, и лишь только на 30 машинах были поставлены новые двигатели».

Некоторые элементы организационной структуры механизированных войск просто копировались с европейских образцов. Примером такого копирования является попытка богато оснастить механизированные корпуса мотоциклами. Это новшество вызывало у командиров мехчастей в лучшем случае удивление. М.И. Потапов на декабрьском совещании комсостава резонно заметил: «И последний вопрос – о мотоциклетном полке и о копировании с иностранных государств. В состав корпуса входит мотоциклетный полк, который не имеет артиллерии, имеет только мотоциклеты с пулеметом. Я долго думал над этим вопросом, не знаю, товарищ Народный комиссар, мне кажется, что вообще найти правильное применение мотоциклетному полку нигде невозможно». Мотоцикл как транспортное средство был в СССР экзотикой, и что с ним делать в армии не совсем понимали. Напротив, в Европе в 20-е годы был настоящий бум мотоциклов, которые стали доступным по цене транспортным средством для рабочих и клерков. В Гер-

20. Горные егеря осматривают брошенные из-за технических неисправностей советские танки КВ-2. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

Таблица 4. Состав стрелковых дивизий 5 и 6-й армий КОВО (на 1 июня 1941 г.).

Армия, дивизия		Личный состав	Винтовки	Самозарядные винтовки	Пистолеты-пулеметы (ППД)	Ручные пулеметы	Станковые пулеметы	45-мм пушки	76-мм пушки	122-мм гаубицы	152-мм гаубицы	Минометы	Автомашины	Тракторы	Лошади
5 Армия	45 сд	8373	8958	–	351	360	156	64	33	34	12	141	127	50	1766
	62 сд	9546	8877	–	400	442	182	54	38	32	12	150	63	86	1892
	87 сд	9973	7269	–	562	448	170	54	41	32	12	149	328	58	1897
	124 сд	9471	7788	–	265	391	147	54	38	32	12	129	229	64	1771
	135 сд	9232	6682	–	422	542	161	61	36	28	13	141	194	17	2078
6 Армия	41 сд	9912	8867	4128	420	464	292	54	35	27	12	138	222	17	2462
	97 сд	10050	7754	3540	401	437	174	58	37	37	12	151	143	78	2535
	159 сд	9548	8278	3259	305	391	173	54	35	25	9	147	395	40	–
Штат №4/100		10291	7818		1159	371	164	54	16	32	12	150	414	–	1955
Штат сд военного времени (№04/400)		14483	10420		1204	392	174	54	38*	32	12	150	558	99	3039

Таблица 5. Артиллерийский парк Киевского Особого военного округа по состоянию на 1 июня 1941 г.	
Тип орудия	**КОВО**
45-мм противотанковая пушка обр. 1932, 1937 гг.	2276
76,2-мм полковая пушка обр. 1927 г.	678
76,2-мм дивизионная пушка обр. 1902/30 гг.	456
76.2-мм дивизионная пушка обр. 1936 г. Ф-22	810
76.2-мм дивизионная пушка обр. 1939 г. УСВ	67
76.2-мм горная пушка обр. 1938 г.	192
107-мм пушка обр. 1910/30 гг.	227
122-мм гаубица обр. 1910/30 гг.	848
122-мм гаубица обр. 1909/37 гг.	123
122-мм гаубица обр. 1938 г. М-30	431
122-мм пушка обр. 1931 г. А-19	187
152-мм гаубица обр. 1909/30 гг.	298
152-мм гаубица обр. 1938 г. М-10	314
152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г. МЛ-20	612
152-мм пушка обр. 1910/30 гг.	38
203-мм гаубица обр. 1931 г. Б-4	192
280-мм мортира обр. 1914/15 гг.	11
280-мм мортира обр. 1939 г. БР-5	24
Всего полевых орудий	7784
37-мм зенитная пушка обр. 1939 г.	292
76-мм зенитная пушка обр. 1931 г. 3-К и обр. 1938 г.	561
85-мм зенитная пушка обр. 1939 г. 52-К	1368
Всего зенитных орудий	2221
Бинометы	
Тип миномета	**КОВО**
50-мм ротный миномет	4373
82-мм батальонный миномет	2092
107-мм горный миномет	114
120-мм полковой миномет	393
Всего	6972

мании в 1940 году было 1 миллион 860 тысяч мотоциклов, а всего в европейских странах – 2,8 млн. Мобилизованные горожане перенесли мотоциклетные традиции в армию, превратившись в своего рода легкую кавалерию нового времени. Немецкие мотоциклисты на БМВ и «цюндапах» стали одним из символов «блицкрига». В 1940 году в СССР было всего несколько десятков тысяч мотоциклов. Помимо очевидного использования в качестве транспорта для передачи донесений применения ему не нашли. Насаждавшаяся сверху практика создания частей на мотоциклах понимания снизу не встретила, поэтому ни громкой славы, ни распространения мотоциклетные батальоны и полки не получили.

В целом можно сказать, что с 1939 по 1941 г. механизированные соединения сделали большой шаг вперед в организационном отношении. К сожалению, на этом пути не обошлось без перегибов, каковым является фактический отказ от танковых частей непосредственной поддержки пехоты.

Стрелковые соединения. Если танки были королями поля боя Второй Мировой войны, то нелишним будет вспомнить пословицу «короля играет свита». «Свитой» танковых соединений была пехота. В КОВО насчитывалось 32 стрелковых дивизии, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийских. Реально только 4 танковых и 2 моторизованных дивизии могли претендовать на роль подвижных соединений. Ситуация была симметричная вермахту и типичная для того периода – большую часть войск сторон составляли передвигающиеся пешком пехотинцы. В первом эшелоне (5, 6, 26, 12-я армии) было 15 стрелковых дивизий, 6 танковых и 3 моторизованных. Эти дивизии были распределены по всему 900-километровому фронту советско-германской границы на этом направлении, что в среднем давало плотность 50 км на стрелковую дивизию. Такая плотность не позволяла ни наступать, не обороняться. Проблемой советских стрелковых дивизий в приграничном сражении также была их неотмобилизованность. Мобилизация не была объявлена до 22 июня, и дивизии армий прикрытия содержались пусть по усиленному, но штату мирного времени (№4/100). Рассмотрим состав стрелковых дивизий армий, принявших непосредственное участие в танковом сражении на Украине в первую неделю войны.

Из таблицы видно, что при хорошей комплектности по стрелково-пулеметному и артиллерийскому вооружению дивизии были плохо оснащены транспортом, что существенно снижало их маневренные возможности. Трактора, автомашины и недостающие лошади должны были прибыть по мобилизации. Также предполагалось, что выдвижением второго эшелона округа (так называемыми «глубинным» стрелковыми корпусам) и дивизий внутренних округов будет достигнута приемлемая для обороны и наступления плотность на всем протяжении линии соприкосновения двух государств.

Артиллерия. Как и в других родах войск, в артиллерии Красной армии шло активное перевооружение на новые образцы, разработанные и запущенные в производство в конце 30-х. Это привело к большому разнобою в типах орудий в войсках. Парк артиллерии КОВО, как можно видеть из таблицы 6, был весьма разношерстым.

Согласно докладу начальника артиллерии Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта артиллерии Парсегова, на момент начала боевых действий наиболее острой была нехватка 37 мм зенитных орудий. По штату требовалось 984 единицы, а имелось менее 25% от этого количества. Напротив, 76.2 мм дивизионные пушки имелись в избытке и ими даже заменяли недостающие 76.2 мм полковые пушки обр. 1927 г. в дивизиях, формировавшихся в апреле 1941 г.

Реформа, проводившаяся в Красной армии с осени 1939 г. привела к одному весьма существенному отличию артиллерии РККА

Таблица 6. Средства тяги артиллерии Киевского особого военного округа по состоянию на 1 июня 1941 г.					
Тип трактора	**Всего**	**В артиллерии**	**В танковых частях**	**Прочие части**	**В ремонте**
СТЗ-3	961	339	45	380	197
СТЗ-5(СТЗ-НАТИ)	910	269	504	137	Нет
Сталинец, С-60	874	130	Нет	343	401
Сталинец, С-65	1823	1441	Нет	171	211
С-2	60	60	Нет	Нет	Нет
Т-20, Комсомолец	1088	576	342	Нет	170
Коминтерн	162	39	103	20	Нет
Ворошиловец	313	68	230	Нет	15
Коммунар	175	54	Нет	121	Нет

от артиллерии вермахта. Это было широкое использование механической тяги вместо гужевой в пехотных соединениях. В немецкой пехотной дивизии для транспортировки 105-мм и 150-мм гаубиц использовались только лошади. Артиллерийский полк пехотной дивизии вермахта это 2696 человек личного состава и ни много, ни мало 2249 лошадей. Механическую тягу в лице автомашин получали только противотанковые орудия. Всего в вермахте в 1941 году было свыше одного миллиона лошадей, 88% которых находилось в пехотных дивизиях. В гаубичном артиллерийском полку советской стрелковой дивизии штата №04/400 полагалось иметь 48 тракторов СТЗ-НАТИ для 122-мм гаубиц и 25 тракторов С-65 Сталинец для 152-мм гаубиц. Противотанковый дивизион имел 21 тягач «Комсомолец». Только орудия второго артполка советской дивизии, батальонная, полковая артиллерия транспортировались лошадьми. Критикуя сельскохозяйственные тракторы в РККА нужно помнить, что вместо них у немцев артиллерию тянули лошади. Уход от штатов 1939 г. к штатам 1941 г. в стрелковых частях был в СССР, прежде всего, уходом от лошади как основного средства транспортировки артиллерии.

Распределение средств тяги артиллерии см. в таблице 6. Хорошо видно, что сельскохозяйственные трактора в механизированных корпусах фактически отсутствовали.

Действительно реальной проблемой были оснащение сельскохозяйственными тракторами корпусной артиллерии округа. Это делало мощные орудия, такие как 122-мм корпусная пушка А-19, 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 и 203-мм гаубица Б-4, малоподвижными.

В отношении организации наиболее существенной деталью было формирование весной 1941 г. десяти противотанковых артиллерийских бригад РГК, пять из которых формировались в КОВО. По штату каждая бригада должна была иметь 48 76-мм пушек образца 1936 г. (Ф-22), 48 85-мм зенитных пушек, 24 107-мм пушек М-60, 16 37-мм зенитных пушек и 12 крупнокалиберных пулеме-

21. Командир Pz.III Ausf. H 14-й танковой дивизии проводит рекогносцировку местности. Группа армий «Юг», июль 1941 года. Пулемет в лобовом листе корпуса демонтирован (БА).

тов. Но пушка М-60 только в 1940 г. прошла испытания и в том же году была запущена в серию. В 1940-м году была выпущена пробная партия из 24 пушек, в 1941-м еще 103 пушки. Поэтому для противотанковых артиллерийских бригад этих орудий не хватало, и они заменялись на 85-мм зенитки. Командиром 1-й птабр был назначен генерал-майор К.С. Москаленко, 3-й птабр – полковник Д.И. Турбин, 4-й птабр – полковник М.И. Неделин, 5-й – полковник А.А. Гусаков. Бригады были равномерно распределены по всей территории округа, 1-я птабр дислоцировалась в Луцке, 2-я птабр – в Скалате, 3-я птабр – в Станиславе, 4-я птабр – в Проскурове, 5-я – в Новоград-Волынском. По плану прикрытия все они должны были остаться в резерве командующего фронтом. К сожалению, бичом противотанковых бригад РГК, как и всех подвижных соединений формирования весны 1941 г. было отсутствие транспортных средств. По штату в каждой птабр должно было быть 584 грузовых автомобиля, 123 специальных автомобиля (ремонтные летучки, заправщики итп.), 11 легковых автомобилей и 165 тракторов. По данным на 12 июня 1941 года, птабр почти не имели тракторов и получили только 20% положенных по штату автомобилей. Например, 1-я противотанковая артиллерийская бригада имела всего 42 автомобиля и 6 тракторов. Только 5-я противотанковая артиллерийская бригада была укомплектована тягачами и автотранспортом. Позволю себе предположить, что это было косвенным следствием формирования механизированных корпусов весной 1941 г., поглощавшим автотранспорт и тягачи. В результате 43-я танковая дивизия 19-го механизированного корпуса на Т-26 свои 122 мм гаубицы из Бердичева до Дубно дотащила тракторами СТЗ-5, а противотанковая бригада К.С. Москаленко с ее мощными 85-мм зенитками, способными уничтожать немецкие танки с дистанции более чем километр, обладала весьма скромными маневренными возможностями.

Укрепленные районы. Одним из самых масштабных проектов военного строительства 1940–1941 гг. было сооружение на новой границе укреплений, получивших неофициальное наименование «линия Молотова» (см. таблицу 7). Летом 1940 г. была заложена система УРов, по количеству сооружений не уступающая «линии Мажино». По плану «линия Молотова» должна была состоять из 5807 сооружений. Для сравнения, «линия Мажино» это около 5600 сооружений, а «линия Сталина» – 3817 сооружений, из которых было построено 3279. Причем на новой границе строились более совершенные укрепления с казематами Ле Бурже фланкирующего огня, почти половина из которых должны были стать артиллерийскими. Да и боевые характеристики самих сооружений было несравнимо выше. Укрепления «линии Сталина» по сравнению с ДОТами «линии Молотова» были словно Т-26 рядом с Т-34.

Однако всем этим амбициозным замыслам суждено было сбыться лишь частично. Успели

Таблица 7. Укреплённые районы на новой границе («линия Молотова») на территории КОВО.

Наименование УР	Фронт, км	Глубина, км	Количество узлов обороны	Количество ДОС			Количество ОПУЛАБ *	
				В стадии строительства	Построенные	Боеготовые	Развернутые в УР	Предполагалось дополнительно развернуть в УР в 1941 г.
Ковельский	80	5–6	9	138	Нет**	–	2	–
Владимир-Волынский	60	5–6	7	141	97	97	4	2
Струмиловский	45	5–6	5	180	84	84	4	1
Рава-Русский	90	5–6	13	306	95	95	3	2
Перемышльский	120	4–5	7	186	99	99	2	1

** – ОПУЛАБ – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон.*
*** – в Ковельском УРе была оборудована только полоса обеспечения (предполье), проходившая вдоль государственной границы и состоявшая из 14 батальонных районов и одного отдельного ротного опорного пункта.*

Таблица 8. Соотношение сил КОВО и группы армий «Юг« к 22 июня 1941 года.

Вермахт		Соотношение	РККА	
Группа армий «Юг»	1530,8 тыс. чел.	1,41:1	1082 тыс. чел.	Киевский особый округ и 9-я отдельная армия
	15,7 тыс. орудий и минометов	1:1,27	20 тыс. орудий и минометов	
	949 танков	1:6,7	6377 танков (из них 288 КВ, 546 Т-34)	
	1473 самолета	1:1,76	2597 самолетов	

22. Грузовик «Рено» моторизованной дивизии СС «Викинг» проезжает мимо брошенного тяжелого танка КВ-1 выпуска 1940 года (без шаровой пулеметной установки в лобовом листе корпуса). Украина, июнь 1941 года (АСКМ).

построить около четверти сооружений, а построенные не получили линий связи, не были замаскированы и обсыпаны землей. В сравнении с другими участками «линии Молотова» УРы на территории КОВО были в наибольшей готовности как по числу боеспособных сооружений, так и по общему проценту готовности. Большинство УРов КОВО оказалось в полосе немецкого наступления, и оказали определенное влияние на развитие событий в первые дни войны.

Тыл. Склады Киевского особого военного округа можно разделить на две группы. Первая группа складов была приближена к государственной границе. Они размещались вдоль линии Ковель, Ровно, Тернополь, Коломыя. При нормальном течении боевых действий, без катастрофического развития хода сражения такое расположение было вполне удобным, уменьшавшим плечо подвоза для войск. Быстрое движение линии фронта в июне 1941 г. привело к захвату некоторых из этих складов уже в первые дни войны. Но не следует путать причину и следствие. Не ошибочное расположение складов привело к их потере и катастрофе, а катастрофа Приграничного сражения привела к потере складов. Вторая линия складов КОВО располагалась в глубине построения войск округа вдоль рокады Овруч, Коростень, Житомир, Бердичев, Винница, Жмеринка. Удаление этой группы складов на 150–200 километров от складов первой линии затрудняло снабжение гужевым транспортом, а количество автомашин в войсках вследствие неотмобилизованности соединений было недостаточным для уверенного использования автотранспорта. Основным средством снабжения в этих условиях стали железнодорожные «летучки» и перевозки окружным автотранспортом.

Командование. Вместо ушедших в верхние эшелоны власти командующих в КОВО пришли новые люди. Первую группу составили проявившие себя в ходе советско-финской войны. Командующим округом стал Герой Советского Союза генерал-лейтенант М.П. Кирпонос, командовавший в той войне стрелковой дивизией. Несмотря на молодость и быстрый карьерный взлет, Кирпонос сумел в последние мирные полгода завоевать уважение офицеров округа. Неопытность командующего в какой-то мере компенсировал начальник штаба округа М.А. Пуркаев, давний соратник Г.К. Жукова, везде следовавший за ним. Карьеру Максима Алексеевича прервет неудачный «Марс» ноября 1942 г. М.П. Кирпонос был не единственным ветераном финской кампании, продвинувшимся на высокие должности. Во главе 6-й армии, находившейся на ключевом направлении, был поставлен командовавший во время боев в Финляндии 4-й стрелковой дивизией И.Н. Музыченко. Командирами противотанковых бригад РГК были назначены ветераны финской К.С. Москаленко и Д.И. Турбин. Последний стал в той войне Героем Советского Союза. Продвигались не только ветераны финского фронта. Хорошо себя зарекомендовавший на посту командира 4-го механизированного корпуса М.И. Потапов получил 5-ю армию, которая станет главным участником сражений Юго-Западного фронта и окружение которой станет прологом гибели всего фронта в роковом сентябре 1941 г. Освободившееся место командира 4-го мехкорпуса займет А.А. Власов, с которым связана одна из самых черных страниц Великой Отечественной. Отдельную группу составляли возвращенные из заключения репрессированные военачальники. Командовавший 1-й ОКА К.П. Подлас был арестован в декабре 1938 г. и освобожден в апреле 1939 г. Перед войной он занимал должность заместителя командующего КОВО. Хорошо известный многим командир 9-го механизированного корпуса К.К. Рокоссовский был освобожден только в марте 1940 г. В целом командный состав соединений, участвовавших в сражении, был отражением выросшей к 1941 г. до 300 дивизий РККА. Большинством танковых и моторизованных дивизий командовали полковники, большинством мехкорпусов – генерал-майоры.

Последние мирные дни. До начала июня политическая обстановка не давала однозначного ответа о намерениях немцев. Данные разведки не давали внятного ответа о направленности немецких устремлений, а на дипломатическом поприще царило гробовое молчание. 14 июня 1941 г. советским руководством был предпринят внешнеполитический демарш, в «Известиях» было опубликовано сообщение ТАСС, эзоповым языком дипломатов призывавший немцев к переговорам.

Одновременно были предприняты шаги по повышению готовности к войне армии. Ближе к границе выдвигались «глубинные» стрелковые корпуса. Они с 18 июня находились на марше и подходили в районы: 31 ск (200, 193, 195 сд) – Карпиловка, Березно, Кобылье; 36 ск (228, 140, 146 сд) – Дубровка, Лабунь, Староконстантинов; 37 ск (141, 80, 139 сд) – Ямполь, Волочиск. Янов; 55 ск (169, 130, 189 сд) – Нов. Ушица, Шпиков, Могилев-Подольский; 49 ск – две стрелковые дивизии (190, 197) перевозились по железной дороге в

район Гусятин, Ярмолинцы и 199 сд подходила в район Погребище (походом). Непосредственно в дубненских боях из этих корпусов примут участие подразделения 31 и 36-го корпусов. Выдвигались к границе и стрелковые соединения армий прикрытия. В течение 16–18 июня были сняты с полигонов и выдвинуты ближе к границе 45 и 62-я стрелковые дивизии 5-й армии и 41-я стрелковая дивизия 6-й армии. 18 июня получила приказ на выдвижение в освободившийся после ухода 62-й дивизии лагерь Киверцы (у Луцка) 135-я стрелковая дивизия 5-й армии. 19 июня из Генерального штаба было получено распоряжение о создании на базе управления КОВО управления Юго-Западного фронта и о передислокации его в Тарнополь. Вечером 20 июня убыл в Тарнополь железнодорожный эшелон штаба округа, а на следующий день выехала автоколонна с оставшейся техникой и людьми. Фактически выполнялись мероприятия, заложенные в план прикрытия. Управление округа должно было переместиться в Тарнополь на второй день мобилизации.

Но все эти меры запоздали. Немецкое командование уже успело сосредоточить у границ округа силы вторжения. Последним аккордом развития ситуации стал сапер из 75-й пехотной дивизии Альфред Лисков, перешедший к нам вечером 21 июня в полосе 5-й армии. Он сообщил о готовящемся на утро 22 июня наступлении немецких войск. О перебежчике было немедленно сообщено М.А. Пуркаевым в Москву Г.К. Жукову. Эта информация оказалась последней каплей. До этого с 19.00 Политбюро в Кремле выслушало достаточно тревожный доклад вернувшегося из Берлина военно-морского атташе Воронцова. Прибывший на заседание в 20.50 Г.К. Жуков подлил масла в огонь сообщением о Лискове.

Результатом заседания была Директива №1, гласившая:

«1. В течение 22-23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО». Войскам предписывалось «быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

В первом часу ночи она дошла до округов, а затем началась ее передача в армии. Существенно удлинила путь директивы в войска необходимость ее расшифровки. Политическое руководство страны решило не вводить планы прикрытия в полном объеме, запретив переход и перелет границы. Поэтому вместо краткого приказа на ввод в действие планов прикрытия передавалась сравнительно пространная телеграмма. В 5-й армии текст директивы был сообщен командарму только в 2 часа 30 минут ночи 22 июня. В начале четвертого М.И. Потапов лично обзвонил командиров корпусов и приказал поднять войска по тревоге. Времени на приведение в боевую готовность войск на направлении главного удара немцев оставалось ничтожно мало.

23. 16-я танковая дивизия на марше. Группа армий «Юг», июль 1941 года. Слева танк Pz.IV, в центре автомобили Wanderer W14 и Horch Kfz. 23, справа брошенный советский автомобиль ГАЗ-АА (БА).

Сражение начинается

Загремевшие в 3.30 утра 22 июня 1941 г. на всем протяжении советско-германской границы залпы тысяч орудий в большинстве своем не нашли себе достойных целей на советской территории. Огонь велся по полупустым позициям. За редким исключением, например Бреста, где в зоне огня артиллерии немцев были сконцентрированы крупные силы советских войск, на границе находились только пограничники, отдельные части дивизий армий прикрытия и гарнизоны УРов. В полосе КОВО исключение составила только 41-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в 5–6 км от границы на западной окраине Владимир-Волынского. Дивизия понесла ощутимые потери, но вскоре вышла из-под обстрела и направилась в район Ковеля, выполняя предписание плана прикрытия. В какой-то мере запаздывание с приведением войск в боевую готовность согласно директиве №1 объективно сыграло положительную роль. Занятие соединениями армий прикрытия назначенных им позиций на границе привело бы к вступлению их в бой на растянутом фронте и под интенсивным воздействием немецкой артиллерии уже в первые минуты войны. В реальности боевые действия шли по далекому от планов прикрытия сценарию. Наиболее динамично развивались события на направлении главного удара, в полосе 5-й армии. Пока немецкие войска форсировали Буг по наведенным саперами переправам или по захваченным диверсантами «Бранденбурга» мостам, полки дивизий 27-го и 15-го стрелковых корпусов были подняты по тревоге и начали выдвижение к границе. Не доходя до нее 10-15 км, они встретились с передовыми и разведывательными частями немцев и в 11.00–13.00 завязали встречное сражение на нескольких направлениях при отсутствии сплошного фронта. Наиболее удачным с точки зрения реальной обстановки оказалось положение 87-й стрелковой дивизии. Полки соединения в походных колоннах выдвинулись к Владимир-Волынскому и вступили в бой в плотных боевых порядках. По приказу командующего 5-й армии М.И. Потапова дивизии были приданы два танковых батальона из состава 41-й танковой дивизии. Тем самым уже в первые часы войны произошел фактический отказ от предвоенной идеи ликвидации танков поддержки пехоты – дивизии мехкорпусов формирования весны 1941 г. начали раздергиваться побатальонно для придания их стрелковым соединениям. Танки Т-26 41-й танковой дивизии получали те же задачи, которые им пришлось бы выполнять в составе танковых бригад, из которых собственно и формировалась дивизия. Командир 87-й стрелковой дивизии генерал Алябушев принял решение контратаковать плацдарм немцев у Устилуга (западнее Владимира-Волынского) и тем самым предотвратить захват города и развитие наступления вдоль шоссе. Дивизия наступала двумя полками, оставив третий в резерве для прикрытия фланга, поскольку сосед слева у соединения отсутствовал. Два танковых батальона Т-26 были приданы 96-му стрелковому полку. Противником дивизии Ф.Ф. Алябушева стала 298-я пехотная дивизия. В результате боя 87-я стрелковая дивизия смогла потеснить немцев на 6-10 километров к западу от Владимира-Волынского. Однако уже в 13.00 на плацдарм у Устилуга переправилась 14-я танковая дивизия корпуса Э. фон Маккензена и баланс сил резко изменился не в нашу пользу. Кроме того, получила свое развитие общая неблагоприятная обстановка вступления в бой дивизий армий прикрытия. Сконцентрировав усилия против оси немецкого удара, в районе шоссе, проходящего через Владимир Волынский, командир 87-й дивизии одновременно оставил ничем не прикрытым более чем 20-километровый разрыв с соседом слева, 124-й стрелковой дивизией. В этом промежутке форсировали Буг и завязали бои с гарнизонами ДОТов «Линии Молотова» 44-я и 299-я пехотные дивизии. Если для 44-й дивизии, формировавшейся в Австрии, ДОТы оказались «крепким орешком» (бои соединения на них характеризовались вечером в ЖБД ГА «Юг» как «локальные неудачи»), то вторая дивизия успешно их преодолела и к вечеру 22 июня продвинулась 10-15 км юго-восточнее Владимира-Волынского. Тем самым фланг 87-й стрелковой дивизии был глубоко обойден слева.

В схожей ситуации оказалась вторая советская стрелковая дивизия, оказавшаяся в полосе главного удара немцев. 124-я стрелковая дивизия Ф.Г. Сущего была поднята по тревоге, и подобно своим собратьям от Балтики до Карпат начала выдвижение к границе. Уже в 9 утра 622-й стрелковый полк дивизии вступил в бой с передовыми частями 111-й пехотной дивизии. Вскоре все три полка втянулись в бои с наступающими немецкими пехотными дивизиями, на каждый полк пришлось по одной из них. Главным козырем 124-й дивизии стал 21-й корпусной артиллерийский полк 27-го корпуса, вооруженный двадцатью 122-мм пушками А-19 и сорока восемью 152 мм гаубицами-пушками МЛ-20.

Но в отличие от оказавшейся в нужное время в нужном месте дивизии Ф.Ф. Алябушева, соединение Ф.Г. Сущего выдвигалось к границе и вступило в бой в стороне от основной транспортной магистрали. Однако именно здесь произошел прорыв обороны 5-й армии сразу на большую глубину. В 13–15 часов через Буг переправилась 11-я танковая дивизия XXXXVIII моторизованного корпуса. После скоротечного боя на «линии Молотова» дивизия заняла идущее из сокальского выступа шоссе. В 23.00 22 июня отряды 11-й танковой дивизии расположились лагерем к западу от Стоянова, в 25 километрах от границы. Помешать продвижению танковой дивизии на восток скованные боями части 124-й дивизии никак не могли, а других соединений на пути танкистов Крювеля не было. Она могла беспрепятственно продвигаться дальше. Воздействовать на продвижение дивизии возможно было фланговыми ударами. Но пока советская сторона даже не подозревала о ее существовании.

На остальных участках фронта в полосе ставшего Юго-Западным фронтом Киевского особого военного округа первый день войны прошел сравнительно спокойно. Попыток

крупными силами вторгнуться на советскую территорию по периметру львовского выступа войска немецкой 17-й армии в первый день войны не предпринимали. Это позволило советской стороне сделать выпад в их сторону. 41-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. Н. Микушева совместно со сводными подразделениями пограничников предприняла наступление локального значения, продвинувшись на глубину более чем в 3 км от границы. Немецкие источники объясняют это так: «262 пд оказалась подвержена «боязни противника» и отступила. Восточное крыло корпуса, несомненно, находится в состоянии тяжелого кризиса. Это положение будет исправлено за счет того, что в течение ночи 296 пехотная дивизия будет введена между боевыми порядками 24 и 262 пехотных дивизий».

Механизированные соединения Юго-Западного фронта в первый день участия в боевых действиях (за исключением частей 41-й танковой дивизии) не принимали. Основным действующим документом для них были планы прикрытия, предусматривавшие выход во второй эшелон армий, в состав которых они были включены. Будущий главный участник сражения за Дубно, 8-й механизированный корпус, в первый день войны успел намотать на гусеницы около 80 километров, выдвинувшись в резерв 26-й армии. Здесь хочется еще раз недобрым словом помянуть формальный подход штаба Юго-Западного фронта к составлению плана прикрытия границы. Сильное механизированное соединение предназначалось для использования на явно второстепенном с точки зрения обороны направлении. Тем самым корпус Д.И. Рябышева выводился из игры в первых боях. Маневр, аналогичный движениям 8-го механизированного корпуса был выполнен его собратом из 6-й армии, 4-м механизированным корпусом А.А. Власова. Только отдельные его части не выдвинулись к границе. Это 202-й мотострелковый полк 81-й моторизованной дивизии, оставшийся в Львове для несения гарнизонной службы и мотострелковый и гаубичный полки 32-й танковой дивизии, из-за отсутствия транспорта следовавшие за своим соединением с большим опозданием. Непосредственно навстречу немецкому танковому клину согласно плану прикрытия в первый день войны выступили куда более слабые соединения: 9-й механизированный корпус К.К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус Н.В. Фекленко. В 12.00–14.00 оба корпуса выступили из мест постоянной дислокации на запад. Но им требовалось пройти не одну сотню километров до того, как войти в соприкосновение с наступающим противником.

Также выдвигался к границе по плану прикрытия находившийся в подчинении штаба Юго-Западного фронта 15-й механизированный корпус. Его 10-я танковая дивизия из Золочева, 37-я танковая дивизия из Кременца и 212-я моторизованная дивизия из района Брод выдвигались в районы сосредоточения, расположенные вблизи разграничительной линии между 5-й и 6-й армиями. Из 10-й танковой дивизии был выделен передовой отряд в составе 3-го батальона 20-го танкового пол-

24. Машины 670-го батальона истребителей танков на марше. Группа армий «Юг», июнь 1941 года. Впереди танк Pz.I, за ним установки Panzerjager I (АСКМ).

25. Мотоциклисты и командирский танк Pz. Bef. Wg. III меняют позиции. Группа армий «Юг», июль 1941 года. Судя по обозначению на башне и корпусе, танк принадлежал 1-му батальону 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии (АСКМ).

ка и 2-го батальона 10-го мотострелкового полка, который в 9.50 выступил в направлении Радзехув с задачей ликвидировать авиационный десант противника в этом районе. Советские войска еще не успели привыкнуть к глубоким прорывам и часто идентифицировали прорвавшиеся глубоко в тыл механизированные части противника как воздушные десанты. Не обнаружив немцев в указанном районе, поздно вечером, в 22.00 передовой отряд вступил в соприкосновение с передовыми частями немцев в районе Корчина (18 км ближе к границе от Радзехува), вернулся назад и к исходу 22.6.41 г. перешел к обороне на его окраинах Радзехува.

В 15 часов штаб 6-й армии приказывает командиру 4-го механизированного корпуса выделить два батальона средних танков от 32-й танковой дивизии и один батальон мотопехоты от 81-й моторизованной дивизии для уничтожения противника в районе Радзехува. Фактически это была посылка силовой разведки с целью прояснения обстановки на правом фланге армии. Возглавил группу подполковник Лысенко (командир 323-го мотострелкового полка 81-й моторизованной дивизии). Так в район Радзехува было направлено два небольших, но вооруженных новейшими танками отряда механизированных частей Юго-Западного фронта. Они еще не знали, что в нескольких километрах севернее остановилась на ночь 11-я танковая дивизия, с танкистами которой им предстояла столкнуться в бою на следующий день.

Первая разведывательная сводка Юго-Западного фронта, отправленная в Москву около 15.00, не выглядела устрашающей:

«1. Противник перешел госграницу на фронте Влодава, Перемышль и Липканы, Виковерхня (10 км северо-западнее Рэдэуци) в составе:

луцкое направление – четыре – пять пехотных дивизий и танковая дивизия;

рава-русско-львовское направление-три-четыре пехотные дивизии с танками;

перемышль-львовское направление-две-три пехотные дивизии;

черновицкое направление – четыре румынские пехотные дивизии».

Первое, что бросается в глаза в этой разведсводке это отсутствие четкой границы между направлением главного удара и вспомогательными. Силы немцев на левом крыле 5-й армии и на стыке между 5-й и 6-й армиями принципиально не отличаются в документе от действующих напротив главных сил 6-й армии. Появление 11-й танковой дивизии разведка не заметила. Было вскрыто только появление 14-й танковой дивизии у Устилуга. Объясняется это тем, что 14-я танковая вступила в соприкосновение с 87-й стрелковой дивизией, а 11-я танковая действовала только против гарнизона УРа, не имевшего устойчивой связи с вышестоящими штабами.

Обозначенные в разведсводке немецкие соединения были вполне соразмерны силам армий прикрытия. Вследствие этого высшее военное руководство решило ответить на вторжение активными наступательными действиями, нацеленными на перехват инициативы.

Тем временем обстановка начала постепенно проясняться. Уже в 18.00 командование ставит 10-й танковой дивизии задачу «наступать в направлении Соколувка, Топорув и во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом уничтожить танковые части противника в районе Радзехув». Так «десант» был в

итоге квалифицирован как прорвавшиеся в глубину танковые части. Опасность прорыва из сокальского выступа была осознана и командование фронта начало принимать меры, пытаясь на ходу исправить ошибки, заложенные в план прикрытия и собрать механизированные корпуса в львовском выступе в районе севернее и северо-восточнее Львова. Командующему 6-й армией предписывалось: «частями 4-го механизированного корпуса из района Жулкев нанести сильный контрудар и уничтожить противника совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радзехув». Не успевший сосредоточиться в резерве 26-й армии 8-й механизированный корпус направлялся через Львов в его северо-восточные пригороды, Куровице, Винники, Борыниче. Корпус с 23-24.00 22.6.41 г. начал выдвижение в новый район по двум маршрутам. Наиболее сложным вопросом, стоявшим на тот момент перед командованием Юго-Западного фронта, была организация управления контрударом. Фактически штаб фронта пошел по пути наименьшего сопротивления и передал механизированные корпуса (за исключением 15-го) в подчинение армий, на стыке которых был осуществлен прорыв

26.Бронеавтомобиль БА-10 разведывательного батальона одной из стрелковых дивизий Красной Армии. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

фронта. Соответственно 8-й механизированный корпус был уже 22 июня передан 6-й армии. Главным минусом этого решения было распыление внимания командарма между полосой своей армии и крупномасштабной задачей флангового контрудара. Более целесообразным представляется передача полос обороны на границе 8-го и 6-го стрелковых корпусов в руки командующего 6-й или 26-й армии с высвобождением армейского управления для координации контрудара мехсоединениями.

Вечером первого дня войны из Москвы в округа был направлен документ, известный как Директива №3. Задачи армий Юго-Западного фронта в ней формулировались следующим образом:

«г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А[рмий], не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления».

Сегодня, когда мы знаем реальную обстановку, чеканные строки Директивы №3 выглядят, мягко говоря, странно. Но как ответ на дневные донесения штаба фронта, сообщавшего о сравнительно слабых силах противника на всех направления, подобные указания выглядят вполне логично.

Но помимо режущего глаз «района Люблина» в Директиве №3 содержалось и рациональное зерно, она призывала обрушить на 1-ю танковую группу удары пяти механизированных корпусов. В сборе сил для контрудара принял участие лично Г.К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня из Москвы. Он поддержал решение командования фронта и начал помогать готовить мехкорпуса для контрудара. Начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмян вспоминает: «Жуков поинтересовался, имеем ли мы проводную связь с Музыченко. Получив утвердительный ответ, генерал армии сказал, что побывает у него, а пока переговорит с ним. Кирпонос распорядился немедленно вызвать командующего 6-й армией к аппарату. Выслушав доклад командарма о состоянии войск, о противнике, Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии».

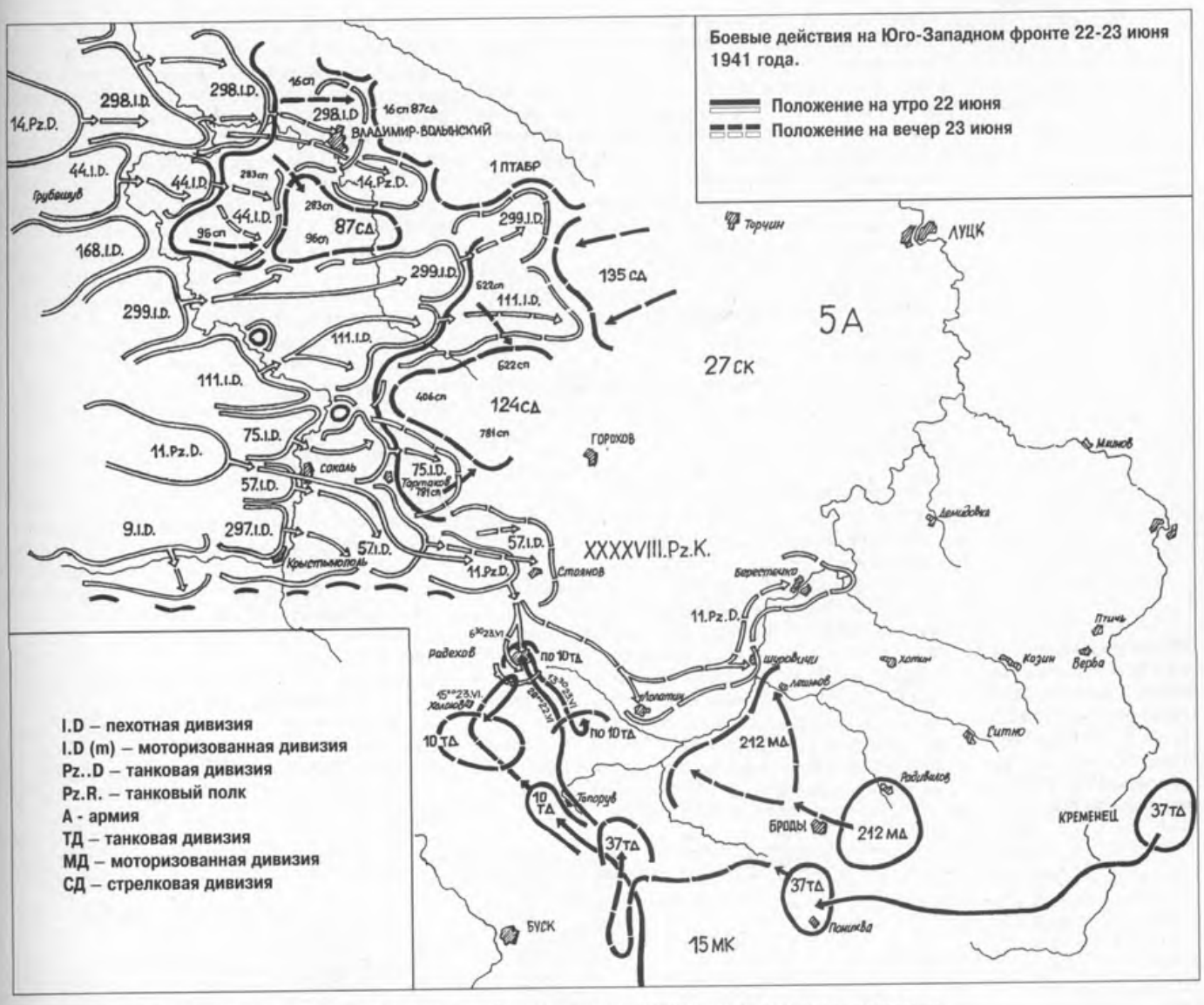
Помимо танковых соединений, силы вторжения должны были подвергнуться ударам с воздуха. Несмотря на приоритетность задачи уничтожения советской авиации на аэродромах, немцам не удалось одним ударом вывести из игры ВВС КОВО. Всего в первый день войны был потерян 301 самолет. Из общего числа потерь на земле было уничтожено и повреждено 174 самолета. Новейшие исследования дают даже несколько большую цифру, 277 уничтоженных на земле самолетов. Цифра большая, но Западный особый военный округ 22 июня потерял куда больше, 738 самолетов. На направлении главного удара уничтожение советской авиации на аэродромах и в воздухе велось намного интенсивнее. Соответственно, ВВС ЗапОВО уже в первый день потеряли 41% самолетов, ВВС КОВО – только 15,5%. Удар, нанесенный военно-воздушным силам Красной Армии на киевском направлении, был сильным, но далеко не смертельным. Немецкий 5-й авиакорпус в первый день войны недосчитался 35 самолетов. Командующий ВВС ЮЗФ Птухин принял решение задействовать против сил вторжения авиасоединения 5-й и 6-й армий. По немецким войскам, наступавшим из района Сокаль, Кристынополь, Пархач, должны были работать авиасоединения 6-я армии: 15-я и 16-я авиадивизии, 33-й скоростной бомбардировочный полк и 19-я авиадивизия. ВВС 5-й армии (14, 62 и 18-я авиадивизии) ставились задачи на нанесение ударов по немецким войскам в районе Грубешува и Владимира-Волынского во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом. Однако на второй день войны взаимодействия авиации 5-й армии с танками не получилось. Командующий армией М.И. Потапов оценив реальные маршевые возможности соединений 22-го мехкорпуса, сдвинул время сосредоточения для контрудара на 4.00 утра 24 июня.

Утром 23 июня командир 87-й стрелковой дивизии Ф.Ф. Алябушев решил продолжить опасную игру с открытыми флангами без сплошного фронта. В какой-то мере это может быть объяснено тем, что он получил информацию из штаба 27-го стрелкового корпуса о вводе 23 июня в стыке между 87-й и 124-й стрелковыми дивизиями 135-й стрелковой дивизии – резерва командира 27-го стрелкового корпуса.

Но тактика обороны направлений без сплошного фронта, работавшая осенью под Москвой в условиях раскисших проселочных дорог была смертельно опасной летом 1941 г. Обе дивизии 27-го корпуса вскоре были охвачены с флангов и частично окружены.

Уже утром второго дня войны состоялся первый танковый бой на Украине. Намеченный вечером 22 июня сбор сил мехкорпусов Юго-Западного фронта оказался смазанным. Несмотря на принятое решение использовать в контрударе сильнейшее танковое соединение округа – 4-й механизированный корпус, его участие оказалось минимальным. Во-первых, 8-я танковая дивизия не смогла выйти в исходное положение для контрудара из-за того, что саперы поторопились взорвать мосты через Буг, лежащие на маршруте дивизии. Во-вторых, командующий 6-й армией И.Н. Музыченко несколько подкорректировал задачи корпуса, добавив в них помимо Радзехува действия по подпиранию фронта 3-й кавалерийской дивизии.

Тем временем прорвавшаяся в предыдущий день на 25 километров от границы немецкая 11-я танковая дивизия уже в 3.30 возобновила свое движение. Командир дивизии разделил свое соединение на две боевые группы. Одна из них должна была развивать успех первого дня, прорываясь в глубину построения советских войск, а вторая обеспечить наступление с фланга. Основу первой группы составил 110-й мотопехотный полк. Впослед-



ствии такое построение сохранится в течение всех летних боев, в первом эшелоне дивизии двигались мотопехота, мотоциклисты, разведывательный батальон, а во втором эшелоне и на флангах – танки. Пока шел первый танковый бой, боевая группа 110-го полка продвинулась к 17.00 23 июня на 15 км восточнее, достигнул Лопатина, а 61-й мотоциклетный батальон – переправ у Берестечко, в 30 км к востоку от места ночевки дивизии. Вторая боевая группа, ставшая главным участником боя, строилась вокруг 15-го танкового полка. Ему была придана артиллерия, зенитные орудия. Бывший кавалерист Крювель прекрасно осознавал опасность флангового удара в маневренной войне, и выдвинул навстречу ему основную массу танков своей дивизии. Прикрытие фланга предполагалось осуществлять захватом и удержанием узлов дорог южнее основного маршрута дивизии.

В 5.15 утра «танковая» боевая группа дивизии Крювеля атаковала Радзехов. Прорвавшись при поддержке артиллерии в сам городок, немецкие танки столкнулись на его улицах с Т-34. «Тридцатьчетверки» сразу дали почувствовать свой тяжелый удар, у одного из немецких танков была сорвана командирская башенка, а командир танка смертельно ранен. Но силы были явно неравны: с советской стороны был передовой отряд без артиллерийской поддержки, а с немецкой – усиленный танковый полк при поддержке сильного артиллерийского кулака. Танкисты двух батальонов 10-й танковой дивизии были вынуждены отступить. По нашим данным немцы потеряли в этом бою 20 танков, 16 противотанковых орудий и до взвода пехоты. Потери передового отряда 10-й танковой дивизии составили 20 танков БТ, 6 танков Т-34, 7 человек убитыми, 11 человек ранеными и 32 человека без вести пропавшими. Уничтожение 6 танков Т-34 не должно вызывать удивление. Поддержку их атакующим танкам составляли 88-мм зенитки, которые со стационарных позиций могли расстреливать Т-34 на окраинах Радзехува.

Захватив Радзехув, немцы начинают прощупывать местность вокруг него. В этот момент на сцене появляется сводный отряд 4-го механизированного корпуса. Выскочив на открытую местность к юго-западу от Радзехова, наши и немецкие танкисты сталкиваются нос к носу. Из-за пригорка одна за другой навстречу немецким танкам выезжают Т-34. Унтер-

офицер 11-й танковой дивизии, впоследствии историограф соединения, Густав Шродек вспоминает: «Наши сердца сжимаются, страх, ужас, но, может быть, также и радость, т.к. наконец мы можем показать себя. Видели ли они нас? Принимают ли они нас за своих? Наши силы равны. [...] И как только они приближаются на расстояние примерно в 100 м от наших пушек, «танец» начинается. Мы посылаем им первый снаряд. Румм-мм! Первое попадание в башню. Второй выстрел и новое попадание. Головной танк, в который я попал, невозмутимо продолжает свое движение. Тоже самое и у моих товарищей по взводу. Но где же превосходство наших танков над танками русских, так долго провозглашавшееся?! Нам всегда говорили, что достаточно лишь «плюнуть» из наших пушек!». Обменявшись несколькими выстрелами, танкисты обеих дивизий отошли назад.

Во второй половине дня части дивизии С.Я. Огурцова предпринимают попытку отбить Радзехов. В 15.00 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки перешли в атаку, лишенные однако артиллерийской поддержки (10-й артиллерийский полк был еще в пути, так как в момент объявления боевой тревоги он находился в лагерях Янув). Также не участвовал в атаке 19-й танковый полк, не прибывший вовремя из-за трудностей дорожных условий марша. Куда более активное участие в сражении принял отряд 4-го механизированного корпуса под руководством подполковника Лысенко в составе двух танковых батальонов 32-й танковой дивизии и 1-го батальона 323-го мотострелкового полка. Местность южнее Радзехува образовывала своего рода естественный вал, и нашим танкистам нужно было преодолевать эту возвышенность и, переваливаясь через ее гребень, вести бой накоротке с немецкими танками и поддерживающей их артиллерией. Густав Шродек описывает вторую фазу боя как «собачью свалку» на короткой дистанции: «Первые снаряды свистят вокруг нас. Их недолеты все еще слишком велики. Так как наши собственные пушки имеют лучшую эффективность на дистанции в 400 метров, мы должны сжать свои нервы и ждать приближения русских танков. Небольшая складка местности скрывает нас от первой волны атакующих. Когда они появляются, мы имеем лучшую позицию для стрельбы из всех возможных. Огонь поглощает все. [...] Новые цели появляются постоянно. Они выцеливаются и уничтожаются. Русские поражены. Они посылают все больше танков из-за возвышенности, но те никак не могут прорвать наши порядки». Немецкие источники заявляют об уничтожении от 40 (Оскар Мюнцель) до 68 (Густав Шродек) танков в этом бою, однако документы 10-й танковой дивизии и 15-го механизированного корпуса это не подтверждают. Отряд 32-й танковой дивизии потерял 11 танков, заявив об уничтожении 18 танков противника, батальон 323-го мотострелкового полка потерял 13 человек убитыми и 18 ранеными.

С наступлением темноты части 10-й танковой дивизии отошли на исходные позиции, сводный отряд 4-го механизированного корпуса вернулся обратно, а «танковая» боевая группа 11-й танковой дивизии двинулась на

27. Загрузка 50-мм снарядов в Pz.III из состава 14- й танковой дивизии. Группа армий «Юг», июль 1941 года. На башне видно тактическое обозначение дивизии и номер танка 240 желтого цвета (АСКМ).

восток, остановившись в 23.00 на привал. В обороне позиции за узел дорог, которым являлся Радзехув, части танковой дивизии были сменены передовым отрядом 297-й пехотной дивизии. Оборонять городок также остались зенитчики полка «Герман Геринг».

В бою у Радзехува с советской стороны действовали сравнительно крупные массы танков, поддержанные незначительным количеством пехоты и начисто лишенные поддержки артиллерии. Артиллерийский полк 32-й танковой дивизии не имел достаточного количества тягачей, а артиллерийский полк 10-й танковой дивизии находился на марше. Не участвовала в бою также 37-й танковая дивизия, ставшая жертвой ложной тревоги. К 14.00 дивизия выдвинулась главными силами в район Соколувка, Баймаки (около 30 км на юго-восток от Радзехува). Но командир 15-го механизированного корпуса И.И. Карпезо направил соединение вследствие ошибки разведки на населенный пункт Адамы (12 км на восток от места сосредоточения основных сил дивизии), в котором якобы собрались до 100 танков противника. Дивизия в Адамах немцев не обнаружила, но время потеряла. Однако позволю себе предположить, что участие в бою еще двух сотен легких и трех десятков средних танков, без мотопехоты и при поддержке двух батарей 122-мм и 152-мм гаубиц вряд ли изменило бы общую ситуацию. Фактически в приграничном сражении в целом и под Радзехувом в частности теории 1930-х вступили в противоречие с практикой. Теория предполагала самостоятельное тактическое использование крупных масс танков против танков и артиллерии противника в отрыве от своей пехоты и без непосредственного взаимодействия со своей артиллерией. Практическая реализация такого сценария приводила к массовому избиению атакующих танков. Лихие танковые атаки теории сменило медленное продвижение шаг за шагом в тесном взаимодействии с пехотой, иной раз с пехотой впереди атакующих танков.

Пока танковые части двух сторон пробовали силы в бою у Радзехува, сработала мина замедленного действия, заложенная командованием фронта в первый день войны. Получив в свое распоряжение 8-й механизированный корпус, командующий 6-й армией И.Н. Музыченко сразу же решил его использовать для подпирания фронта на северном фасе львовского выступа. Его можно было понять: заложенную в тексте «Барбароссы» задачу «17-я армия прорывает оборону противника на границе северо-западнее Львова» никто не отменял и нажим на его войска становился все ощутимее. Растянутый по фронту 6-й стрелковый корпус с трудом мог сдержать серьезный натиск и И.Н. Музыченко решил усилить его оборону 8-м механизированным корпусом. Для этого он в 2.00 23 июня приказывает корпусу Д.И. Рябышева повернуть почти на 180 градусов и сосредоточиться северо-западнее Львова, в районе Яворова и Грудек-Ягельонского. В 7.00-8.00 задачу на выдвижение в новый район сосредоточения получила 34-я танковая дивизия. К 23.00–24.00 8-й мехкорпус (без танковых полков 12-й танковой дивизии и артиллерийского полка 7-й мотострел-

28. Командир 14-й танковой дивизии генерал-майор Кюн инспектирует свои подразделения. Украина, июль 1941 года. На заднем плане Pz. Bef. Wg. III, который, судя по обозначению R02 он принадлежал адъютанту командира 33-го танкового полка 14-й танковой дивизии (БА).

ковой дивизии, сосредоточившихся в районе Куровице) вышел в леса южнее Яворова.

Тем временем разведка Юго-Западного фронта обнаружила прорыв механизированных частей немцев вглубь построения войск фронта. «По данным авиационной разведки, из района Радзехув в направлении Берестечко и Броды в 16 часов выдвигалось большое количество танков, и к 16 часам 20 минутам Берестечко и Горохув были заняты мотомеханизированными частями противника». Это была брошенная на восток боевая группа 11-й танковой дивизии, не участвовавшая в боях у Радзехува. Реакция на данные разведки последовала немедленно, если не сказать поспешно. Уже в 15.20 23 июня командующий 6-й армией направляет в район Броды 8-й мехкорпус. Первой в 3.30–4.00 24 июня начала движение в новый район сосредоточения 34-я танковая дивизия. Маневры начали сказываться на матчасти соединения: к моменту выступления из района Яворова числились отставшими 29 Т-26, 17 Т-35, 6 БТ и 45 автомашин. Около 6.00 к 34-й танковой дивизии присоединились остальные части 8-го мехкорпуса.

В ответ на данные авиаразведки также последовало приказание начальника штаба Юго-Западного фронта № 023 от 23.6.41 г., в котором 15-му механизированному корпусу была поставлена задача: «ввиду появления в районе Берестечко и лесах западнее танков противника, прочно удерживать район Броды мотодивизией, обеспечив себя с направления Радзехув, Крыстынополь, атаковать и уничтожить танки и танкетки противника в направлении Берестечко во взаимодействии с подходящим к утру 24.6.41 г. в район Броды 8-м механизированным корпусом». Выполняя этот приказ, командование корпуса прикрылось с запада 37-й танковой дивизией, а 10-ю танковую дивизию в 7.00 направило в Броды. Дивизия совершила 45-километровый марш, из которого она была возвращена только в 17.00. На исходные рубежи контрудара основная часть дивизии вернулась только к рассвету 25 июня. 19-й танковый полк приказ на возвращение в район м. Холоюв получил только в лесу юго-западнее Броды. В результате в прежнее положение возвратился лишь к 20.00 25.6.41 г., проделав за 24 и 25.6.41 г. 105-километровый марш, не принимая участия в бою. Таким образом, целых два дня, 24 и 25 июня были потеряны 15-м мехкорпусом вследствие паники, поднявшейся из-за прорыва немцев.

Однако обстановка на предполагаемых направлениях советских контрударов начала качественно изменяться. В район Крыстынополя вечером 24 июня выдвинулась 16-я танковая дивизия Ганса-Валентина Хубе, которая должна была идти по пятам 11-й танковой дивизии. Радзехув заняла 297-я пехотная дивизия, а 57-я пехотная дивизия вышла на рубеж реки Стырь. Вместо разреженной завесы на пути 15-го мехкорпуса выстраивалась плотная масса немецкой пехоты. Возможность «второго раунда» боя с «танковой» боевой группой 11-й танковой дивизии была упущена (она 24 июня занимала Лопатин). Пока пехотные дивизии вставали на защиту флангов, «мотопехотная» боевая группа 11-й танковой дивизии к концу дня 24 июня вышла к Вербе (20 км юго-западнее Дубно), сдерживаемая только ударами с воздуха. Густав Шродек вспоминает: «Препятствием для нашего дальнейшего наступления оказались русские авианалеты, которым благоприятствовала затяжная ясная погода. Инженерные войска заново соорудили мост через Стырь и у селения Шуровище, мы перешли реку и продвигались дальше в направлении к Дубно». Всего в период с 22 по 24 июня ВВС фронта произвели 523 самолето-вылета, сбросили 2500 авиабомб различных калибров, но советская авиация постепенно выбивалась конвейером ударов по аэродромам. Вступивший в командование ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант авиации Ф.А. Астахов позднее писал, что противник «повторными ударами в течение 22.6.41 г. и в последующие два дня, нанес нашим летным частям значительные потери, уничтожив и повредив на наших аэродромах за 22, 23 и 24 июня 237 самолетов, что составляет 68 процентов потерь материальной части на своих аэродромах в результате налетов авиации противника за весь период войны».

Поскольку сильнейшие механизированные соединения находились на марше, наиболее значительным событием дня 24 июня было встречное танковое сражение в районе Войницы. Задачи, которые ставились войскам командующим 5-й армией не предусматривали флангового удара и требовали «ударами в направлении кол. Анусин, Влодзимеж Войница, Влодзимеж уничтожить владимир-волынскую группировку противника и **восстановить положение на госгранице**» (выделено мной). Тем самым командование отказывалось от флангового удара, предпочитая «запечатывать» прорыв фронтальным нажимом. Ведущую роль в контрударе под Войницей сыграла подтянутая из глубины 135-я стрелковая дивизия, поддержанная избежавшим окружения 16-м стрелковым полком 87-й стрелковой дивизии, 1-й артиллерийской противотанковой бригадой и 460-м корпусным артиллерийским полком 27-го стрелкового корпуса. Начало атаки, назначенное на 4 утра 24 июня, откладывалось до прибытия 19-й танковой дивизии. Дивизия подошла к Войнице только к 13.00, когда уже завязался бой. Танки Т-26 дивизии были сразу же подвергнуты жестокому избиению. В докладе командира 22 механизированного корпуса описание боя 24 июня звучит следующим образом: «В атаку были выведены танки Т-26, старых – 45 шт., бронемашин БА-10 – 12 шт. под общим командованием командира 37 т[анкового] п[олка] подполковника Бибика. Большинство этих танков было уничтожено противником и выведено из строя. По достижении танками района леса южн. выс. 228,6 сев. Каневичи, пехота противника начала отступать, а из леса был открыт сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, с последующим выходом средних и тяжелых танков. Завязался сильный танковый бой, длившийся 2,5 часа. Оставшиеся после боя танки начали выходить из боя».

Отчаянные атаки соединений 22-го механизированного корпуса все же смогли замедлить наступление III моторизованного армейского корпуса немцев. В истории 14-й танко-

вой дивизии по этому поводу сказано следующее: «23/24 июня наступление пришлось остановить, поскольку враг с кавалерией и артиллерией атаковал во фланг. Во второй половине дня 24 июня пехотным и 36-м танковым полком была отражена мощная танковая атака врага близ Александровки». Но этот результат был достигнут ценой полной утраты боеспособности 19 танковой дивизии. Немцами было заявлено о полном разгроме дивизии генерал-майора Семенченко: «Танковая битва близ Александровки развивалась таким образом, что до 25 июня были уничтожены 156 вражеских танков». Учитывая, что по состоянию на 6.00 26 июня 19 танковая дивизия имела всего 4 танка, 14 орудий и два батальона мотопехоты немецкие данные о результатах боя следует признать похожими на правду. От 163 танков и 100% комплектности полевой артиллерии этого соединения почти ничего не осталось. Дивизия легла костьми на пути немецкого танкового клина, рвавшегося к Луцку, выигрывая время. Пока шел бой у Войницы, к Луцку выдвинулась 131-я моторизованная дивизия 19-го механизированного корпуса. Выбив из города передовые отряды немцев, дивизия Н.В. Калинина удерживала город до вечера 25 июня.

Помимо сражения под Войницей день 24 июня ознаменовался боями мехчастей РККА с немецкой пехотой на северном фасе львовского выступа. Как и ожидал командующий 6-й армией, немцы начали активно прощупывать оборону 6-го стрелкового корпуса. Очередным участком вклинения стал Немирув. И.Н. Музыченко оказался в крайне сложном положении. Он уже был вынужден отдать 8-й механизированный корпус, только что выдвинутый в район Яворова для контрударов по прорывам немцев. Г.К. Жуков настоял на том, чтобы отдать для фронтового контрудара 8-ю танковую дивизию. Ее пришлось задействовать транзитом, 15-й танковый полк 8-й танковой дивизии, находившийся на марше в район Язув Стары. В контрударе также участвовали части 81-й моторизованной дивизии. Со стороны последней в бою участвовали два батальона 53-го танкового полка, одна рота 323-го моторизованного полка, без артиллерийской поддержки. К 17.00 немцы были выбиты из Немирува, 8-й танковой дивизии это стоило 19 танков Т-34, а 81-й моторизованной 36 танков БТ-7. В журнале боевых действий 81-й мотодивизии за этот день мы находим красноречивые строки: «Город горел. Улицы усеяны фашистскими трупами». Однако удержать город в своих руках части 4-го мехкорпуса не смогли. В конце дня город был занят левым крылом IV армейского корпуса.

Вечером 24 июня советское командование снова сделало попытку собрать все имеющиеся в его распоряжении механизированные соединения для контрудара по флангам танковой группы. В 21.00 штабом фронта издается боевой приказ №0015 на нанесение контрудара силами 8-го, 15-го и 4-го механизированных корпусов. Целью танковых соединений снова было срезание вбитого в оборону фронта танкового клина: «2. Основная задача армий правого крыла Юго-Западного фронта на 25.6.41 г. – разгром подвижной группы и войск противника, находящихся к северу от линии Щуровище, Дмытрув, Мосты Вельке, и выход 8-го, 15-го и 4-го механизированных корпусов в район Войница, Милятын, Сокаль». Глубина удара составляла едва ли не 60 километров. 8-й механизированный корпус должен был выйти к Берестечко. 15-й механизи-

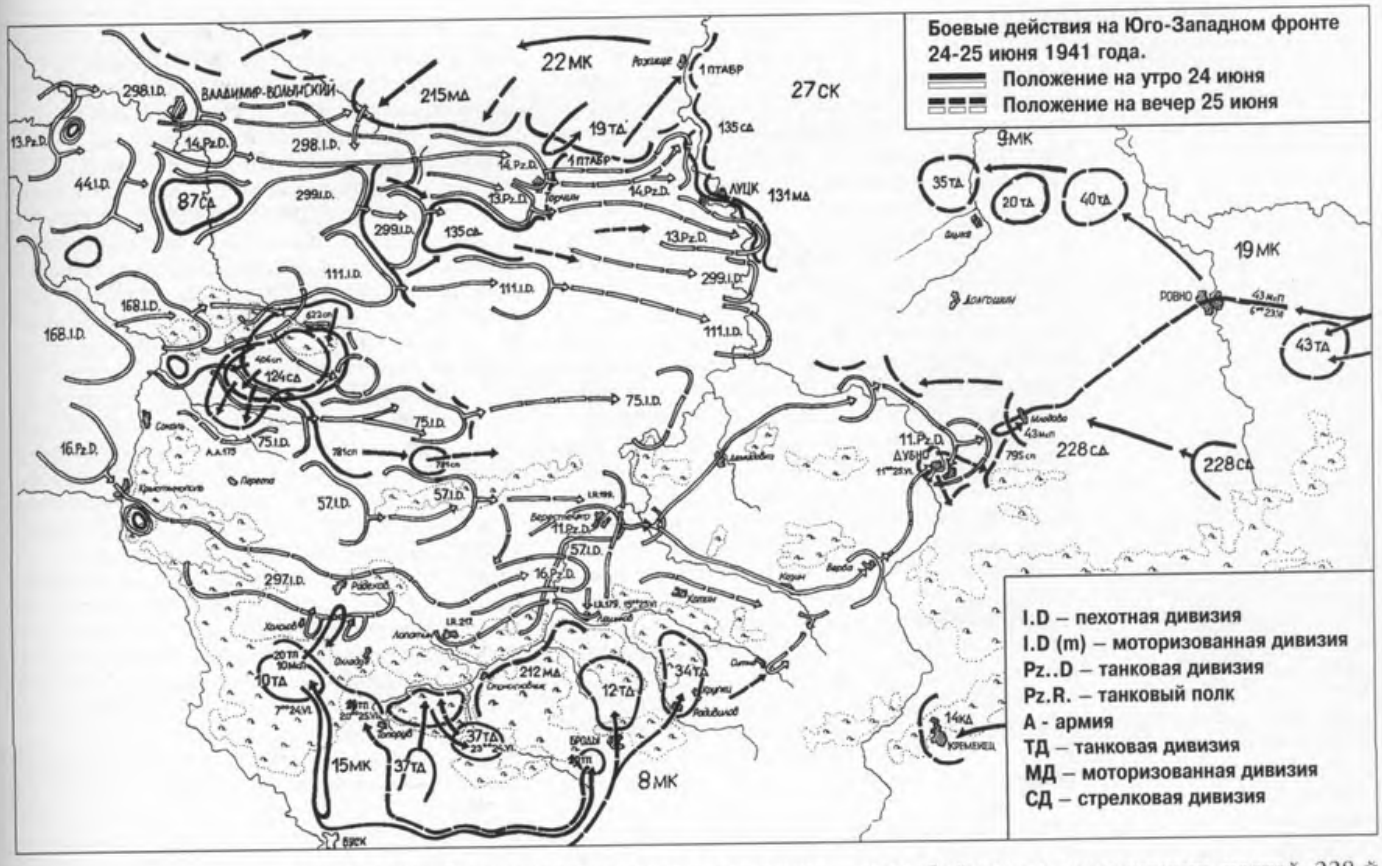
29. Горящий бронеавтомобиль БА-10 одного из механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Украина, июнь 1941 года (АСКМ).

рованный корпус должен был выйти к Сокалю через Радзехув.

Однако сбор ударных группировок на южном фланге немецкого наступления еще не завершился. 8-й механизированный корпус находился на марше, а 15-й механизированный корпус возвращался из путешествия к Бродам. Оставшиеся на месте части 15-го корпуса оказались в положении обороняющихся от нажима занявшей район Лешнева 57-й пехотной дивизии. Контрудар был нанесен группой из 15 танков под командованием начальника штаба 20-го танкового полка 10-й танковой дивизии майора Говор. Потери в результате боя с пехотой и противотанковыми орудиями немцев составили 4 танка КВ и 7 танков БТ-7, майор Говор пропал без вести.

Днем 25 июня удалось ввести в соприкосновение с немецким танковым клином только передовые отряды выделенных для удара механизированных корпусов. Надо сказать, что достаточно здравым, хотя и не бесспорным ходом советских танковых командиров в приграничном сражении была выброска вперед небольших отрядов, призванных прикрыть развертывание соединений и удержать назначенные исходные позиции для контрударов. Было бы ошибкой считать, что наши командиры бросались в бой сломя голову. Типовой задачей передового отряда был захват переправ на речках и речушках в полосе будущего наступления во избежание сомнительной перспективы наступления с форсированием водной преграды. Для командира 19-го механизированного корпуса Н.В. Фекленко таким желательным для захвата рубежом стала река Иква, приток Стыри. Соответственно еще 23 июня подчиненным корпусу частям были поставлены задачи по захвату переправ на реке. Первым отрядом, вступившим в соприкосновение с острием немецкого танкового клина, стала танковая рота под командованием старшего лейтенанта Ивашковского (16 машин Т-26 и Т-38) из 40-й танковой дивизии корпуса. В14.00 24 июня она получила задачу захватить переправы в районе Млынова (городка выше Дубно по течению Иквы) и Дубно. С запада на тот же рубеж выдвигалась 11-я танковая дивизия, разведывательный батальон которой атаковал Млынов, обороняемый частями растянутой от Луцка до Дубно 228-й стрелковой дивизии. Отряд Ивашковского прибыл как раз вовремя. Силы немцев были оценены в «пехотный полк с большим оснащением противотанковых средств». Это очевидное преувеличение. Штатная численность разведывательного отряда немецкой танковой дивизии составляла 407 человек, что примерно соответствовало батальону. Вооружение разведывательного отряда составляли 25 бронеавтомобилей, три 37-мм противотанковых пушки, одиннадцать противотанковых ружей, два 75-мм легких пехотных орудия. По штатному расписанию KStN от 1 февраля 1941 г. 25 бронеавтомобилей распределялись следующим образом: один SdKfz 247 (командирский бронеавтомобиль без вооружения), один SdKfz 263 (восьмиколесный бронеавтомобиль с одним 7,92 мм пулеметом и мощной радиостанцией), четыре SdKfz 223 (четырехколесный бронеавтомобиль с 7.92 мм пулеметом и радиостанцией среднего радиуса действия), три SdKfz 231 (восьмиколесный с 20 мм пушкой), три SdKfz 232 (восьмиколесный с 20 мм пушкой), четыре SdKfz 222 (четырехколесный с 20-мм пушкой) и десять SdKfz 221 (четырехколесный бронеавтомобиль с 7.92 мм пулеметом). Судя по всему, впечатление больших противотанковых возможностей создали многочисленные 20-мм автоматические пушки бронемашин разведотряда дивизии Крювеля. Здесь же отметим бои у Млынова как пример использования немцами разведывательного батальона как самостоятельной час-

30. Один из танков Т-35 из состава 34-й танковой дивизии 8-го механизированного корпуса, брошенный на марше из-за поломок и взорванный экипажем (АСКМ).



ти не для собственно разведки, а для ведения самостоятельных боевых действий. В ходе тяжелого боя, потеряв почти все танки, отряд Ивашковского все же удержал Млынов. Как гласит отчет командира 40 танковой дивизии: «С 24.6 по 25.6.41 танковая рота, действуя с полком 228 с[трелковой] д[ивизии], ожесточенно атаковала пр[отивни]ка, уничтожая живую силу и огневые средства. К исходу дня 25.6.41 танковая рота потеряла 11 танков Т-26, два танка Т-38, имея в своем составе требующих ремонта три танка Т-26». К боям с разведотрядом немецкой 11-й танковой дивизии относится эпизод весьма своеобразного использования огнеметного танка Т-26 лейтенантом Оськиным. Не имея зарядки смеси, он использовал свою машину как пулеметный танк, уничтожая немцев огнем пулемета ДТ и гусеницами. В целом передовой отряд свою задачу выполнил, обеспечив развертывание остальных частей 40-й танковой дивизии. Во втором танковом соединении 19-го мехкорпуса, 43-й танковой дивизии роль передового отряда выполняли два батальона мотострелкового полка дивизии под командованием майора Иванченко со взводом танков и батареей полковой артиллерии. Задачей отряда было выйти в район Дубно, захватить и удерживать город. В 6.00 утра, когда отряд Иванченко получал эту задачу, город был еще в руках частей 228-й стрелковой дивизии. Однако уже в 11.00 к нему подошла 11-я танковая дивизия, которая после короткого боя к 14.00 полностью захватила Дубно. Поэтому, подойдя к городу, отряд майора Иванченко уже в Погорельце (в 7 км восточнее Дубно) был обнаружен сильный заслон немцев, который не удалось сбить даже с помощью остановленных бойцов из отходивших частей 228-й стрелковой дивизии.

Самым крупным передовым отрядом стала 34-я танковая дивизия 8-го механизированного корпуса, получившая задачу прикрыть развертывание корпуса в исходном положении для контрудара. В 16.00 25 июня дивизия получила приказ сосредоточится в районе северо-восточнее Брод и захватить переправы на реке Сытенка на фронте 16 км, от Ситное до Полноче. К вечеру дивизия вышла в указанный район и взяла под контроль переправы. Важнейшую переправу на дороге из Радвиллова у Крупец удерживал разведывательный батальон дивизии. Остальные переправы на Сытенке контролировали две роты из 67-го танкового полка. Одновременно по приказу Д.И. Рябышева части 34-й танковой дивизии начали прощупывать местность в направлении Берестечко, конечной цели наступления.

Еще одним соединением, которое можно в какой-то мере определить как передовой отряд, была 131-я моторизованная дивизия 9-го мехкорпуса. Удержать захваченный в предыдущий день Луцк ей не удалось. Немецкое наступление вдоль северной «панцерштрассе» в течение 25 июня развивалось медленно, но верно. 14-й танковая дивизия взломала оборону растянутых на фронте 10 км каждый мотострелковых полков 131-й дивизии и захватила Луцк, а также плацдармы на восточном берегу Стыри. Однако в этот же день немецкое командование решило отказаться от развития наступления вдоль шоссе на Житомир. Сильное сопротивление советских войск вдоль этой трассы вынуждало немцев уходить с нее на юг, где были хуже дорожные условия, но меньше сопротивление продвижению на восток.

Если на флангах 1-й танковой группы 25 июня ничего существенного не произошло, то в полосе 17-й армии в этот день разыгралось широкомасштабное сражение между немецкой пехотой и танками 4-го механизированного корпуса. Оборона 6-й армии начала попросту «сыпаться», сплошного фронта уже не было, к вечеру 24.6.41 г. разрыв между 159-й и 97-й стрелковыми дивизиями достиг 40 км, правда частью проходивший в труднодоступной лесистой местности в районе Немирува. Для восстановления положения командующим армией И.Н. Музыченко в бой были брошены дивизии корпуса А.А. Власова. В районе Краковец (восточнее Яворова) немцами была опрокинута оборона 97-й стрелковой дивизии, которая к 16.00 начала неорганизованный отход. До этого ситуацию пытались стабилизировать контрударом вдоль шоссе на Яворов части 81-й моторизованной дивизии. Однако контратаки были безуспешными, а к 17.30 и 97-я, и 81-я дивизии лишились своей артиллерии под ударами корректировавшейся с самолета артиллерии немцев. Части двух дивизий начали отход по шоссе на восток, оставляя тяжелое оружие. Ситуация усугублялась тем, что подбитая на шоссе техника загромождала дорогу, а болотистая местность вокруг не позволяла обойти пылающие трактора и автомобили под огнем противника. К вечеру 323-й мотострелковый полк, часть 125-го артполка и оперативная группа 81-й дивизии были окружены. В течение 26–27 июня отдельные группы бойцов и командиров смогли из него прорваться на юг, форсировав вплавь реку Шкло. Но в окружении пропали без вести командир дивизии полковник Варыпаев, начальник штаба полковник Спесивцев, командир 323-го мотострелкового полка подполковник Лысенко, начальник штаба полка капитан Иванушкин, командир 125-го артполка майор Кобря и другие командиры частей дивизии. В итоге окружения 323-й полк лишился 80% личного состава, 125-й артполк 30% людей и 80% матчасти, 53-й танковый полк потерял в бою у Краковец до 50 машин. Характерная деталь, если вечером 24 июня в дивизии числилось 86 тракторов СТЗ-5 (основного средства тяги артиллерии), то 25 июня их число просело до 25 единиц. Ценой значительных потерь 81-я моторизованная дивизия не допустила прорыва немцев на Яворов. Противником наших войск в этом бою была 257-я пехотная дивизия, в истории которой данные эпизод описан как «тяжелые бои с моторизованными и танковыми подразделениями русских».

Против прорыва немецкого XXXXIX горного корпуса, в состав которого входила 257-я пехотная дивизия, в бой также была брошена 32-я танковая дивизия 4-го механизированного корпуса. К 14 часам 25 июня дивизия сосредоточилась на исходных позициях, а в 18 часов 20 минут дивизия атаковала части 1-й горно-егерской дивизии горного корпуса Кюблера в направлении Басяки, Вареницы, Семерувка. Поддержки со стороны отходящей пехоты 6-го стрелкового корпуса дивизия не получила и атаковала фактически одними танками. В качестве результатов боя были заявлены 16 танков, 4 75-мм орудия, 8 противотанковых орудий, 14 прицепов с боеприпасами. Танки у соединений XXXXIX горного корпуса отсутствовали, за них могли быть теоретически приняты 5 -7 единиц САУ StuGIII, приданных 1-й горно-егерской дивизии Хуберта Ланца. Собственные потери дивизии Е.Г. Пушкина составили 15 танков. В истории 1-й горно-егерской дивизии бой у населенного пункта Язув Старый описывается так: «Наши позиции находятся на возвышенности и танки неприятеля хорошо различимы. Наша 3,7-сантиметровая противотанковая пушка спокойно выжидает, когда танки подойдут на достаточное для стрельбы удаление. Когда удаление сокращается до 600 м, из орудия открывается огонь. Практически каждый выстрел приходится в цель. Отчетливо различимы огневые следы снарядов. Однако позже мы перестаем верить своим глазам: наши противотанковые снаряды просто отскакивают от танков. Не останавливаясь, танки неприятеля продолжают приближаться к нам, ведя огонь из всех орудий. Затем происходит нечто неожиданное: оправившись от испуга перед стальными колоссами, наши пехотинцы начинают атаковать, забрасывая машины ручными гранатами». Против атакующих без поддержки пехоты и артиллерии танков ручные гранаты оказались достаточно эффективны. Нельзя не согласиться с Ефимом Пушкиным, который по итогам боевой деятельности дивизии написал в отчете: «Следующим моментом неправильного использования дивизии нужно считать постановку задачи дивизии на атаку сильного противотанкового района противника (6 км севернее Яворов) и на неблагоприятной местности (р. Якша, заболоченные долины в районе Язув Старый), **без поддержки артиллерии и без взаимодействия с пехотой**» (выделено мной). Впрочем, атаки советских танкистов не прошли бесследно. В течение двух дней 68-ю пехотную атаковали в разной последовательности все три дивизии 4-го мехкорпуса. Дивизия понесла серьезные потери, и ее состояние характеризовалось в Журнале боевых действий группы армий «Юг» как «полностью выведенная из строя». В итоге вечером 25 июня командование 17-й армии направило в адрес ОКХ запрос на замену 68-й пехотной дивизии на 4-ю горно-егерскую из резерва ОКХ. Запрос был удовлетворен, и с утра 26 июня побитая дивизия выводилась в резерв. В целом И.Н. Музыченко удалось контратаками 4-го мехкорпуса удержать фронт армии и в штабе группы армий «Юг» рассматривался вопрос об ударе в тыл 6-й советской армии XIV моторизованным корпусом (9-я танковая дивизия и мотопехотная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») из района Радзехува на юг. Однако этот план был все же отклонен.

Формально исключенная из приказа на контрудар третья дивизия корпуса А.А. Власова, 8-я танковая, атаковала силами 54 танков 15-го танкового полка вечером 25 июня части левого соседа горного корпуса, части IV корпуса в районе Магерув. Полк потерял 19 танков. Но это было уже второстепенной задачей, дивизия направлялась в подчинение командира 15-го механизированного корпуса. Если быть точным, то в корпус И.И. Карпезо направлялся сводный отряд 15-го и 16-го танко-

вых полков дивизии П.С. Фотченкова. Соответственно 8-й мотострелковый полк был задействован командующим 6-й армией для маневренной обороны восточнее Львова вместе с выведенным из гарнизона Львова 202-м мотострелковым полком 81-й моторизованной дивизии. Усилив каждый из мотострелковых полков корпусным артиллерийским полком, им была поставлена задача к утру 26 июня подготовить рубежи обороны на ближних подступах к Львову.

Первые четыре дня войны были потрачены советской стороной на сбор ударных группировок на фланге и фронте немецкого танкового клина. Нанести сильный контрудар в эти дни не удалось, поскольку только опытным путем штаб Юго-Западного фронта пришел к идее управления группой мехкорпусов единым командованием, не занятым удержанием фронта на границе. Роль такого командования взял на себя собственно штаб фронта. Сплошной фронт на стыке 5-й и 6-й армий с первого дня войны отсутствовал и перспективы его восстановления были призрачными. Реальным механизмом воздействия на немецкое наступление были фланговые удары. Но потеря времени означала изменение обстановки на фланге немецкого наступления. Во-первых, в основании танкового клина вырос заслон из 297-й и 57-й пехотных дивизий, во-вторых, немецкое командование подтянуло и ввело в бой 25 июня нового игрока в состав XXXXVIII танкового корпуса – 16-ю танковую дивизию которая в маршевых порядках двинулась на восток по следам 11-й танковой дивизии. Вместе с тем нельзя не отметить, что 24–25 июня немецкий III моторизованный корпус удалось вытеснить с северной «панцерштрассе» и вынудить продвигаться на Ровно по проселочным дорогам.

«Разя огнем, сверкая блеском стали...»

Потратив несколько дней на организацию контрудара, советское командование, тем не менее, смогло сконцентрировать по периметру вбитого в оборону Юго-Западного фронта танкового клина сравнительно крупную группировку механизированных соединений. Не добившись синхронного ввода в бой соединений в непосредственной близости к стыку 5-й и 6-й армий, М.П. Кирпонос собрал ударные кулаки из 8-го механизированного корпуса, рокированного из львовского выступа и подтянутых из глубины 9-го и 19-го механизированных корпусов.

Решение командования фронта на контрудар по-прежнему выглядело как «клещи», удар по сходящимся направлениями с севера и юга с целью окружения наступающего противника. Задачи северного крыла наступления согласно боевому приказу командующего войсками Юго-Западного фронта №0016 формулировались следующим образом: «Командующему 5-й армией генерал-майору Потапову объединить под своим командованием 9-й и 19-й механизированные корпуса и занять ими исходный рубеж для атаки на фронте Грудек, Рымно (оба пункта 8 км юго-западнее Луцк) с целью содействовать 8-му и 15-му механизированным корпусам в разгроме радзехувской группировки атакой вдоль железной дороги (Луцк, Броды). Исходный рубеж занять к 4.30 26.6.41 г. Начало атаки-9.00 26.6.41 г.».

Но к 26 июня и Грудек, и Рымно уже были заняты противником. Немецкие пехотные и

31. Захваченный советский военный городок одной из частей Киевского Особого военного округа. Июнь 1941 года. На переднем плане взорванный танк КВ-2, на заднем КВ-1 (АСКМ).

танковые дивизии распространились по всей местности от границы до рек Стырь и Иква, включая города Луцк и Дубно. Выход немцев к рубежу реки Иква и рокировка на юг танковых дивизий III моторизованного армейского корпуса привели к тому, что 19-й механизированный корпус был вынужден вести встречный бой во все ухудшающихся условиях.

Командир 11-й танковой дивизии использовал в бою 26 июня тот же прием, что и под Радзехувом на второй день войны. Задачу наступления вперед решала «мотопехотная» боевая группа (так называемая «группа Ангерн» по имени командира 11-й мотопехотной бригады Гюнтера фон Ангерна) и мотоциклисты, а фланг наступления защищала «танковая» боевая группа. На этот раз потребовалось защищать не южный, а северный фланг. Метод был использован тот же, что и под Радзехувом – захват и удержание узла дорог на фланге соединения. Таким пунктом была Млодава (10 км северо-восточнее Дубно). На этот раз противником немцев был 43-й мотострелковый полк 43-ей танковой дивизии (два батальона на автомашинах) с взводом танков и батареей полковой артиллерии. Это был передовой отряд дивизии, занявший Млодаву вечером предыдущего дня. С утра 26 июня позиции полка были атакованы немцами. Благодаря большему удельному весу пехоты в передовом отряде 43-й дивизии бой прошел бодрее, чем выбивание отряда 10-й танковой дивизии из Радзехува. Используя танки как противотанковые средства, танкисты дивизии И.Г. Цибина сумели подбить две машины «танковой» боевой группы 11-й танковой дивизии. Эти потери подтверждается немецкими данными: «в 6.30 после жесткой борьбы с вражескими пехотными и артиллерийскими войсками Млодова была взята. Но при этом пришлось смириться с потерей трех танков». Шродек опускает детали боя за Млодову. Ударом в лоб этот населенный пункт, в отличие от Радзехува взять не удалось. Немцам удалось выбить передовой отряд из него только обойдя с фланга и поставив под угрозу окружения.

Тем временем на дальние подступы к Дубно стали подтягиваться главные силы 43-й танковой дивизии. Артиллерия дивизии (43-й гаубичный артиллерийский полк), двигавшаяся из района Тайкуры на тракторной тяге со скоростью 6 км в час, находилась еще в пути и к началу атаки открыть огня не могла. Но значительно облегчило задачу соединения наличие в этом районе отходящей пехоты и артиллерии 228-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса. Остановив откатывающихся от Дубно пехотинцев, командир 43-й танковой дивизии полковник И.Г. Цибин, использовал пехоту и артиллерию 228-й дивизии в своем наступлении. Танки 43-й дивизии, вышедшие на рубеж наступления, были для удобства управления сведены в одни 86-й танковый полк. Атаку он начал в составе двух танков КВ, двух танков Т-34 и 75 танков Т-26. Таким образом, в бою у Дубно столкнулись две танковых дивизии неполного состава. Советская танковая дивизия, правда, получила поддержку пехотинцев стрелковой дивизии. В расчете на танки и пехоту силы противников были примерно равны, но немецкая сторона имела значительное превосходство в тяжелой артиллерии за счет приданных корпусных частей.

32. Уничтоженный советский эшелон с танками: на переднем плане БТ-2, на заднем БТ-5. Юго-Западный фронт, июль 1941 года (АСКМ).

Наступление 43-й танковой дивизии на Дубно вместо назначенных командованием фронта 9.00 утра началось только в 14.00. Атаку лидировали танки новых типов, Т-34 и КВ. За ними двигались легкие Т-26. Бой длился около 4 часов и завершился выходом советских танкистов к окраинам Дубно. Прорваться в сам городок мешали взорванные немцами мосты. Успех был достигнут ценой потери обоих танков КВ (оба сгорели) и 15 танков Т-26 (из них 4 огнеметных) было убито и ранено 128 человек. С целью развития достигнутых результатов было решено атаковать Дубно с юго-востока, вдоль железной дороги, но в ночь на 27 июня дивизия была вынуждена отступить к Ровно. По оценке противника, 43-й танковой дивизии удалось добиться успеха, но советское командование не сумело его закрепить: «Русские пытались прорваться повсюду и создавали порой действительно критические ситуации. За короткое время после удара по флангу русским удается перегородить путь к наступлению на Острог. Несмотря на это, советское командование не понимало

того, что для достижения огромного успеха можно было воспользоваться тем замешательством, которое присутствовало на немецкой стороне». Но с этими словами нельзя согласиться. Если замешательство и присутствовало в рядах боевой группы 11-й танковой дивизии, отошедшей к Дубно, то оно отсутствовало в рядах наступающей южнее Луцка 13-й танковой дивизии. Доселе преодолевавшая лишь российское бездорожье 13-й танковая дивизия проломила оборону частей советских 228-й стрелковой и 40-й танковой дивизии. Ситуация усугублялась тем, что почти 20 км участок от Луцка до Торговице не был занят частями 9-го механизированного корпуса, что привело к угрозе охвата 43-й и 40-й танковых дивизий с фланга. В целом бои сравнительно слабой по составу танкового парка 43-й танковой дивизии прошли результативнее боев частей 10-й и 32-й танковых дивизий за Радзехув. Причина этого в поддержке танковой атаки мотопехотой, артиллерией и отсутствием у немецкой стороны палочек-выручалочек в лице оставленных в Радзехуве 88-мм зениток.

33. Танки Т-34, застрявшие в болоте и брошенные экипажами. Предположительно 4-й механизированный корпус, Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. На переднем плане машина выпуска 1940 года с пушкой Л-11 и в трехцветном желто-зелено-коричневом камуфляже (РГАКФД).

Сценарий развития событий под Дубно во многом напоминал бои во второй день войны. Пока «танковая» боевая группа вела бой с наступающими советскими танками, «боевая группа Ангерн» продвигалась вперед и прошла за день 35 километров. Еще быстрее двигался мотоциклетный батальон, который к вечеру 26 июня достиг Острога, продвинувшись от Дубно более чем на 50 километров. Здесь он столкнулся с призраком Второго стратегического эшелона РККА в лице частей 109-й моторизованной дивизии с Дальнего Востока. В конце мая 1941 г. 109-я моторизованная дивизия, дислоцировавшаяся в Хараноре в обстановке жесткой секретности убыла на запад. Первые эшелоны со штабом дивизии, подразделениями 381-го мотострелкового полка, частью подразделений 602-го мотострелкового полка и некоторыми другими частями дивизии 18 июня 1941 г. выгрузились на станции Бердичев. Разместилась прибывающая дивизия в 10 км от станции, в Скруглевских лагерях. В связи с кризисной обстановкой, сложившейся на Западном фронте, 26 июня 1941 г. поступил приказ, на переброску 16-й армии в район Орша-Смоленск. Дивизия по приказу командующего 16 армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина начала 120 км марш к станции Шепетовка, где должна была погрузиться в железнодорожные эшелоны и отправиться в Белоруссию. Прорыв 11-й танковой дивизии в направлении Острога во второй половине дня 26 июня потребовал экстренных мер противодействия. М.Ф. Лукин на свой страх и риск снял части 109-й моторизованной дивизии с погрузки и направил их навстречу немцам. Для этого требовалась определенная решительность, ведь первоначально появление немцев в районе Острога было расценено как выброска воздушного десанта. Первым достиг Острога и завязал бой 173-й разведывательный батальон майора Юлборисова. Разведбатальон первым вошел в Острог и занял в городе оборону. Подошедшие немецкие мотоциклисты вечером 26 июня втянулись в бои за городок, подразделения майора Юлборисова оказались блокированы. Перед нами достаточно характерный пример использования мотоциклетных частей немцами. Как я уже говорил, практика использования мотоциклетных частей вызывала вопросы у танковых командиров РККА. Они действительно были малоприменимы в условиях использования танковых соединений для прорыва фронта. Но в маневренной войне без сплошного фронта такие подразделения находили свою нишу. Часто складывалась ситуация когда перед танковой дивизией оказывался никем не занятый промежуток, в который вводилось максимально подвижное соединение. Мотоциклисты, конечно, не смогли бы противостоять даже наспех подготовленной обороне, но вести бой с небольшими отрядами и тыловыми частями для них было вполне по силам. Захват рубежа на пути дивизии давал возможность делать следующий шаг в более выгодных условиях. Так разведчики Юлборисова могли за ночь закрепиться в Остроге, утром дождаться подкреплений и день на-

чался бы со штурма «боевой группой Ангерн» Острога. В реальности получилось ровно наоборот – Острог закрепили за собой мотоциклисты, а выбивать их из города пришлось 109-й моторизованной дивизии.

Несмотря на выход 11-й танковой дивизии к Острогу, 8-й и 15-й механизированные корпуса 26 июня должны были наступать в тех же направлениях, что и два дня назад. Командование фронта в боевом приказе №0016 поставило им те же задачи, что и в приказе №0015 от 24 июня. При этом не учитывалось изменение соотношения сил, настоятельно требовавшее смещения направления удара дальше на восток. Подтянувшиеся с запада пехотные и танковые соединения могли не только эффективно сдерживать наступление мехкорпусов Юго-Западного фронта, но и переходить в атаку. Постановка вчерашних задач мехкорпусам означала удары по свежим соединениям противника, опирающихся на подготовленную за прошедшие дни оборону вместо отсекания моторизованных корпусов от следующих за ними в отрыве до 30–50 км пехотных дивизий. Однако утром 26 июня как в полосе наступления 15-го мехкорпуса, так и на направлении удара 8-го мехкорпуса стояли пехотные дивизии. Причем район Лешнева, стоящий на пути корпуса Д.И. Рябышева, был занят 57-й пехотной дивизии только в 15.00 25 июня. То есть сокращение маршей корпуса всего на полсуток могло заметно облегчить ситуацию. В реальной обстановке утра 26 июня пехотный заслон на фланге 1-й танковой группы был практически полностью сформирован. Более того, немецкие танковые и пехотные соединения могли наносить упреждающие удары, разрушая планы контрударов в зародыше. Вследствие этого, вместо наступления части 15-го механизированного корпуса вынуждены были отбивать атаки немецких танков, которые пытались обтекать фланги 10-й и 37-й танковых дивизий. Просачивание немцев на флангах вынуждало проводить частные контратаки. Проведенная контратака частей 10-й танковой дивизии напоролась на сильную противотанковую оборону и привела к потере 4 танков КВ и 7 танков БТ-7. Только небольшая часть 10-й танковой дивизии оказалась не вовлеченной в сковывающие стычки с все прибывающими немецкими частями. Намотавшись безрезультатно по дорогам до Брод и обратно 19-й танковый полк 10-й танковой дивизии рвался в бой. И в 10 часов утра, по частной инициативе командира полка подполковника Пролеева, была организована атака в районе высот юго-восточнее Радзехува. Однако к тому моменту Радзехув представлял собой крепость, оборонявшуюся 297-й пехотной дивизии при поддержке стоявших там с 23 июня 88-мм зениток полка «Герман Геринг». Полк Пролеева был встречен организованным огнем орудий различных калибров, включая поставленные на прямую наводку тяжелые гаубицы. В этой атаке полк потерял 9 танков КВ и 5 танков БТ-7. Один из участников этого боя, командир 1-го батальона капитан З.К. Слюсаренко описывал его так: «Вражеские снаряды пробить нашу броню не могут, но разбивают гусеницы, сносят башни. Загорается КВ слева от меня. В небо над ним взметнулся султан дыма с огненной тонкой, как жало, сердцевиной. «Ковальчук горит!» – екнуло сердце. Помочь этому экипажу никак

34. Pz.II 9-й танковой дивизии на проселочной дороге. 1-я танковая группа, июнь 1941 года. На заднем плане виден брошенный советский обоз (БА).

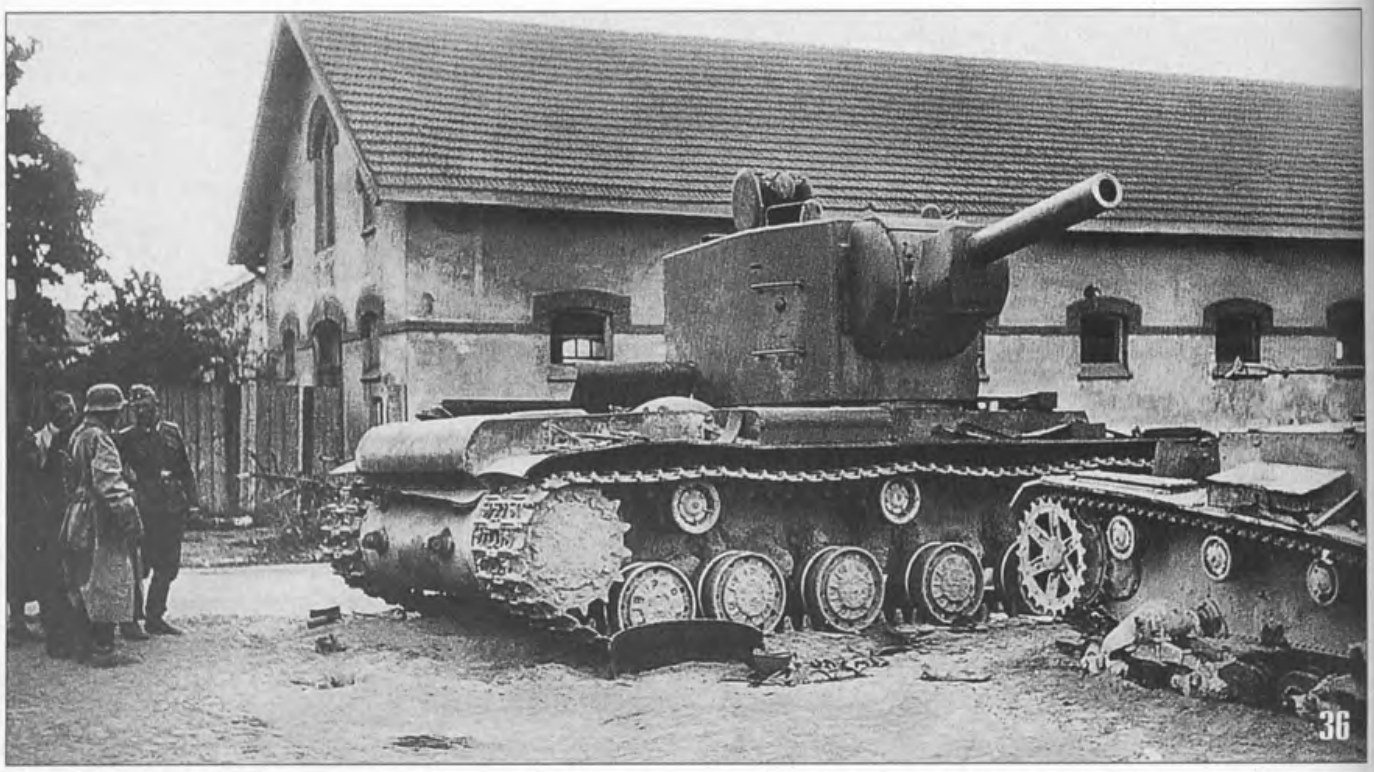
35. Танк Т-34 выпуска 1941 года, подбитый и сгоревший на улице одного из украинских городков. Юго-Западный фронт, июль 1941 года (АСКМ).

не могу: со мной несутся вперед двенадцать машин. Еще один КВ остановился: снаряд сорвал с него башню. Танки КВ были очень сильными машинами, а вот скорости и поворотливости им явно не хватало».

«Неуязвимость» танков КВ в 1941 г. была достаточно условной. Есть немало примеров, когда КВ выходили из боя с сотнями пробоин. Но отнюдь не меньше примеров, когда, как в вышеописанной атаке 19-го танкового полка, тяжелые танки Кировского завода выбивались целыми подразделениями в одной атаке. В предыдущий день были в одном бою потеряны 4 КВ 20-го полка той же дивизии. Корпусные, зенитные орудия могли уничтожить тяжелые танки даже если они были не по зубам противотанковой артиллерии полков и дивизий.

С немецкой стороны в бой также вступили высвободившиеся после интенсивной борьбы за господство в воздухе бомбардировочные эскадры. Одной из важнейших целей немецких самолетов были пункты управления войсками. В 18.00 26.6.41 г. 18 самолетов противника подвергли тяжелой бомбардировке командный пункт 15-го механизированного корпуса в районе селения Топорув. Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, это были Не-111 55 бомбардировочной эскадры «Гриф». В ходе бомбардировки был тяжело контужен командир корпуса Игнатий Иванович Карпезо. Командование принял заместитель командира корпуса полковник Ермолаев.

Большие надежды возлагало командование фронта на 8-й механизированный корпус, наконец-то сосредоточившийся в районе Брод после почти 500-километрового марша по забитым техникой и беженцами дорогам Львовского выступа. Длительные марши привели к тому, что многие колесные и гусеничные машины корпуса отстали в пути вследствие различных поломок. В частности к уже отставшим в марше к лесам южнее Яворова танкам 34-й танковой дивизии корпуса Д.И. Рябышева прибавились еще 10 Т-35, 15 Т-26, 18 колесных машин. Полностью отстали гаубичный артиллерийский полк дивизии, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, один батальон мотострелкового полка. Достаточно характерная история отставших машин была рассказана Иваном Ерастовичем Смоляковым, служившим в июне 1941 г. механиком-водителем тяжелого танка Т-35 34-й танковой дивизии: «Километрах в восьмидесяти за Львовом [речь идет о 24 июня – А.И.] у нас радиатор потек. Встали мы, и встали надолго. Какой-то майор на полуторке подъехал, передал приказ – место сосредоточения юго-западнее Бродов, завтра к вечеру. А мы остались чиниться. Прокопались весь день и часть ночи. Пошли догонять полк. К утру догнали колонну, но не нашего, а соседнего, 68-го полка. Не дошли до Бродов километров пятьдесят (это уже 27-го вечером было), новый приказ – повернуть на юг, на Золочев, а оттуда на Тарнополь...». Как мы видим, этот Т-35 в дубненских боях не участвовал, можно сказать проехал мимо них. И таких танков, бронемашин, автомобилей и тракторов в 8-м механизированном корпусе была едва ли не половина общей численности. Для 34-й танковой дивизии самой болезненной утратой была артиллерия. Трактора СТЗ-5 гаубичного артиллерийского полка дивизии попросту сломались в ходе маршей, и соединение осталось без артиллерийской поддержки в самый неподходящий момент. Укомплектованность



36. Немецкие солдаты осматривают брошенные в танковом парке одной из дивизий Красной Армии КВ-2 и ХТ-26 (справа). Юго-западный фронт, июнь 1941 года. Скорее всего к началу войны танки находились в ремонте (АСКМ).

дивизии тракторами и так была не блестящей: из 39 штатных СТЗ-5 имелось только 14. Из них четыре штуки остались вследствие поломок в Гредеке-Ягельонском 24 июня. Еще пять тракторов остались во Львове. В результате тракторов хватило только на три орудия.

Атмосферу тех дней сегодня тяжело даже представить. Что чувствовали люди, оказавшиеся в хаосе войны один на один со сломавшимся «железным конем»? На дорогах, подвергавшимся ударам с воздуха, в окружении не всегда дружелюбного населения западной Украины и прячущихся в лесах ОУНовских банд, с нетерпением ждущих прихода «освободителей» в фельдграу (с которыми кто-то из них будет воевать два года спустя). Многие отставшие машины просто пропали без вести. Где приняли свой последний бой их экипажи – неизвестно. В ремонтно-восстановительном батальоне 34-й танковой дивизии были полугусеничные грузовики ЗИС-33. Один из них был отправлен с семьями комсостава в тыл и пропал без вести.

Но вернемся к организации контрудара 8-го механизированного корпуса. Одной из распространенных ошибок советского командования было игнорирование свойств местности, в которой действовали подчиненные им части. Местность предполагалась однородной по всем направлениям, то есть изотропной. Однако на реальном ландшафте были реки, леса, болота и транспортные магистрали с различными свойствами. На направлении главного удара 8-го мехкорпуса, от Брод до Берестечко лежали обширные лесные массивы, которые пересекались речками с заболоченной поймой. Проблему заболоченных речек удалось частично решить передовыми отрядами 34-й танковой дивизии, занявшими переправы. Второй дивизии корпуса, 12-й танковой генерал-майора Т.А. Мишанина пришлось форсировать реку под огнем противника. Утром 26 июня 34-я и 12-я танковые дивизии перешли в наступление. Дивизии Т.А. Мишанина удалось выйти из лесного массива и захватить высоты севернее Лешнева (12 км южнее Берестечко), потеряв при этом 8 танков подбитыми и 2 танка завязшими в болоте. Самым серьезным ударом по 12-й танковой дивизии был налет 55-й бомбардировочной эскадры люфтваффе по ее артиллерии, авиацией были подбиты все тракторы артиллерийского полка, погибла большая часть орудийных расчетов. Этот успех стоил KG 55 одного Не-111, потерянного от огня с земли в районе Бродов. 34-я танковая дивизия вела бой в лесном массиве севернее Сытенки, успеха не имела, потеряв за день от огня артиллерии 31 Т-26, 5 БТ-7 и 3 бронемашины. Главной жертвой 34-й дивизии стал вырвавшийся вперед 157-й разведывательный батальон 57-й пехотной дивизии (который в наших документах проходит как «137-й десантный отряд»). Танкисты полковника И.В. Васильева захватили до 30 пленных (в том числе трех офицеров), 17 автомашин, 35 мотоциклов. Разведывательный батальон 57-й пехотной дивизии с самого начала действовал в отрыве от своего соединения, захватывал переправы на Стыри в параллель с действиями 11-й танковой дивизии. Разведывательный батальон 34-й танковой дивизии решал 26 июня самостоятельную задачу, удерживал переправу у Крупец. Это была единственная часть 8-го мехкорпуса, вступившая в соприкосновение с танками противника. Перед началом войны 34-й разведывательный батальон был неплохо укомплектован, имел 19 из 19 положенных по штату танков БТ-7, 8 из 12 штатных БА-10, все 6 положенных по штату БА-20, а также 2 сверхштатных бронеавтомобиля ФАИ, но из 172 заложенных в штат мотоциклов с пулеме-

том не было ни одного. Один БТ-7 со сломанной коробкой передач пришлось оставить на зимних квартирах. В результате маршей численность батальона уменьшилась, один из ФАИ был оставлен во Львове со сгоревшим сцеплением, второй заблудился и пропал без вести. Два БТ-7 остались в Грудеке Ягельонском, один во Львове, восемь отстали и впоследствии пропали без вести. Также пропали без вести 4 БА-10, 3 БА-20. В бою за переправы разведывательный батальон 34-й танковой дивизии потерял одну бронемашину БА-10 и два танка БТ-7 сгоревшими у Сребно, один БТ-7 и три броневика были подбиты. Разведчики дивизии И.В. Васильева претендовали на уничтожение четырех легких танков и двух противотанковых пушек.

В 13.00 в бой вступила 7-я моторизованная дивизия 8-го мехкорпуса, но особых успехов не достигла и осталась на занимаемом рубеже до наступления темноты. Было бы неправдой сказать, что механизированный корпус Д.И. Рябышева достиг каких-то выдающихся успехов, но 12-я танковая дивизия преодолела водные преграды, лежащие на пути наступления и до Берестечко оставалось всего 12 км по прямой вдоль дороги Лешнев – Берестечко. Захват городка Берестечко означал перехват основной магистрали снабжения XXXVIII армейского моторизованного корпуса немцев. Однако в оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта от 20.00 26 июня результат боя описан просто уничижительно:

«8-й механизированный корпус в 9.00 26.6.41 г. нерешительно атаковал механизированные части противника из района Броды в направлении Берестечко и, не имея достаточной поддержки авиацией и со стороны соседа слева – 15-го механизированного корпуса, остановлен противником в исходном для атаки районе».

Столь нелестная характеристика действий корпуса верна лишь частично. Направив механизированное соединение в лесные массивы, штабу фронта не следовало ожидать продвижения на 30 км за один день. Оборонявшая с юга Берестечко 57-я пехотная дивизия пережила под ударом 12-й танковой дивизии немало неприятных моментов. Фронт I батальона 179-го пехотного полка был проломлен, полк понес большие потери. На выручку ему немецкое командование было вынуждено развернуть двигавшийся в направлении Ситно 199-й пехотный полк той же дивизии. Даже в целом не слишком результативные действия 34-й танковой дивизии привели к перехвату «панцерштрассе» в районе Редкува и Острова (в 5 и 10 км от исходного рубежа наступления соединения Васильева).

Досталось в оперсводке и 15 механизированному корпусу: «15-й механизированный корпус, действуя так же нерешительно, не выполнил приказа на атаку. К 9.00 26.6.41 г. (начало атаки механизированных корпусов) еще не был сосредоточен в исходном районе». Эти слова также справедливы лишь частично.

Даже заключение штаба группы армий «Юг» по итогам дневного боя на южном фланге наступления было более благосклонным: «Атаки танков противника в районе Радзехув

37. Тот же танковый парк: на переднем плане Т-34, слева от него танкетки Т-27, на заднем плане танк БТ-7. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

и Лешнев были остановлены в результате **упорных оборонительных боев** и эффективной поддержке V авиакорпуса» (выделено мной). Обращаю внимание также на слова об эффективной поддержке авиацией. Залогом успеха была успешная артиллерийская дуэль, а самым страшным врагом артиллерии во Второй мировой войне стала авиация. Эхо от наконец-то состоявшегося контрудара долетело даже до Берлина. Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Вечерние итоговые сводки за 25.6 и утренние донесения от 26.6 сообщают: Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство».

Однако развивать результаты, достигнутые 26 июня, командование Юго-Западного фронта не стало. Вместо приказов на продолжение наступления механизированные корпуса получили приказ на... отход за линию стрелковых корпусов. Вот как описывает содержание и обстоятельства получения этого приказа командир 8-го механизированного корпуса Д.И. Рябышев в отчете о боевых действиях корпуса, написанном по горячим следам событий, в июле 1941 года: «В 2.30 27.6.41 г. к командиру 8-го механизированного корпуса прибыл генерал-майор Панюхов и передал ему следующий устный приказ командующего Юго-Западным фронтом: «37-й стрелковый корпус обороняется на фронте Почаюв Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно». Аналогичный приказ получил и 15-й механизированный корпус: «На основании приказа Юго-Западного фронта № 0019 от 28.6.41 г. [ошибка в документе, правильнее 27-го – А.И.] к утру 29.6.41 г. приказано отойти на рубеж Золочовских высот за оборонительную линию 37-го стрелкового корпуса для приведения себя в порядок».

Что же случилось? В воспоминаниях И.Х. Баграмяна это подается как отказ от стратегии контрударов мехкорпусами в пользу построения «упорной обороны» стрелковыми корпусами. Однако этот тезис не подтверждается документально. В той же оперативной сводке, в которой столь низко оцениваются результаты контрудара 8 механизированного корпуса, не менее впечатляющая характеристика дана и 36-му стрелковому корпусу: «Из-за неорганизованности, плохой сколоченности и недостаточной обеспеченности артиллерийскими снарядами в бою с противником в районе Дубно показали низкую боеспособность». Было бы странно предполагать, что с помощью этих соединений «низкой боеспособности» начальник штаба фронта Максим Алексеевич Пуркаев, человек жуковской школы, собирался удерживать немецкие танковые дивизии. Причина вывода механизированных корпусов из боя совсем другая. Основной ошибкой командования фронта была неверная оценка направления развития наступления немцев. В разведывательной сводке фронта от 22.00 26 июня мы читаем: «Радзехув-бродское направление. Противник, имея главные силы прорвавшейся мотомеханизированной группировки в районе Берестечко и передовые части в Дубно, Верба, Раздвиллув, пытался распространить прорыв в направлении Броды, Тарнополь, но, встречая упорное сопротивление наших частей, успеха не имел». Тем временем 1-я танковая группа стремилась развивать наступление не в юго-восточном направлении, на Тарнополь, как предполагало командование Юго-Западного фронта, а дальше на восток, в направлении Острога и Шепетовки. М.А. Пуркаев и М.П. Кирпонос неверно оценили замах «клещей» планируемого немцами окружения войск фронта. Командование Группы Армий «Юг» собиралось осуществить окружение 6, 26 и 12-й армий во взаимодействии с 11 армией Евгения Риттера фон Шоберта, сосредотачивающейся в Румынии. Соответственно масштабы охвата были куда больше, чем предполагало командование Юго-Западного фронта.

Командование группы армий «Юг» также предполагало глубокий охват советских армий: «1 танковая группа прорывается, несмотря на наличие глубоких флангов, и используя любые дороги тремя колоннами в направлении на Бердичев и Житомир. Она строит свой боевой порядок таким образом, чтобы по достижении рубежа Тарнополь, Шепетовка, Новоград-Волынский перенести удар в направлении на Старо-Константинов, Проскуров».

Механизированные корпуса Юго-Западного фронта выводились за линию построения 37-го стрелкового корпуса поскольку предполагалось их использовать во фланговом контрударе против предполагаемого поворота на юг 1-й танковой группы. Одновременно командование фронта решило начать отвод войск на восток из предполагаемого «котла». Частным боевым приказом №0016 6-я армия отводилась на рубеж Новый Почачюв, Пониква, Ушня, Золочев Гологуры, Ганачув. В подчинение армии входил 37-й стрелковый корпус в составе 141-й и 139-й стрелковых дивизий. Согласно тому же приказу 12-я армия отходила на фронт Стрый, Долина. Вышкув. Тем самым выгнутый в сторону противника фронт армий в львовском выступе сокращался и армии разворачивались в линию, обращенную на северо-запад. Также устранялся разрыв между соединениями армий прикрытия и «глубинными» стрелковыми корпусами, 37-й стрелковый корпус подчинялся теперь 6-й армии.

Однако Москва не поддержала решение командования фронта. И.Х. Баграмян вспоминает:

«– Товарищ полковник! Товарищ полковник! – слышу голос оперативного дежурного. – Москва на проводе!

Бегу в переговорную. Увидя меня, бодистка отстучала в Москву: «У аппарата полковник Баграмян». Подхватываю ленту, читаю: «У аппарата генерал Маландин. Здравствуйте. Немедленно доложите командующему, что Ставка запретила отход и требует продолжать контрудар. Ни дня не давать покоя агрессору. Все».

М.П. Кирпонос попытался объяснить свои решения, но отстоять их не смог. Дальнейшее развитие событий показало, что Ставка была

38. Немецкие солдаты осматривают тяжелый танк Т-35 (выпуска 1939 года с коническими башнями) из состава 34-й танковой дивизии 8-го механизированного корпуса. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Судя по отсутствию повреждений, машина вышла из строя по техническим причинам (АСКМ).

39. Захваченные частями вермахта танки Т-34. Группа армий «Юг», июнь 1941 года. Судя по снятому кормовому листу корпуса машины на заднем плане, к началу войны танки находились в ремонте и скорее всего не участвовали в боях (АСКМ).

38

39

права в своих оценках – острие немецкого танкового клина повернуло на юг намного позднее, только после преодоления «линии Сталина». После получения выволочки из Москвы штаб Юго-западного фронта начал готовить приказы на возвращение механизированных корпусов в бой.

Приказ на возвращение в бой 15-го механизированного корпуса поступил в штаб соединения только к 10.00 утра 27 июня. Скованная боем 10-я танковая дивизия в этот момент отводила тылы в направлении Адамы, боевой частью продолжала оборонять рубеж Топорув, Холоюв. На несколько километров успел отойти только мотострелковый полк дивизии. 37-я танковая дивизия успела отступить и провела день в маршах с разворотом на 180 градусов.

Ситуация в 8-м механизированном корпусе на момент получения приказа о возвращении в бой была схожей. Его 12-я танковая дивизия растянулась колонной от Бродов до Подкамня (населенный пункт в 20 км юго-восточнее Бродов). С другой стороны 7-я мотострелковая и 34-я танковая дивизии стоп-приказа получить не успели и оставались в занятых в бою днем 26 июня районах. Ранним утром 27 июня командование корпуса получило приказ командующего Юго-Западным фронтом № 2121 от 27.6.41 г. о наступлении 8-го механизированного корпуса с 9.00 27.6.41 г. в направлении Броды, м. Верба, Дубно и о сосредоточении корпуса к исходу дня в районе Дубно, Волковые, м. Верба. В соответствии с приказом Д.И. Рябышевым в 7.00 27.6.41 г. был отдан следующий боевой приказ:

«34-й танковой дивизии ударом в направлении Козин, м. Верба, Дубно к исходу 27.6.41 г. выйти в район Дубно, Загорце-Мале, Семидубы.

12-й танковой дивизии ударом в направлении Ситно, Козин, м. Верба к исходу 27.6.41 г. выйти в район Подлуже, м. Верба, Судобиче.

7-й мотострелковой дивизии движением в направлении Броды, Червоноармейск, м. Верба к исходу 27.6.41 г. сосредоточиться в районе (иск.) м. Верба, Рудня, Берег, обеспечивая действия корпуса с северо-запада и юго-запада».

Начало наступления было назначено на 9.00 27.6.41 г

В десятом часу утра в расположении штаба корпуса появился член Военного совета фронта Н.Н. Вашугин. Впоследствии мемуаристы, в первую очередь Н.К. Попель, попытались свалить на застрелившегося впоследствии Н.Н. Вашугина вину за ввод корпуса в бой по частям. Однако необходимые приказы к моменту прибытия комиссара уже были отданы. Тяжелее всего было развернуть начавшую отход 12-я танковую дивизию. Она находилась в движении от Броды на Подкамень, колонна дивизии была растянута на глубину 20–25 км. Делегатом штаба корпуса половина колонны боевых машин 12-й танковой дивизии немедленно повернута кругом и в составе 25 тяжелых и средних машин 24-го танкового полка подполковника П.И. Волкова в качестве передового отряда была в 10.00 27.6.41 г. отправлена в направлении Козин, Верба, Дубно с задачей захватить Дубно и прикрыть с юго-востока выдвижение корпуса в этом направ-

40. Уничтоженный огнем немецкой противотанковой артиллерии танк БТ-7. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. На башне различимо тактическое обозначение 30-х годов в виде белых полос (РГАКФД).

41. Еще один сгоревший БТ-7 с сорванной башней. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. Скорее всего у танка сдетонировал боекомплект (РГАКФД).

лении. Остальная группа машин 12-й танковой дивизии к этому времени вышла в район Подкамень и, не имея горючего, начала приводить себя в порядок. В свою очередь 34-я танковая дивизия, действуя в том же направлении, должна была прикрывать действия корпуса с севера, северо-востока и запада. На практике это означало изменение боевого порядка корпуса, 34-я танковая дивизия теперь составляла левое крыло наступления, а отряд 12-я танковой дивизии – правое. В наступлении на Берестечко 26 июня порядок был обратным, 12-я танковая дивизия на левом фланге, 34-я – на правом. Изменение направления наступления корпуса вынудило разворачивать 34-ю танковую дивизию и выводить в новый район сосредоточения. Это Д.И.Рябышев сделал лично, прибыв в расположение 34-й танковой дивизии в 7.30-8.30 27 июня (заметим – более чем за час до прибытия Н.Н. Вашугина). В бой дивизия была введена уже в 9.30. Новым в постановке задач корпусу Д.И. Рябышева было предписание «организовать взаимодействие с 19-м механизированным корпусом, действовавшим в это время с северо-востока на Дубно». К тому моменту это уже было совершенно неактуально, поскольку 19-й механизированный корпус был оттеснен в направлении Ровно. Но тогда ни делегаты связи из штаба фронта, ни командование 8-го механизированного корпуса не знало об этом. Продвижение сводной группы из 34-й танковой дивизии и части сил 12-й танковой дивизии, которую возглавил бригадный комиссар Н.К. Попель, проходило в маршевых порядках, что позволило продвинуться почти на 30 км и остановиться уже с наступлением темноты в селе Подлужье, в 8 км от Дубно. Здесь советские танкисты были остановлены артиллерийским огнем с западных окраин Дубно, и в ночной бой с противником неизвестной численности вступать не стали. По дороге группой Попеля было разгромлено несколько мелких групп противника, записав на свой счет 40 мотоциклов, 20 автомашин и 4 легких танка. Очередной марш пополнил список отставших и вышедших из строя машин. В 34-й танковой дивизии отстали все Т-35, 2 КВ и 2 Т-34 (приданных из 12-й танковой дивизии). Задержавшиеся в пути и вышедшие из строя машины в месте с тылами дивизии стали сосредотачиваться в районе села Птичье, на полпути к Дубно. Фактически эти силы стали прикрытием с тыла группы Попеля. Это было более чем актуально: отряд 8-го механизированного корпуса вклинился между передовой боевой группой 16-й танковой дивизии, вышедшей к Кременцу и остальными ее силами, находившимися на пути к Вербе. Надо сказать, что молниеносный рейд 34-й танковой дивизии мог произойти днем раньше, командир дивизии И.В. Васильев предлагал командованию корпуса не ввязываться в бои в лесах севернее Брод, а наступать вдоль дороги из Брод через Радзивиллув на Дубно. Этот маршрут проходил по открытой, танкодоступной местности, не занятой значительными силами противника. Но командование корпуса предпочло 26 июня выполнять устаревший приказ штаба Юго-Западного фронта, нацеливавший 8-й механизированный корпус на леса и уже успевшую выдвинуться вслед за танкистами 57-ю пехотную дивизию. С другой стороны тоже не было продемонст-

42. Артиллерийская часть Красной Армии выдвигается к месту боев. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. 76-мм дивизионные пушки образца 1936 года (Ф-22) буксируют транспортными тракторами СТЗ-НАТИ (АСКМ).

рировано безупречное ведение наступления подвижными соединениями. Если командир 11-й танковой дивизии Людвиг Крювель неизменно демонстрировал агрессивное прикрытие фланга своего соединения «танковой» боевой группой, то командир 16-й танковой дивизии Ганс-Валентин Хубе просто растянул своих подопечных длинной «кишкой» от Кременца до Лешнева. Результатом этого было сравнительно легкое рассечение боевого порядка 16-й танковой дивизии пополам и выход к окраинам Дубно. Только своевременно принятое решение о рокировке 111-й пехотной дивизии из соседнего корпуса спасло XXXXVIII моторизованный корпус Вернера Кемпфа от больших неприятностей.

Подводя итоги дня 27 июня на наиболее опасном для немцев южном фланге наступления необходимо сказать следующее. Такие события как отказ от продолжения удара на Берестечко, отвод и перенацеливание 8-го механизированного корпуса на Дубно имели как минусы, так и плюсы. К утру 27 числа немецкое командование отреагировало на удар в направлении Лешнев-Берестечко и подтянуло на это направление 16-ю моторизованную дивизию, 670-й батальон истребителей танков (Panzerjaeger I с 47-мм пушками) и 88-мм зенитки, которые усилили боевые порядки 57-й пехотной дивизии. Так что возобновление наступления на Берестечко столкнулось бы с мощным противотанковым заслоном, и лишившиеся поддержки артиллерии танки 8-го мехкорпуса скорее всего подверглись бы жестокому избиению. Напротив, смена направления удара позволила весь день продвигаться в маршевых колоннах при незначительном сопротивлении противника. Несмотря на невыполнение задачи дня (захват Дубно), отряд Н.К. Попеля все равно блокировал южную «панцерштрассе» немецкого наступления и рассек надвое 16-ю танковую дивизию.

Днем 27 июня также состоялось сражение за Острог. Утром 27 июня 381-й и 602-й мотострелковые полки 109-й моторизованной дивизии повели наступление на Острог со стороны селения Вильбовное, находившегося северо-западнее города. Артиллерийская поддержка атаки практически отсутствовала, поскольку 404-й артиллерийский полк не успел выйти на исходные позиции. Полки наступали только при поддержке 76-мм полковой артиллерии и огня 45-мм орудий танков Т-26 и БТ из состава отрядов 57-й и 13-й танковых дивизий. Большая часть последних уже была погружена в эшелоны и направилась в Оршу. Преодолев реку Вилию по единственному мосту и вплавь, части 109-й дивизии начали бой за город. Уже в первые часы боевых действий дивизия потеряла своего командира. В 10 утра под артиллерийским обстрелом немцев оказался командный пункт соединения, располагавшийся на колокольне. Осколком одного из снарядов был тяжело ранен командир 109-й моторизованной дивизии полковник Н.П. Краснорецкий. В командование соединением вступил заместитель Краснорецкого Н.И. Сидоренко.

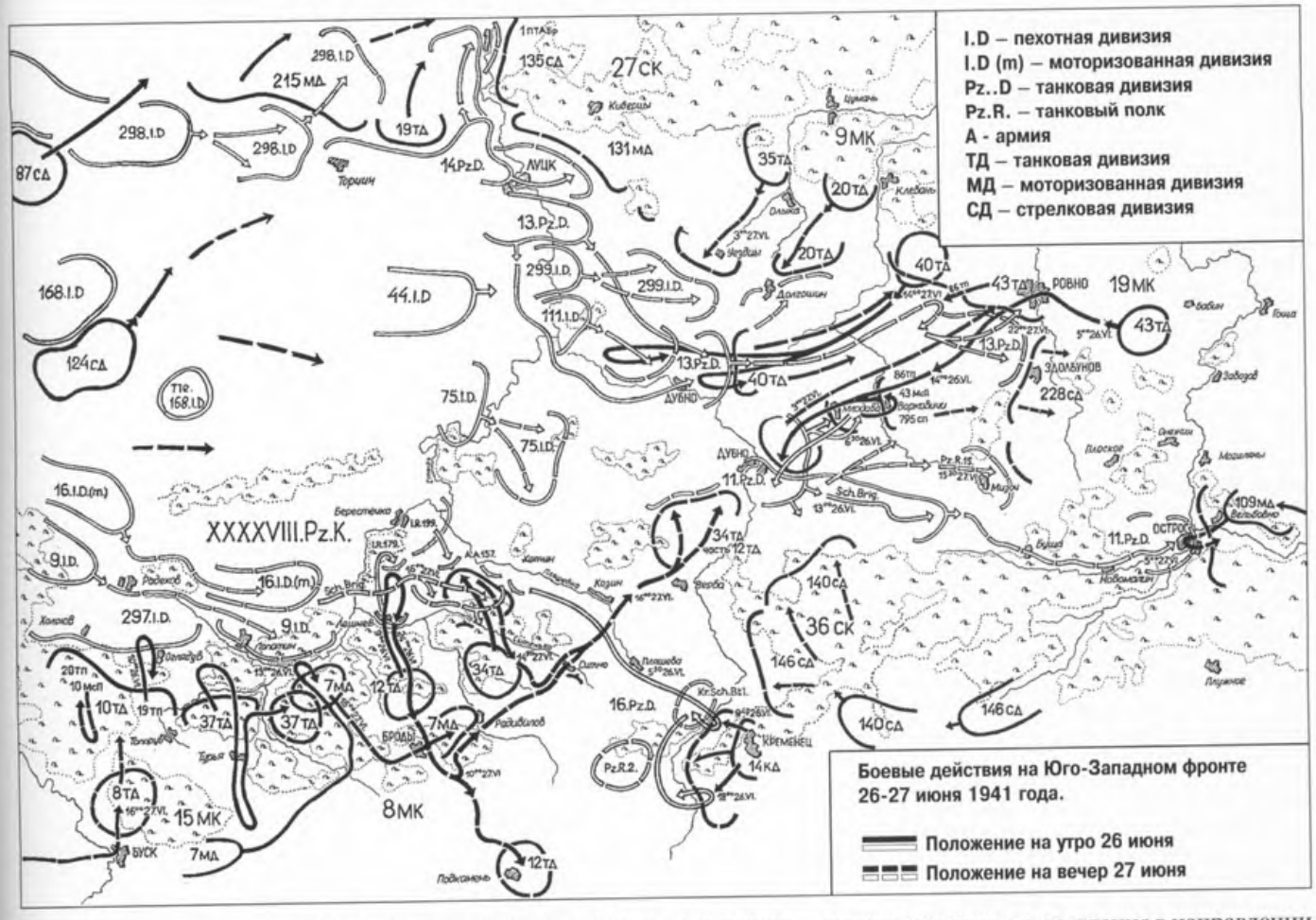
Во второй половине дня к Острогу подтянулась «танковая» боевая группа 11-й танковой дивизии немцев, и баланс сил сразу качнулся в сторону противника. Полковник Сидоренко подчинил себе часть разведывательного батальона 13-й танковой дивизии в составе танковой роты из 17 танков БТ, роты бронеавтомобилей (15 бронемашин), автороты, мотоциклетного взвода и бросил на помощь 381-му мотострелковому полку. Однако он не смог повлиять на исход боя. Немцы выдавили находившиеся в городе советские части, вынудив их отступить за реку Вилию под артиллерийским и пулеметным огнем. В городе остались окруженными 173-й отдельный разведывательный батальон Юлборисо-

ва (блокированный еще вечером 26 июня мотоциклистами 61-го мотоциклетного батальона 11-й танковой дивизии) и один батальон 381-го мотострелкового полка.

К ночи все, кто сумел переправиться через Вилию, сосредоточились в лесу восточнее Вильбовного. К вечеру к Острогу подошел 404-й артиллерийский полк 109-й моторизованной дивизии, поддержки которого так не хватало в дневном бою.

Наступление «группы Лукина» хотя и не привело к освобождению Острога от противника, препятствовало дальнейшему продвижению дивизии. Впервые с начала кампании вся 11-я танковая дивизия была сконцентрирована в одном месте и прекратила продвижение вперед. На тот момент препятствий к развитию наступления не было. Угроза флангу 11-й танковой дивизии была ликвидирована. Наступление III моторизованного корпуса полностью сковало действия 40-й и 43-й танковых дивизий. Уже к 6 утра 27 июня 228-я стрелковая дивизия и обе танковые дивизии лы на параллельный маршрут. В 19.00 последовал удар вдоль шоссе Дубно-Ровно и к 22.00 отряд немецкой мотопехоты при поддержке 15 танков ворвался на окраины Ровно. Перенос усилий III моторизованного армейского корпуса в обход Луцка резко увеличил плотность немецких войск на ровенском направлении. 228-я стрелковая дивизия была отброшена от Здолбунова, городка в нескольких километрах южнее Ровно. Тем самым сплошная линия фронта у Ровно была прорвана, и оборону советских войск начали обтекать с юга, вынуждая отходить дальше на восток. В этих условиях Н.В. Фекленко, командир 19-го механизированного корпуса был вынужден принять решение об отходе на рубеж реки Горынь, в 20 километрах восточнее Ровно.

Несколько облегчило положение 19-го механизированного корпуса вступление в бой на фланге III моторизованного корпуса Э. фон Маккензена танковых дивизий 9-го механизированного корпуса К.К. Рокоссовского. В 7.00 27 июня 20-я танковая дивизия М.Е. Ка-



19-го механизированного корпуса отошли от Дубно к окраинам Ровно. В середине дня дивизии завязали бой с наступающими вдоль шоссе Млынув-Ровно немецкими танковыми частями. Не выдержав артиллерийского и авиационного удара, пехота начала отступать. Только удачно проведенная контратака силами 86-го танкового полка при поддержке 43-го артиллерийского полка восстановила положение, но немцы вскоре рокировали ситукова перешла в наступление в направлении деревни Петушки, населенного пункта примерно в 20 км северо-восточнее Млынува. В течении дня дивизия вела наступательный бой, стремясь продвинуться в направлении Млынува. Немцы активно контратаковали и обтекая фланги дивизии, вынудили ее отступить. 35-я танковая дивизия полковника Н.А. Новикова в 3.00-4.00 часа утра 27 июня достигла рубежа Малин, Уездце (15 км сев.

Млынува), где вошла в соприкосновение с передовыми частями 299-й пехотной дивизии немцев. На этом рубеже 35-я танковая дивизия развернулась и обороняла его до исхода 27 июня. В конце дня К.К. Рокоссовский отдал приказ с наступлением темноты отвести 35-ю и 20-ю танковые дивизии на линию южной опушки леса в районе Ромашевская, Клевань, где они и закрепились. Константин Константинович впоследствии объяснил свое решение так: «Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба». Действительно, наступление на широком фронте с открытыми флангами силами рахитичных танковых дивизий ощутимого успеха принести не могло. Кроме того, 9-й механизированный корпус седлал стратегическое шоссе Луцк-Ровно, и удержание его было само по себе важной задачей.

Ранним утром 28 июня командование Юго-Западного фронта издало приказ №018, разительно отличавшийся от основных руководящих документов контрударов 24–27 числа директивы за №№ 015 и 016. Фактически, все соединения, находившиеся в радиусе нескольких десятков километров от Дубно, получили 28 июня активные задачи. Механизированные корпуса наконец-то должны были быть поддержаны пехотой. Получил задачу для совместных действий с танковыми частями не имевший активных задач с 25 июня 37-й стрелковый корпус. Вместо простого выжидания на позициях, обращенных фронтом на запад, корпус направлялся на север: «37-му стрелковому корпусу (141-я и 139-я стрелковые дивизии) наступать с 8 часов, к исходу 28.6.41 г. выйти на рубеж Болдуры, Станиславчик, Полонична». Болдуры и Станиславчик это стык 15-го и 8-го механизированных корпусов. 36-му стрелковому корпусу приказывалось наступать против южного фланга вырвавшегося вперед острия немецкого танкового клина. Ему предписывалось «в 12.00 28.6.41 г. перейти в наступление с ближайшей задачей, используя успех 8-го механизированного корпуса, выйти на фронт Млынув, Бакуйма, Козин».

Однако, несмотря на активный дух приказа №018 гибкости в постановке задач механизированным соединениям по-прежнему не было: «15-му механизированному корпусу продолжать выполнять поставленную задачу. К исходу дня выйти в район Берестечко» (там же). Как мы знаем, Берестечко уже 27 июня превратилось в насыщенный противотанковыми средствами опорный пункт, для выхода к которому нужно было проломить оборону 57-й пехотной дивизии, смять которую было куда сложнее, чем сбить слабые заслоны на стыке танковых и пехотных корпусов. Лидером наступления 15-го механизированного корпуса стала 37-я танковая дивизия полковника Аникушкина, которая до этого в наступательных боях практически не участвовала и смогла сохранить свои боевые возможности.

Боевой и численный состав 37-й танковой дивизии к 28.6.41 г. характеризовался следующими цифрами:

Командно-начальствующего состава	459 человек
Младшего командно-начальствующего состава	553 человека
Рядового состава	4055 человек
Танки Т-34	26
Танки БТ-7	177
Танки Т-26	8
Бронемашин БА-10	11
Бронемашин БА-20	5
152-мм гаубиц	4
122-мм гаубиц	3
76-мм танковых пушек	26
76-мм пушек полковой артиллерии	4
45-мм танковых пушек	201
37-мм зенитных орудий	4

Хорошо видно, что больше чем две сотни танков обслуживаются и поддерживаются всего пятью тысячами человек. Для сравнения, танковый корпус Красной Армии 1944–45 годов на две сотни танков имел более 11 тыс. человек личного состава, двенадцать 122-мм гаубиц, сорок шесть 120-мм минометов. Вследствие нехватки автотранспорта 3571 человек из состава 37-й танковой дивизии осталось в городе Кременец. На более чем 3 тысячи человек имелось всего 30 грузовых и специальных машин. Там же остались большинство артиллерийских орудий дивизии, двадцать одна 122 мм гаубица. Отсутствие транспорта, не поступившего из народного хозяйства до начала боевых действий, существенно снизило возможности 37-й танковой дивизии, предопределив невысокую эффективность действий более чем 200 танков, входивших в ее состав. Танки БТ по своим техническим характеристикам вполне отвечали требованиям 1941 года. Многие армии мира, и Вермахт в том числе, имели на вооружении легкие танки. Вопрос был в эффективном обеспечении действий танков пехотой и артиллерией. Последняя могла защищать танки не хуже противоснарядного бронирования, уничтожая своим огнем противотанковые орудия противника. Но, к сожалению, этой поддержки танкисты 37-й дивизии не получили. Собственная артиллерия была слабой, а поддержка со стороны артиллерийских полков, находившихся в подчинении командования Юго-Западного фронта, отсутствовала.

Одна из самых массированных атак танков БТ-7 в начальном периоде войны началась в середине дня 28 июня. 37-я танковая дивизия преодолела первую водную преграду на своем пути, реку Стырь, у Станиславчика. Захват собственно переправы был осуществлен 37-м мотострелковым полком, его успех развивали 73-й и 74-й танковые полки. Форсирование следующей речки, Островки стало уже непосильной задачей. Первые подошедшие к переправе танки были срезу же подбиты. Слабая артиллерийская поддержка не позволила дивизии эффективно использовать легкие танки. Командир дивизии в своем отчете по итогам боевых действий написал: «противнику было сравнительно легко и малыми силами организовывать противотанковую оборону, особенно против танков БТ-7, которые в основном имелись на вооружении в частях дивизии. Вместе с этим и огневая мощь танков

БТ-7 в этих условиях была малоэффективной». Слабая артиллерийская поддержка оказалась роковой и для мотострелков 37-й дивизии: «37-й мотострелковый полк, активно выполняя поставленную задачу, частью сил совместно с танками форсировал р. Стырь на участке Бордуляки, Станиславчик, но, не будучи поддержан достаточным количеством артиллерии (всего 2 батареи – одна 152-мм и одна 122-мм), понес большие потери. По данным начальника штаба мотострелкового полка капитана Карцева, потери полка – около 60% всего состава полка. Убит командир полка майор Шлыков и его заместитель майор Шварц. Рубеж, занимаемый 37-м мотострелковым полком, по южному берегу р. Стырь на участке Бордуляки, Станиславчик усеян трупами и ранеными. 37-й мотострелковый полк сильно деморализован».

Остальные танковые соединения 15-го механизированного корпуса особых успехов не достигли. 8-я танковая дивизия в течение дня вела бои на правом фланге наступления. Но проломить противотанковую оборону немецкой 297-й пехотной дивизии ей не удалось. В отчете о боевых действиях дивизии мы находим лаконичную запись: «Бои в районе Охладув. Потеряно 12 танков». 10-я танковая дивизия также не смогла пробиться через артиллерийский огонь 297-й пехотной дивизии у Лешнева.

По схожему с действиями 37-й танковой дивизии сценарию развивались боевые действия у Дубно. Еще до начала боя 34-я танковая дивизия понесла потери в командном составе, во время рекогносцировки был убит командир 67-го танкового полка полковник Болховитин. Одновременно выбыл по болез-

43. Немецкий солдат на танке БТ-7, застрявшем в болоте и брошенном своим экипажем. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (РГАКФД).

44. Танк Т-26, брошенный экипажем из-за отсутствия горючего. Предположительно 22-й механизированный корпус, Юго-Западный фронт, июнь. 1941 года. Машина имеет тактическое обозначение в виде прерывистой белой полосы с цифрой 6 (по верху башни) и широкой полосы на крыше башни (АСКМ).

ни командир 68-го танкового полка Смирнов. Наступление началось в 9.00, 67-й и 68-й танковые полки пытались захватить Дубно, но были встречены ураганным артиллерийским огнем. Группа машин дивизии прорвалась на западную окраину Дубно, но связь с ними была потеряна и танки пропали без вести. Три орудия 34-го гаубичного артполка, которые поддерживали дивизию в бою 27 июня, были уничтожены огнем артиллерии немцев из Дубно. И это неудивительно – город занимала 111-я пехотная дивизия, обладавшая подавляющим превосходством над 34-й танковой дивизии в артиллерийском ударе. Характерная деталь сражения: танкисты группы Н.К. Попеля не смогли даже выявить состав противостоящих им частей и соединений, описывая их как «конницу, пехоту и обозы». Как «конница» пехотная дивизия выглядела вследствие преобладания гужевой тяги артиллерии.

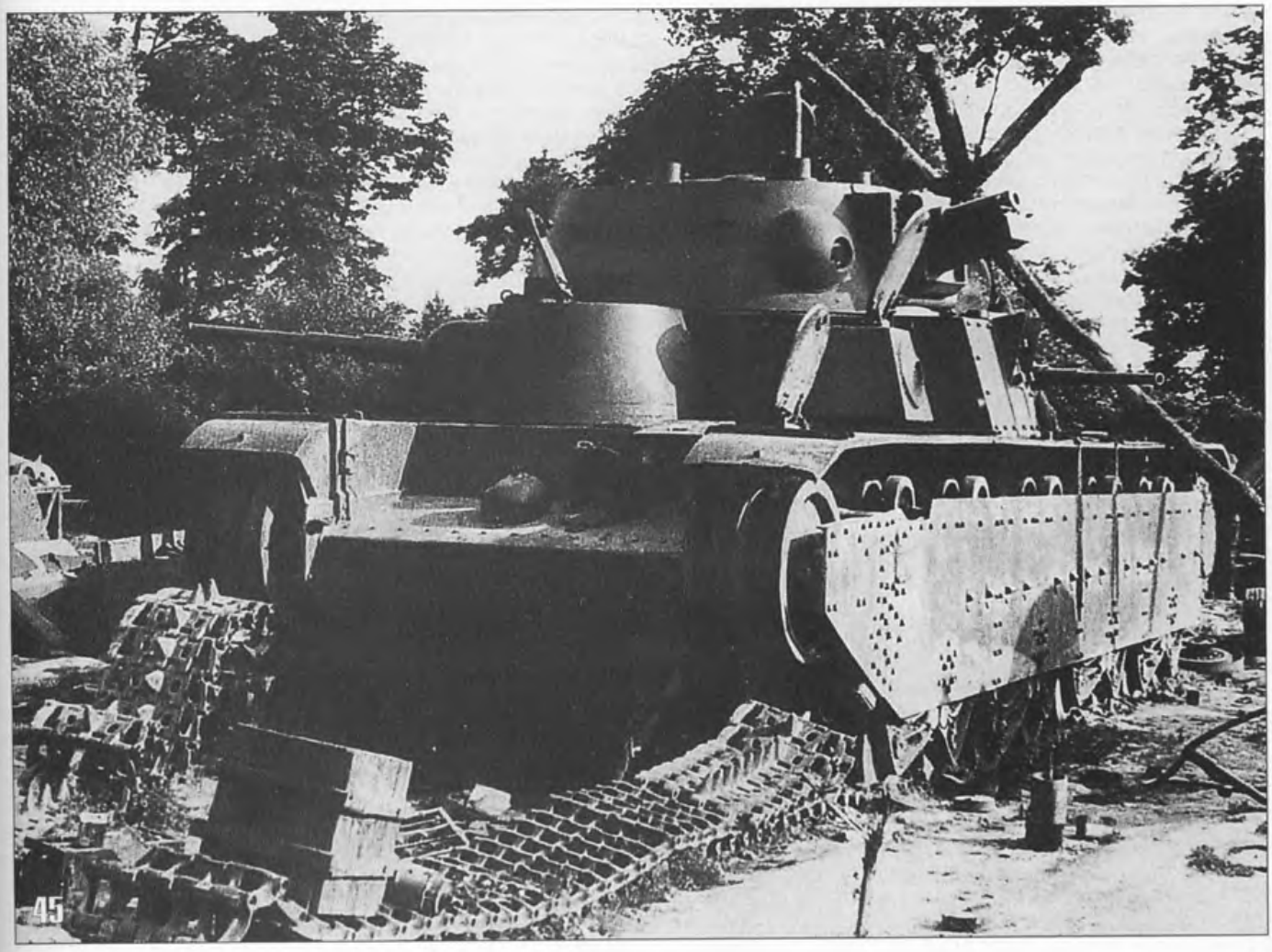
Однако если удары 37-й танковой дивизии не привели, да и не могли привести к значимому для сражения результату, атаки 34-й танковой дивизии объективно были весьма полезными. Соединение И.В. Васильева блокировало южную «панцерштрассе» немецкого наступления и захват Дубно значительно ухудшил бы положение XXXXVIII корпуса – город был сравнительно крупным узлом дорог.

По следам группы Н.К. Попеля в направлении Дубно подтягивались и остальные соединения 8-го механизированного корпуса. К 11.00 28 июня авангард 7-й мотострелковой дивизии (один батальон 300-го мотострелкового полка с дивизионом артиллерии) головой подошел к м. Верба, где завязал бой с мотопехотой и танками противника. Главные силы 7-й моторизованной дивизии и остатки 12-й танковой дивизии к этому времени отстали от передового отряда на 20 километров. В этот разрыв немедленно вклинились части 75-й пехотной дивизии и пехотной бригады 16 танковой дивизии. Когда к 13 часам части 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизии, оставшиеся под командованием Д.И. Рябышева, подошли к рубежу реки Пляшевки, их ждал неприятный сюрприз. Разрыв с главными силами корпуса сократился до 10 километров, но преодолеть этот десяток километров оказалось непростой задачей. Группа Рябышева встретила сильную противотанковую оборону немцев и все попытки пробить ее, продолжавшиеся до 19.00, оказались безуспешными. Немецкая сторона так описывает попытки группы Рябышева выйти к Дубно: «Основные силы полка продолжили движение в направлении Козина, повернув затем на восток. Лишь только II батальон 64 мотопехотного полка, усиленный 11 ротой 64 мотопехотного полка, 1 ротой, 16 истребительно-противотанкового батальона и батарея 88 мм орудий уничтожали противника в лесах к северу и югу от Тарновки. Пехотные роты заняли исходные позиции на окраине Тарновки. 8 рота 64 мотопехотного полка под командованием ст. лейтенанта Мууса приступила к атаке на Ивани-Пусто, с целью «взять в тиски» противника с востока. Бойцам 8 роты 64 мотопехотного полка пришлось нелегко в битве с тяжелым русским танком. С постоянно меняющихся огневых позиций он подавлял пехоту огнем и затягивал взятие деревни. Русские войска силой до батальона были все же «взяты в клещи» и отброшены назад. Однако с их стороны вскоре последовала танковая контратака и 64-й полк был вынужден вернуться на исходную позицию. Тарновка сотрясалась от взрывов противотанковых гранат, дома полыхали, все имеющееся в наличие оружие было направлено на уничтожение танков. Ветер разносил вокруг дым и гарь. Одному тяжелому пехотному орудию [речь идет о 150 мм орудии sIG 33 – А.И.] удалось подбить 2 средних танка. 5-сантиметровые противотанковые пушки были бесполезны на удалении даже 400 м. Все новые стальные колоссы входили в Тарновку, но бойцы 16 танковой дивизии держались достойно. Одна 8,8-см зенитная пушка в течение получаса уничтожила 4 танка. Когда атака бы-

ла отражена, убитые и раненые подобраны, и дым рассеялся, на поле боя можно было насчитать 22 подбитых танка. В деревне Иваницк-Ивтоцкий бой все еще продолжался».

Не сумев предсказать и, следовательно, парировать сильный ход советской стороны с прорывом к Дубно 27 июня, немцы решили компенсировать этот промах на следующий день. Смещение основной массы 8-го механизированного корпуса в направлении Дубно привело к ослаблению стыка между ним и 15-м механизированным корпусом. Фактически между правофланговой 212-й моторизованной дивизией 15-го мехкорпуса и левофланговой 7-й моторизованной 8-го мехкорпуса образовался 30-километровый разрыв, частично проходивший по лесным массивам. Этот разрыв был занят 79-м моторизованным полком 16-й танковой дивизии. С севера также подошла 75-я пехотная дивизия LV армейского корпуса (в тот же корпус входила засевшая в Дубно 111-я пехотная дивизия). Одновременно, не дождавшись продолжения советского наступления на Берестечко, в 9.00 утра 28 июня начала наступление на Лешнев 57-я пехотная дивизия. Уже в 15.30 она была в Бродах. К 19.00 7-я моторизованная дивизия 8-го мехкорпуса была охвачена с трех сторон и практически окружена. Ее боевые порядки насквозь простреливались артиллерией и подвергались интенсивным ударам с воздуха. Это вынудило Д.И. Рябышева отдать приказ на выход из окружения в юго-восточном направлении. К 24.00 части 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизий 8-го механизированного корпуса вышли из окружения и сосредоточились в районе юго-восточнее Бродов. Группе Н.К. Попеля предстояло вести бои в полном окружении. Надежды на помощь извне у танкистов 34-й танковой дивизии и прорвавшихся вместе с ними к Дубно частей 12-й танковой дивизии уже вечером 28 июня не было никакой. Более того, мучительно долго сосредотачивавшиеся на фланге танкового клина немцев 8-й и 15-й механизированные корпуса сами оказались в сложном положении. Выстроенный на их пути заслон из пехотных дивизий XXXXIV и LV армейских корпусов сам перешел в наступление. Несколько облегчил положение группы Н.К. Попеля отряд 37-й танковой дивизии, оставшийся в Кременце. В 17.00 28 июня взвод танков в составе трех БТ-7 и двух Т-26 под командой капитана Романова совместно с 512-м стрелковым полком 140-й стрелковой дивизии атаковал мотоциклетный батальон 16-й танковой дивизии. На том же направлении действовали конники 14-й кавалерийской дивизии. Немецкие мотоциклисты был вынужден отступить и сигнализировать командованию об угрозе со стороны Кременца. Дивизия Хубе была вынуждена сосредоточить танковый полк в

45. Танк Т-35 (выпуска 1939 года с коническими башнями), брошенный в парке 34-й танковой дивизии. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Судя по трем скрещенным бревнам над моторным отделением танка, перед войной у машины производили демонтаж двигателя (АСКМ).



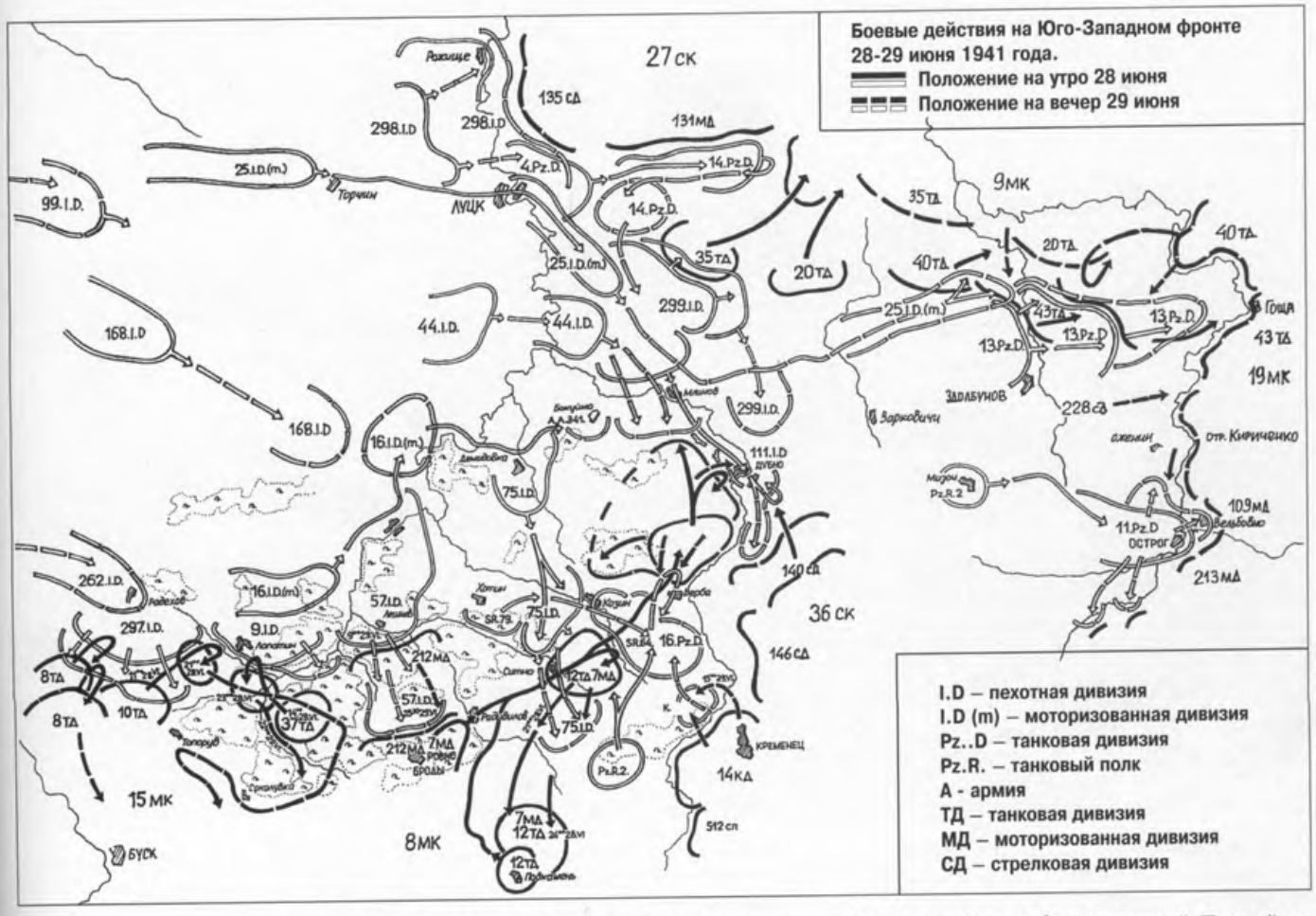
46. Немецкие солдаты у брошенного танка КВ-2. Юго-западный фронт, июнь 1941 года. Судя по отсутствию повреждений, машина скорее всего вышла из строя по техническим причинам (АСКМ).

районе Вербы таким образом, чтобы иметь возможность в зависимости от складывающегося положения ввести его в бой в юго-восточном направлении против Кременца или в северо-восточном направлении на Дубно. Так или иначе, целиком задействовать танки для удара по Попелю командование 16-й танковой дивизии не могло: требовалось обороняться от возможных ударов с юга.

Тем временем лидер наступления XXXXVIII корпуса, 11-я танковая дивизия, была фактически блокирована в районе Острога. Трасса снабжения соединения была прервана, топливо и боеприпасы доставлялись авиацией. Снабжение боеприпасами было особенно актуально поскольку все три дня сражения за Острог дивизия Крювеля подвергалась непрерывным ударам «группы Лукина». День 28 июня не стал исключением. В течение ночи с 27 на 28 июня по приказу полковника Н.И. Сидоренко части и подразделения 109-й моторизованной дивизии произвели перегруппировку сил для нового наступления. 602-й полк переправился через Вилию и подошел вплотную к окраинам города, где его встретил артиллерийский и пулеметный огонь, контратаки танков. Наступление 381-го полка также было приостановлено. Чтобы обеспечить его продвижение в бой вступил 404-й артиллерийский полк. Артиллеристам удалось подавить многие батареи и пулеметные точки противника, что помогло 381-му полку ворваться в Острог и начать продвижение к центру. До самого вечера полк вел бой за город с переменным успехом. Лишь с наступлением темноты мотострелки 109-й дивизии были вынуждены отойти на исходные позиции, на восточный берег Вилии.

Однако наиболее мощным средством воздействия на острие танкового клина стала авиация. В донесении штаба ВВС Юго-Западного фронта говорилось: «В течение всего дня 28.6 41, ВВС ЮЗФ главным образом действовали по механизированным частям противника, сосредоточенным в районе Острог, Мизочь, Варковичи. Несмотря на то, что в этом районе находились крупные мотомехчасти противника, они были настолько искусно замаскированы, и для того чтобы их вскрыть, летному составу пришлось летать на бреющем полете. Всего произведено в этот район более 400 самолето-вылетов. Потери: 5 самолетов в воздушном бою. Авиация противника в течение всего дня в указанном районе действовала неинтенсивно. Ввиду того, что мехчасти противника были сосредоточены на небольшом участке, они понесли большие потери». 400 самолето-вылетов по довольно ограниченному пространству на линии Острог-Мизочь-Варковичи (всего около 40 км) произвели на личный состав 11 танковой дивизии неизгладимое впечатление: «Начавшийся среди ночи дождь давал надежду на то, что на сегодняшний день ожидается уменьшение воздушной деятельности русских. Не тут то было. На рассвете дождь закончился, и сразу же появились советские самолеты, которые непрерывно атаковали части 11 танковой дивизии, державшей в течение всего дня путь на Острог. [...] Чтобы избежать длительного обстрела с воздуха танковые экипажи пытались защитить себя таким образом: рыли канавы, по которым потом проезжали их хорошо закамуфлированные танки. [...] Неоспоримо было то, что советский противник, по меньшей мере здесь, имел **абсолютное господство в воздухе** (выделено мной – А.И.)». Подвижное как ртуть танковое соединение было вынуждено остановиться и отбивать атаки с земли и воздуха.

Поступательное движение на восток большей части соединений 1-й танковой группы 26-28 июня фактически прекратилось. Лидер наступления, 11-я танковая дивизия, остановилась в Остроге, 16-я танковая дивизия вела бои в районе Вербы, вынужденная отойти от Кременца, пехотные дивизии XXXXIV и LV ар-



мейских корпусов двигались в направлении с севера на юг, 16-я моторизованная дивизия оставалась в качестве резерва в районе Брод. Исключение составлял только III моторизованный корпус Э. фон Маккензена, наступавший на Ровно. Соединения 19-го механизированного корпуса 28 июня были вынуждены оставить Ровно и начать отход на рубеж реки Горынь. Обеспечивала отход 43-я танковая дивизия. В течение 28 июня она вела бои с локальными контратаками со следующим по пятам немцами. Дивизия отходила от рубежа к рубежу, разрушая мосты на «панцерштрассе», шоссе Ровно – Гоща. Потери дивизии составили 11 танков «Т-26», 2 полковых орудия, 5 грузовых машин, 2 бензоцистерны, 13 человек убитыми и 47 ранеными. К утру 29 июня 19-й мехкорпус занял оборону на Горыни севернее ведущих бой за Острог соединений группы Лукина. 40-я танковая дивизия расположилась на участке Тучин, Гоща, а 43-я танковая дивизия – Гоща, Вильбовно. Фактически весь 19-й механизированный корпус выстроился в линию на реке Горынь от шоссе на Киев и до Острога. 213-я моторизованная дивизия корпуса входила в группу Лукина и вела бой южнее Острога.

Пожалуй, наиболее успешно вела боевые действия 27-28 июня 6-я армия. И.Н. Музыченко сумел эффективно распорядится подмятыми под себя танками 4-го механизированного корпуса. Им удалось отразить наступление XXXXIX горного корпуса, накануне усиленного свежей 4-й горно-егерской дивизией, занявшей место побитой 68-й пехотной. Первой задачей 4-й горно-егерской дивизии было выдвижение в район перешейка между двух озер у Грудека Ягельонского. Здесь занимали оборону 202-й мотострелковый (выведенный из гарнизона Львова), 53-й танковый и 125-й артиллерийский (без матчасти) полки 81-й моторизованной дивизии. Эти части составляли моторизованную группу под командованием подполковника Абрамова. Группе удалось остановить продвижение передового отряда 4-й горно-егерской дивизии у Каменноброд. Немецкое командование высказало И.Н. Музыченко похвалу вечером 28 июня: «У командования группы армий сложилось мнение, что противнику в результате умелых, активных и упорных действий усиленных танками арьергардов, удалось оторваться значительной частью своих войск от 17-й армии и организовать отход на восток».

Контрударом механизированных корпусов 26-28 июня 1941 г. командованию Юго-Западного фронта не удалось достичь результатов, которые закладывались в боевых приказах на контрнаступление. Но тем не менее контрудары Юго-Западного фронта стали самыми результативными действиями механизированных частей РККА в приграничном сражении июня 1941 года. Им удалось надолго воспретить продвижение XXXXVIII моторизованного корпуса немцев и создать кризис, для парирования которого потребовалось привлечь значительную часть как моторизованных, так и пехотных соединений 1-й

47. Танки Т-34, вышедшие из строя в ходе атаки и оставленные своими экипажами. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. (АСКМ).

танковой группы и 6-й армии. Причем немцам пришлось оголить северный фланг и рокировать на юг 44-ю пехотную дивизию из III моторизованного корпуса, 111-ю пехотную дивизию из XXIX армейского корпуса.

Общий отход и последний контрудар

Обстановка, сложившаяся после прорыва группы Попеля к Дубно для обеих сторон была «цугцвангом», вынужденной последовательностью ходов. Советские танкисты атаковали Дубно, надеясь на встречу с 19-м механизированным корпусом по другую сторону города. Немцы были вынуждены атаковать окруженных, чтобы освободить южную «панцерштрассе» и продолжить наступление XXXXVIII моторизованного корпуса. При этом надежды на скорое решение насущных задач для обеих сторон были весьма призрачными. Немцы видели с воздуха крупные массы танков, включая тяжелые многобашенные, у группы Попеля уже был опыт неудачного штурма Дубно 28 июня.

Утром 29 июня сводный отряд 8-го механизированного корпуса возобновил наступление на Дубно. Наших танкистов встретил с западных окраин Дубно сильный артиллерийский огонь. Немцы были вынуждены бросить в бой даже солдат вспомогательных служб – шоферов, писарей и связистов. Особенно сильное впечатление на них произвели танки КВ-2: «Кульминационный момент в развитии ситуации у Дубно наступает с 04.00, когда русские начинают новую атаку силами стрелков и танков – в том числе 15-см штурмовых танков. Успокаивающе действует только сообщение командования танковой группы о том, что части 44-й пехотной дивизии уже на подходе в 15 км севернее Дубно, с задачей выправить положение в районе города. С другой стороны, по-видимому, противник прорвался 29. 6 около полудня через позиции 111-й пехотной дивизии юго-восточнее Дубно и продвигается дальше на восток». Четыре танка КВ выводятся из строя артиллерией, два из них сгорают. 34-я танковая дивизия в целом теряет свыше 80 танков. Мотострелковый полк теряет до 30% своего состава. В дивизии остается 65 Т-26, 5 КВ (из них один не годен для стрельбы), 2 БТ-7. Вечером командир 34-й танковой дивизии предпринимает попытку организовать взаимодействие с ближайшими частями РККА. Согласно журналу боевых действий дивизии с этой целью посылается разведка на юг, через заболоченную пойму Иквы. Но ничего утешительного она не сообщает, докладывая об отходе на юг 140-й стрелковой и 34-й (правильно – 14-й) кавалерийской дивизии. Вечером 29 июня группа Попеля занимает оборону вдоль шоссе, идущим западнее Дубно от Клещихи до Тараканова.

Немцы тем временем были вынуждены от обороны перейти к наступлению с целью освобождения маршрута снабжения XXXXVIII танкового корпуса. Весь день 29 июня тыловые подразделения 34-й танковой дивизии,

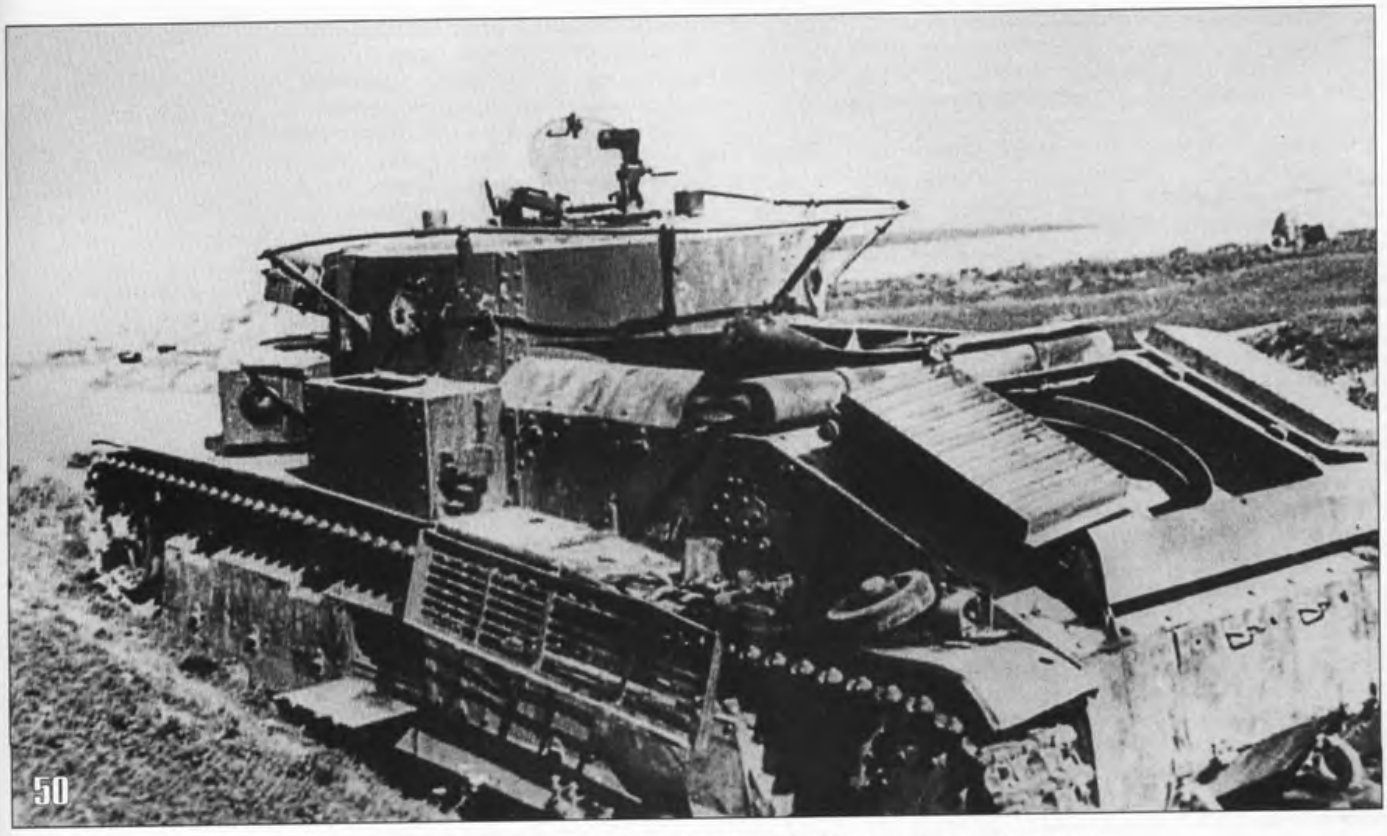
собрав отставшие танки, обороняли юго-западный сектор окружения, вели бои за Птичье, село на берегу Иквы. И делали это довольно успешно. История 16-й танковой дивизии повествует о попытке разгромить группу Н.К. Попеля следующим образом: «29.06.41 16 танковой дивизии была поставлена задача, уничтожить силы противника, сгруппированные в районе Дубно, продолжая при этом обеспечивать прикрытие с юга. Для выполнения задачи были выделены боевые группы – части, состав которых определялся дивизией в зависимости от той или иной ситуации. В состав боевой группы «Сикениус» вошли: 2-й танковый полк, взвод тяжелой зенитной артиллерии, взвод 2-сантиметровой зенитной артиллерии, II батальон 64-го мотопехотного полка. Вечером в 18.00 ч. началось наступление на север по широкому фронту. На пути к Дубно ударной группе пришлось пережить налет русских бомбардировщиков. Волна за волной бомбы ложились на колонны боевой техники. В дыму горящих машин неожиданно послышался выкрик – «газы!». Это была ложная тревога, однако крик еще более усугубил общее положение. На высотах южнее Дубно танки столкнулись с противником на укрепленных позициях. Находившиеся на оборудованных позициях противотанковые орудия и боевые машины открыли массированный огонь по легким танкам полка. Из-за нехватки боеприпасов приходилось по несколько раз

48. Танк Т-26 (выпуска 1939 года с конической башней и наклонными бортами подбашенной коробки), брошенный экипажем из-за слетевшей левой гусеницы. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Белый треугольник на башне не тактическое обозначение, как считалось ранее, а значок, нанесенный немецкими дорожными службами для опознавания танка ночью в свете фар (РГАКФД).

менять передовые подразделения. И снова замешательство, неразбериха, потери! Неожиданно русские провели пехотную контратаку. Атака наших войск захлебнулась. Приказ к отступлению! Наступали сумерки. Под их прикрытием войска отходили назад. Разместив раненых на броне, колонна отступающей ударной группы собралась на дороге. Неожиданно сверкнули молнии выстрелов, над плотной колонной машин засвистели пули. Из зарослей ржи, заболоченных лугов по обеим сторонам дороги появились русские с огнеметами и бутылками с горючей смесью. Стянувшись к дороге, им удалось вывести из строя 10 танков. Бойцы попытались развернуть орудия, танки, дав задний ход, старались уйти от обстрела. Приказов, казалось, уже никто не слышал, началась беспорядочная стрельба вокруг. Отступление частично перешло в панику. Лишь на короткое время еще раз удалось остановить напор танков и пехоты. Вербу пришлось оставить. Тревога в стане «Ежа» [занявшие круговую оборону в районе Вербы части 16-й танковой дивизии – А.И.]! После неудач у Вербы и Дубно появилась опасность прорыва противника. Пехотная бригада, обеспечивавшая охранение со стороны прежних позиций «Ежа», еще ночью в ускоренном темпе покинула свои окопы, заняла северный фронт, вытянувшись по обеим сторонам дороги в сторону Вербы. Бригада готовилась к контратаке неприятеля. Еще на протяжении всей ночи в расположение «Ежа» продолжали входить отдельные отставшие машины и военнослужащие, возвращавшиеся из района Дубно». Это был, пожалуй, самый успешный бой наших танкистов в приграничном сражении. В районе Вербы было даже захвачено 12 немецких танков, брошенных экипажами. Судя по описанию («легкий по типу Т-40 с пулеметом и пушкой» и «средний по типу БТ») это были Pz.II. и Pz.III. «Огнеметы», которые упоминаются в истории 16-й танковой дивизии, это, судя по всему, огнеметные танки. В целом отставшие танкисты и тылы 34-й танковой дивизии вынудили немцев отказаться от решения проблемы кавалерийским наскоком: «Ожесточенный ночной бой стоил высоких потерь. Поэтому предусмотренный на 30. 6. прорыв на Дубно должен был быть отложен. Сначала требовалось провести серьезную разведку и артподготовку. Стоящие под угрозой окружения крупные танковые силы врага стойко обороняются посредством энергичных контратак».

Вечером 29 июня Франц Гальдер записал в своем дневнике: «На фронте группы армий «Юг» развернулось своеобразное сражение в районе южнее Дубно. 16-я танковая дивизия, оставив высоты в районе Кременца, атакует противника с юга, в районе Кременца 75-я пехотная дивизия наступает с запада, 16-я моторизованная дивизия – с северо-запада, 44-я пехотная дивизия – с севера и 111-я пехотная дивизия – с востока. На стороне противника действует 8-й механизированный корпус. Обстановка в районе Дубно весьма напряженная». Руководство группы армий «Юг» сетова-

49, 50. Танки Т-28 из состава 4-го механизированного корпуса, брошенные экипажами из-за поломок в ходе маршей. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Оба танка с пушками КТ-28 и поручневыми антеннами на башнях (АСКМ).



50

ло, что «и 29 июня моторизованным соединениям танковой группы не удалось достичь оперативной скорости передвижения».

Как мы видим из дневника Гальдера, вокруг группы Попеля к вечеру 29 июня образовалось достаточно плотное кольцо окружения. С утра 30 июня артиллерия 111-й пехотной дивизии начинает интенсивный обстрел позиций окруженных. Артиллерийским огнем были подбиты несколько танков, в частности сгорели два БТ-7 разведывательного батальона 34-й танковой дивизии. Под артиллерийским огнем погибает комиссар 67-го танкового полка И.К. Гуров, начальник штаба 68-го танкового полка капитан Абрамихин. Тем временем собравшиеся у Птичьего тылы 34-й танковой дивизии вели бои с частями 16-й танковой дивизии немцев. В этот день были использованы отставшие от своих полков танки Т-35. Немцы написали об этом эпизоде: «Русские неоправданно бравировали своими 52-тонными танками «Клим Ворошилов», однако зенитная и полевая артиллерия уверенно справлялись с этими неповоротливыми увальнями с пятью вращающимися башнями». Название «Клим Ворошилов» очевидная ошибка, пятибашенными были Т-35, для поражения которых 88-мм зенитки были явно избыточны. К 19.00 29 июня командующий группой Н.К. Попель принимает решение использовать результативные бои своих тылов у Вербы и прорываться на юг, к Кременцу. Предполагалось воспользовавшись дорогой, идущей через заболоченную пойму Иквы от Птичьего до Стар. Носовиц. С наступлением темноты, в 22.00-23.00, тылы дивизии выходят на дорогу и постепенно выходят в направлении Старые Носовицы. Однако движение обнаруживается частями 16-й танковой дивизии и на переправы обрушивается артиллерийский огонь, который поджигает танки и автомашины на мосту. Тем не менее, тылы 34-й танковой дивизии прорываются на юг, ценой потери до 50 % матчасти.

Судя по всему, против окруженных были также задействованы диверсанты «Бранденбурга», тем более что в условиях остановки наступления задач по захвату мостов у них не было. К этой мысли подталкивают обстоятельства потери одного из вездеходов ЗИС-33 34-й танковой дивизии. 30 июня неизвестный лейтенант повел колонну машин, в том числе этот ЗИС-33 из болота южнее Птичьего на дорогу, но «там оказались немцы, которые жгли колонну снарядами». Вполне возможно, что «неизвестный лейтенант» был из «Бранденбурга».

Задержка в развитии немецкого наступления на восток позволила относительно спокойно отходить на восток армиям в львовском выступе. Соединения 6-й армии продолжали начатый 27 июня отход на восток под прикрытием контратак, проводимых импровизированными боевыми группами из состава 4-го механизированного корпуса. Его 32-я танковая дивизия вела подвижную оборону по яновскому и грудек-ягельоньскому шоссе. 63-м танковым полком во взаимодействии с 8-м мотострелковым полком была проведена удачная контратака в ходе которой были уничтожены 8 орудий полевой артиллерии, 11 противотанковых орудий немцев. Противником танкистов дивизии Пушкина была 4-я горно-егерская дивизия, в истории которой этот бой описан так: «На следующий день был получен приказ начать окружение Львова с юга. Передовая группа под командованием командира 1-го батальона 91-го горно-пехотного полка майо-

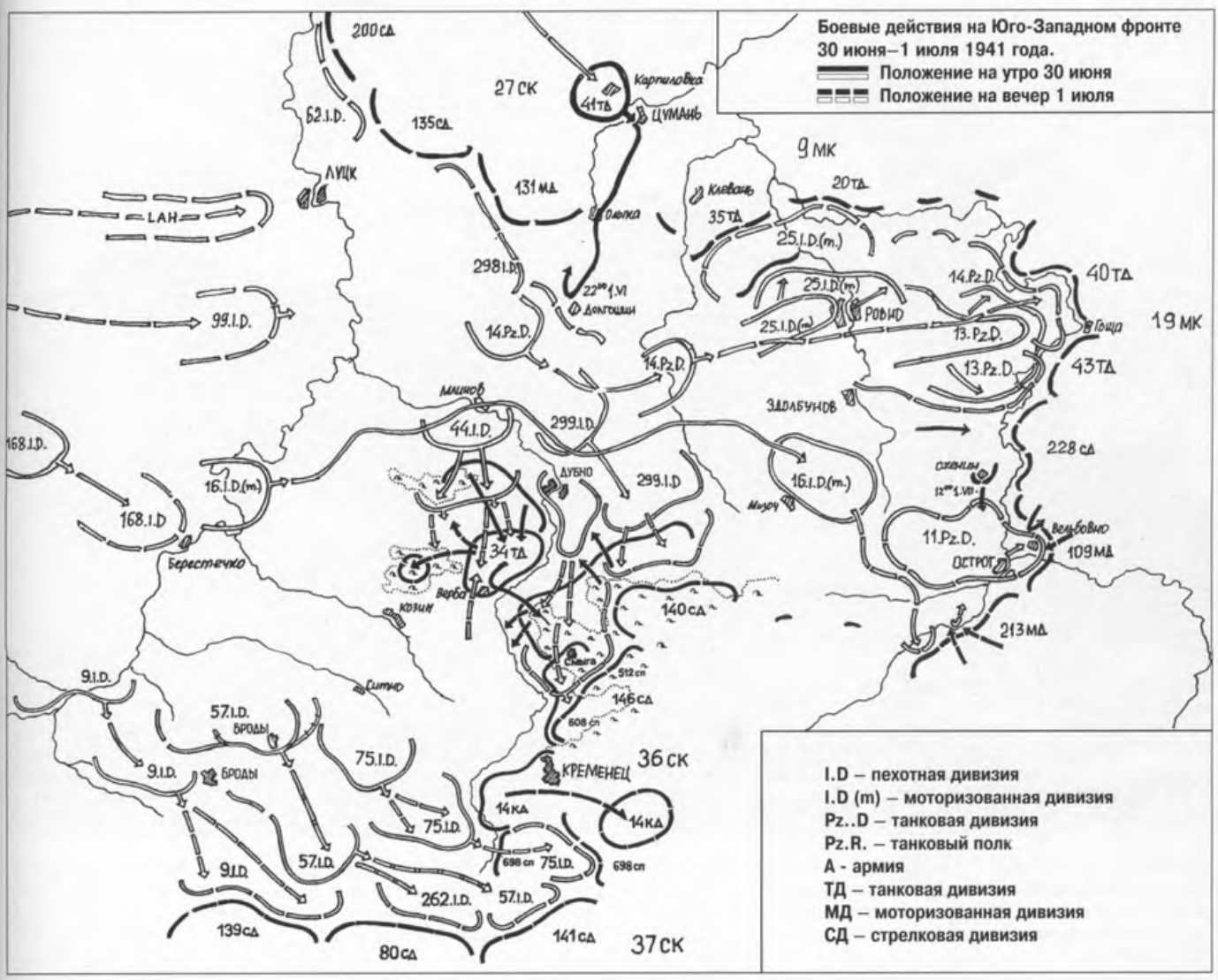
ра Шнайдера вышла на шоссе Гродек – Львов. В районе населенного пункта Кальтвассер группа встретила танки неприятеля. Снаряды 3,7 и 5-сантментровых противотанковых орудий были не в состоянии пробить их броню. Мужественные артиллеристы продолжали вести огонь из 5-сантиметровых пушек даже, когда танки находились в уже 5 метрах от них. Танки переезжали орудия. Материальные потери были огромны!». Решительные контратаки с использованием танков новых типов позволили 29 июня избежать окружения Львова корпусом Кюблера. Контратаки танкистов 4-го механизированного корпуса также получили высокую оценку командования группы армий: «Перед 17 армией противник продолжал отступать, чему способствовала погода. Наступление преследующих его дивизий, особенно XXXXIX армейского корпуса в районе Лемберг [Львов], сдерживалось контратаками, проводимыми при поддержке тяжелых танков». Погода 29 июня действительно не благоприятствовала применению ВВС – сильная облачность, местами дожди.

Бои между горно-егерскими дивизиями и танкистами корпуса А.А. Власова на подступах к Львову не утихали до самого вечера. С наступлением темноты 32-я танковая дивизия начала отход в восточные пригороды Львова, Винники и Лесеница. В 4 утра 30 июня 1-й горно-егерской дивизией был осуществлен захват Львоской крепости, находившейся на востоке города. В течение ночи 32-я танковая дивизия с боями отступала через Львов. Части дивизии вели уличные бои, подавляя огневые точки украинских националистов в домах и на чердаках зданий города. Пока 1-й горно-егерская дивизия вела бой в городе, горным егерям 4-й дивизии и другим соединениям корпуса Кюблера было запрещено ввязываться в уличные бои и в обход Львова продвигаться на восток.

Некоторое осложнение ситуации вызвало выступление на стороне немцев нового игрока, сидевшего доселе на скамейке запасных. Это XIV моторизованный корпус фон Виттерсгейма, в который вошла 9-я танковая дивизия, а несколько позднее моторизованная дивизия СС «Викинг«. Корпус был введен в бой в полосе 17-й армии. 9 танковая дивизия начала наступление в направлении Каменки-Струмиловской, севернее Львова. Наибольшую опасность это вклинение имело для 15-го механизированного корпуса, тылам которого угрожало вклинение XIV моторизованного корпуса немцев на правом фланге 6-й армии. Облегчал положение корпуса приказ на выход в резерв фронта. Вечером 29-го июня 15-й механизированный корпус, участвовавший в контрударах с 23 июня начал отход в резерв фронта. С севера отход прикрывала 212-я моторизованная дивизия, занимавшая позиции южнее Бродов. Растянутый на широком фронте механизированный корпус медленно сворачивался и уходил на восток, постепенно вытягиваясь из узкого промежутка между немецкими пехотными дивизиями с севера и 9-й танковой дивизией с юга. Это промежуток в любой момент грозил стать стенками «мешка» окружения. Но 29-го июня катастрофического развития ситуация не получила. 9-я танковая дивизия столкнулась с танковыми полками 8-я танковой дивизии. В отчете командира 8 танковой дивизии П.С. Фотченкова этот бой был отражен так: «29 июня. Оборона Рудно – Лапаювка. В 10.00 атака частей особой берлинской дивизии. Уничтожено 240 мотоциклистов, 10 танков, до 2-х батальонов пехоты». 9-я танковая была скорее не берлинской, а венской, созданной из частей, формировавшихся в Австрии. Командовал ей австриец Альфред Риттер фон Хубицки.

Блокирование дороги от Птичьего через Икву артиллерийским огнем немцев вынуди-

51. Экипаж танка Т-28 под командованием лейтенанта Кубарева (крайний слева) уточняет боевую задачу. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. Машина имеет дополнительную экранировку и пушку Л-10 (АСКМ).



ло командование группы Попеля искать другие пути выхода из окружения. И здесь командир 34-й танковой дивизии И.В. Васильев допустил ошибку, которая стоила ему жизни. Он решил сменить направление прорыва и прорываться с западного фаса образовавшегося «котла» на юго-запад, от Бол. Мильчи на Буды. В 7.30 утра 1 июля остатки дивизии подошли к Бол. Мильче, откуда были встречены огнем артиллерии – село было занято частями 44-й пехотной дивизии. И.В. Васильев принимает решение прорываться с боем и атакует Бол. Мильчу. В этом бою дивизия теряет оставшиеся танки, из 150-мм тяжелого пехотного орудия sIG-33 артиллеристы 44-й пехотной дивизии подбивают КВ-2. Из боя выходят 395 человек, 13 танков Т-26, 4 танка Т-34 из состава 12-й танковой дивизии и 12 автомашин. Участвовавшие в бою полковник И.В. Васильев и зам. командира дивизии по политчасти полковой комиссар М.М. Немцев пропали без вести. На следующий день решением бригадного комиссара Попеля и начальника штаба 34-й танковой дивизии Курепина оставшаяся матчасть выводится из строя, документы зарываются в землю и остатки группы выходят пешим порядком из окружения.

Основным противником 11-й танковой дивизии у Острога оставалась авиация: «Враг по-прежнему обладает абсолютным господством в воздухе и причиняет ей [11-й танковой дивизии – А.И.] большие потери в длительных атаках с малой высоты бомбами и бортовым оружием». В целом на острие немецкого танкового клина обстановка стабилизировалась с выходом III моторизованного корпуса к рубежу реки Горынь. Немцы подтягивали тылы, переправочные средства и выбирали места для форсирования. В журнале боевых действий группы армий «Юг» эти бои были отражены записью от 1 июля: «1-я танковая группа встретила у реки Горынь упорную оборону противника и подверглась сильным контратакам его танковых частей. В течение сегодняшнего дня ей также не удалось овладеть свободой оперативного маневра».

В построение войск фронта в полосе 5-й и частично 6-й армии немцами к началу июля 1941 г. был вбит гигантский клин, точнее, трапеция. Основание трапеции, на линии от Киверец до Брод, имело ширину до 70 км. В высоту трапеция тянулась к востоку на глубину 90-100 км до реки Горынь. Верхнее основание трапеции составляли 11-я и 13-я танковые дивизии, вышедшие к реке Горынь на фронте

52. Немецкий солдат осматривает следы от попаданий бронебойных снарядов в советский танк КВ-1 (с пушкой Ф-32). Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. На машине отсутствует часть второго опорного катка (АСКМ).

до 40 км. По северной образующей трапеции советским командованием было решено нанести удар силами 5-й армии. Решение командующего армией М.И. Потапова предусматривало нанесение ударов 9-м, 19-м и 22-м механизированными корпусами в общем направлении на Млынув, населенный пункт в 15 км северо-западнее Дубно. 9-й механизированный корпус должен был нанести удар на глубину до 40 километров от Клевани до Млынува. 19 механизированный корпус должен был наступать южнее Ровно в том же направлении. Дивизии 9-го и 19-го механизированных корпусов были сильно измотаны. Например, 29 июня в 85-м танковом полку 43-й танковой дивизии имелось 25 танков Т-26, в 86 танковом полку – 35 Т-26 и один Т-34. М.И. Потапов это прекрасно понимал и потому решил ввести в бой 22-й механизированный корпус. Ядро 22-го механизированного корпуса составляла 41-я танковая дивизия, до этого участвовала в боях лишь отдельными частями. На 30 июня она насчитывала 106 танков Т-26, 16 танков КВ и 12 орудий. 19 танковая дивизия понесла большие потери в сражении у Войницы и 30 июня имела в своем составе всего 16 танков Т-26. 215-я моторизованная дивизия 22-го механизированного корпуса также успела понести потери в боях первых дней войны и имела всего 15 танков и 12 орудий. 22-й механизированный корпус должен был нанести удар в направлении Млынува с утра 1 июля, сосредоточившись в районе Гиниш, Сильно, Карпиловка (населенные пункты у Цумани, примерно в 40 км севернее Млынува). Время для нанесения удара было выбрано исключительно удачно: внимание немцев было приковано к району Дубно и оборона северного фланга наступления была значительно ослаблена. Но удар был спланирован в отрыве от общей стратегии фронта и даже в случае успеха не мог получить развития.

Не добившись решительных результатов в контрударах механизированными корпусами, руководство фронта стало искать спасения в переходе к пассивной стратегии. В воздухе витала мысль об отходе на старую границу: «Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать». Вечером 30-го июня отход на старую границу был санкционирован из Москвы.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования за подписями Сталина, Жукова и Тимошенко гласила:

«1. Противник после упорных боев овладел подвижными частями районом Дубно и стремится развить успех в восточном направлении.

Одновременно крупные силы противника сосредоточились в северо-восточной части Румынии, угрожая флангу Юго-Западного фронта. До мехкорпуса противника прорвалось в район Бобруйска.

2. Армии Западного фронта организуют оборону на рубеже укрепленных районов

Полоцка, Минска, Мозыря. Граница с ним прежняя.

3. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов отойти к 9 июля на рубеж укрепленных районов: Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Старо-Константиновского, Проскуровского и Каменец-Подольского, где, опираясь на УРы, организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств».

В 23.00 командование Юго-Западного фронта направило подчиненным ему войскам боевой приказ за № 0027. Вводная часть приказа практически буквально повторяла директиву Ставки ВГК. Далее детализировались задачи армий:

«5-й армии, продолжая во взаимодействии с 6-й армией ликвидацию прорыва на ровенском направлении, прочно закрепиться на укрепленном рубеже первой линии Новоград-Волынского УР. Правым крылом армии начать отход; на рубеж р. Случь выйти к утру 5.7.

6-й армии с 24 м[еханизированным] к[орпусом], 2 и[стребительно-] п[ротиво-] т[анковой] а[ртиллерийской] бр[ригадой] к утру 5.7 отойти на рубеж Острог, Лановцы, Волочиск, отход начать с наступлением темноты 2.7; промежуточный рубеж Острог, Кременец, Заложце, Покропивна выйти к утру 3.7; промежуточный рубеж Острог, Кременец, Вишневец, Збараж выйти к утру 4.7». 5-я армия усиливалась 196-й стрелковой дивизией 7-го стрелкового корпуса, командование 6-й армии получало в свое распоряжение 24-й механизированный корпус и 2-ю противотанковую бригаду.

26-я и 12-я армия имели аналогичную по содержанию и рубежам задачу. Отход обоих армий был назначен на ночь с 1-го на 2-е июля. В течение 5-6 суток частям четырех армий Юго-Западного фронта предстояло пройти около 100-200 километров.

Механизированные корпуса выводились в резерв, их предполагалось сосредоточить:

а) 8-й механизированный корпус – Проскуров к утру 3.7;

б) 4-й механизированный корпус – Бабин (30 км восточнее Старо-Константинов) к утру 4.7;

в) 15 механизированный корпус – Старо-Константинов к утру 4.7».

При таких «чемоданных» настроениях контрудар механизированных корпусов 5-й армии не имел долгосрочных перспектив, армии уже были назначены рубежи отступления. Но, тем не менее, удар состоялся и стал достаточно результативным.

20-я танковая дивизия 9-го механизированного корпуса с утра 1 июля перешла в наступление с рубежа Клевань, Оржев и, отбросив части противника, к 15 часам 1 июля продвинулась на 10 – 12 км, овладела рубежом Белюв, Бронники. Дивизией было заявлено об уничтожении в этом бою до 1 тыс. человек противника, 10 танков, 2 артбатареи. Собственные потери при этом достигали до 200 человек убитыми и ранеными. Под ударом дивизии М.Е. Катукова оказалась 25-я моторизованная дивизия немцев. Согласно данным генерал-майора Гейнца Гудериана (сына широко известного немецкого военачальника, в то время офицера штаба III армейского мотори-

53. Немецкий офицер осматривает брошенный советский танк КВ-2. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

53

зованного корпуса) 20-я танковая дивизия действительно добилась внушительного результата. Полновесный батальон, 2-й батальон 35-го полка 25-й моторизованной дивизии немцев, оказался окружен в районе селения Бронники. Потери батальона только убитыми составили 153 человека. Но в связи с общим отходом успех 20 дивизии не получил развития. К исходу дня 1 июля дивизия по приказу командира 9-го мехкорпуса К.К. Рокоссовского отошла в исходное положение.

35-я танковая дивизия 9-го механизированного корпуса, наступая с южной опушки леса западнее Клевани, к исходу 1 июля овладела лесом у Жуковщины, продвинувшись примерно на 7 км, но этот результат также не получил своего развития. В ночь на 2 июля 35-я танковая дивизия по приказу командира 9-го мехкорпуса отошла в исходное положение.

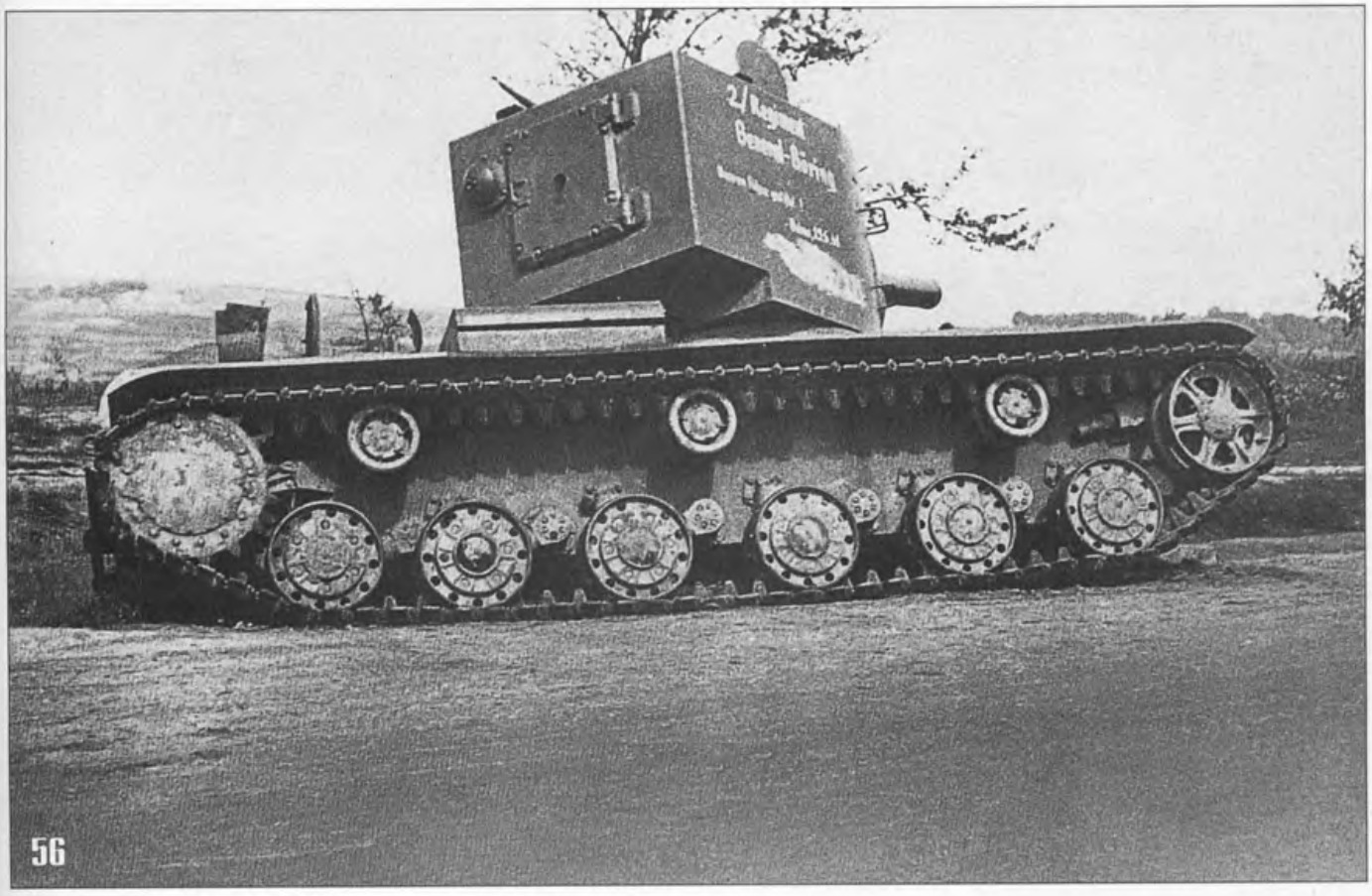
Наиболее сильный удар по флангу немецкого наступления был нанесен частями 22-го механизированного корпуса. К началу наступления корпус насчитывал 13040 человек, 149 орудий калибра 45 мм (противотанковых и танковых), 42 полевых орудия разных калибров, 125 танков Т-26 (из них 19 огнеметных), 17 танков БТ-5-7, 15 танков КВ-2 и 22 бронемашины. По количеству людей и танков это примерно соответствовало одной танковой дивизии. Удар 22-го механизированного корпуса пришелся по разрыву между подвижными частями III армейского моторизованного корпуса, вышедшими на рубеж Горыни, и 298 пехотной дивизией у Луцка. Предназначенные для прикрытия этого участка пехотные соединения были задействованы на южном фланге немецкого наступления. 44-я пехотная дивизия была вовлечена в уничтожение группы Н.К. Попеля у Дубно, 299-я пехотная дивизия также была направлена на юг и северный фланг немецкого танкового клина был прикрыт довольно жидкой завесой. Это обусловило сравнительно большой успех слабого в целом соединения.

1 июля стало боевым крещением 41-й танковой дивизии П.П. Павлова. До этого дивизия уныло продиралась через леса и болота в районе Ковеля и постепенно раздергивалась командирами стрелковых частей. В первый день июля дивизия стала лидером контрудара 22-го мехкорпуса. Задачей соединения было наступление в направлении Долгошеи, Дубно. Разреженное построение немцев на северном фланге наступления не стало препятствием на пути соединения, и 41-я танковая дивизия продвинулась почти на 20 километров. К 22.00 1 июля советские танкисты вышли к рубежу Городница, Мошков (15 км сев. Дубно). Однако, успех стоил дивизии потери свыше 200 человек убитыми и ранеными. К вечеру произошло два события, которые свели на нет все успехи дня. Во-первых, 41-я танковая дивизия получила приказ командира 22-го механизированного корпуса на отход. Приказ этот соответствовал боевому приказу №08 командующего 5-й армией на отвод войск армии на линию Новоград-Волынского укрепленного района. В нем, в частности, говорилось: «22-му механизированному корпусу с 1 на 2.7.41 г. отойти в район Подлужное, Берестовец, Костополь». Во-вторых, немцы отреагировали на

54. Солдат вермахта осматривает 76-мм снаряд с танка Т-28, оставленного из-за отсутствия горючего. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Машина имеет полную экранировку корпуса и башен, но вооружена 76-мм пушкой КТ-28 (АСКМ).

55, 56. Этот танк КВ-2 был остановлен только попаданием снаряда в левую гусеницу. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. На башне танка надпись «2./Regiment General Goring Unserem Fuhrer gestiftel 1 Dubno, 29.6.41» (БА).

55



56

кризисную обстановку ударами с воздуха. Бомбардировки уничтожили мосты севернее Олыко и в течение нескольких часов получили возможность молотить дивизию на открытом пространстве южнее шоссе Луцк-Ровно даже после того, как соединение П.П. Павлова получило формальную возможность отойти назад и тем самым выйти из-под удара.

Третья дивизия 22-го механизированного корпуса, 215-я моторизованная дивизия, следуя во втором эшелоне за 41-й танковой дивизией, в 11 часов 2 июля вышла на рубеж реки Путиловка, где и закрепилась, обеспечивая левый фланг и тыл 22-го механизированного корпуса. Соединение повторило все приключения 41 танковой дивизии – разрушение мостов и отход под ударами авиации немцев и понесла значительные потери.

Ветеран сражения у Войницы, 19-я танковая дивизия, наступавшая в направлении Покошув, Млынув, к утру 2 июля вышла на рубеж Калинова, Маслянка, Каролина, где вступила в бой с пехотой противника. К 11 часам 2 июля 19-я танковая дивизия, отбрасывая противника, вышла к рубежу Млынув, Озлинов, где, встретив усилившееся сопротивление противника, вела бой до второй половины 2 июля. Но 2-го июня вместо ушедшей к Дубно 44 пехотной дивизии на выручку III моторизованному армейскому корпусу выдвинулась моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». В 14 часов 2 июля 19-я танко-

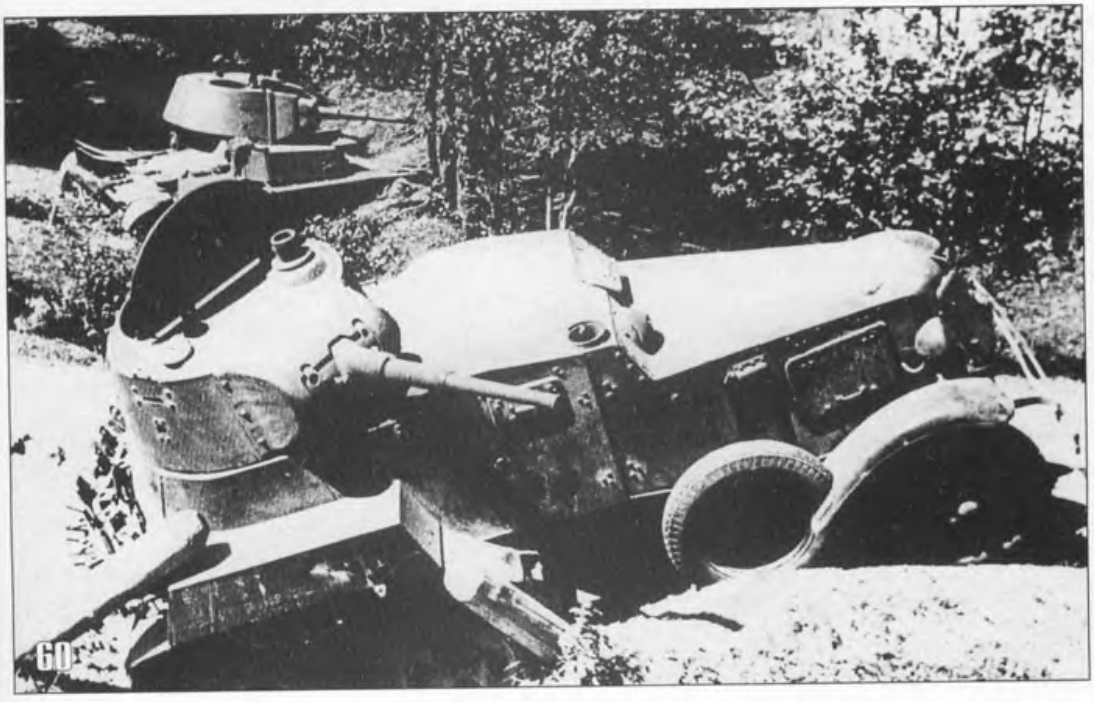
57. Танк БТ-7, оставленный экипажем скорее всего из-за отсутствия горючего или поломок. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

58. Танк Т-34, уничтоженный взрывом боекомплекта. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Отдельные части машины разлетелись на несколько метров (АСКМ).

вая дивизия неожиданно подверглась сильному удару частей «Лейбштандарта» в правый фланг и тыл с направления Острожца и вынуждена была с большими потерями отходить в исходное положение. Успех контрудара 22-го механизированного корпуса имел ограниченное значение. Разрыв между танковыми и пехотными дивизиями вскоре был закрыт подтянутыми вдоль северного маршрута наступления танковой группы эсэсовцами. Однако до подхода «Лейбштандарта» советские танкисты успели изрядно пощипать растянутые на широком фронте немецкие части. Впоследствии ставший известным танковым командиром Курт «Панцер» Майер, служивший в то время в «Лейбштандарте» вспоминал, что Олыка было местом где он впервые увидел брошенную немецкую боевую технику.

1 июля стало последним днем, когда механизированные корпуса наносили контрудары. Войска фронта начали отход на восток, к стенам «старой крепости» – укреплениям на границе 1939 года. В этот же день из Москвы поступила директива, являющаяся своего рода признанием заслуг мехкорпусов в приграничном сражении. Директива ставки ВГК № 00124 выводила с территории Украины 19-ю армию И.С. Конева, прибывшую с Северного Кавказа и Харьковского военного округа. Она гласила: «Войска 19-й армии подготовить и отправить по жел. дороге в новый район. Готовность погрузки 18.00 1.07.1941 г.». До этого

59. Эти Т-34 скорее всего были выведены из строя немецкими бомбардировщиками. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (РГАКФД).



60. Бронетехника одного из механизированных корпусов Красной Армии, уничтоженная в ходе боев: бронеавтомобиль БА-10 и танк Т-26. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

19-я армия, подчиняясь директиве Ставки ГК №0060, занимала оборону в районе Киева. Вывод армии И.С. Конева означал, что командование считало положение Юго-Западного фронта достаточно устойчивым. Фронт держался, избегая крупных катастроф.

Заключение

Неблагоприятные для советской стороны результаты приграничного сражения в целом и дубненских боев в частности требовали простого и понятного объяснения. В советское время культивировался миф о массах немецких танков, без труда сокрушавших легкие и устаревшие Т-26 и БТ с поручневыми антеннами на башнях. Этот образ в наше время сменился другим: вооруженные небольшим количеством посредственных танков, но очень умные немцы, перемалывавшие лавины новейшей техники «большевиков».

Однако оба объяснения одинаково далеки от действительности. Танковое сражение это не столкновение двух толп танков на заранее выбранном поле, а поединок дивизий и армий, включающие танки, пехоту, артиллерию. Внимательное рассмотрение хода сражения в районе Броды – Дубно показывает, что количественному превосходству техники Киевского особого военного округа руководством группы армий «Юг» была противопоставлена плотная масса пехоты. Красная армия была упреждена в развертывании, и немцы обладали вполне зримым численным превосходством, исчислявшимся в пехотных соединениях. Соответственно, основным противником советских танкистов в приграничном сражении стали не танки, а пехотинцы с гранатами и артиллеристы у орудий разных калибров. Наиболее ярким примером этого явления представляется сковывание лучшего в КОВО 4-го механизированного корпуса элитной пехотой – горными егерями XXXXIX корпуса под Львовом. То же самое мы наблюдаем в ходе самих дубненских боев. Среди противников частей 8-го механизированного корпуса была всего одна танковая дивизия (16-я) и четыре пехотных (44, 57, 75 и 111-я). Только в первом бою передовых отрядов части 15-го механизированного корпуса столкнулись с танковыми частями немцев. В последующие дни врагом танкистов корпуса И. Карпезо стали пехотинцы и артиллеристы.

Разумеется, противостоянием танков и пехоты такое многообразное явление как недельное сражение крупных соединений миллионных армий не ограничивалось. Вооруженные танками дивизии противников неизбежно сталкивались на поле боя. Победителя в этих поединках определял комплекс факторов, но в первую очередь – организационная структура танковых сил сторон. И здесь вермахт противопоставлял танкам РККА пехоту и артиллерию, но на этот раз моторизованную. Это позволяло перемалывать крупные массы легких танков и парировать удары Т-34 и КВ.

Так мы приходим к основной причине неудач механизированных корпусов РККА в

61. Танк Т-28 (с пушкой Л-10) 15-го механизированного корпуса, уничтоженный огнем немецкой артиллерии. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

дубненских боях – несовершенству их организационной структуры. К началу войны у советского руководства не было опыта практического использования самостоятельных танковых соединений, то есть действий танков в отрыве от стрелковых корпусов и дивизий. Именно по такому сценарию пришлось воевать механизированным корпусам в приграничном сражении на Украине: срыв с места постоянной дислокации, марш на фланг немецкого танкового клина и наступление в отрыве от других частей. Действия такого характера требуют определенной доли автономности, умения решать разнообразные задачи без посторонней помощи. Танк сам по себе это стальная коробка из которой очень мало и плохо видно. Если танки прорвутся на позиции противника в одиночестве, их расстреляют тяжелой артиллерией и забросают бутылками с зажигательной смесью. Поэтому мало обеспечить успешное движение танков, защитив их толстой броней, нужно обеспечить движение за ними своей пехоты. Провести за танком пехотинца можно не только расстреливая из танковой пушки пулеметы, но выигрывая артиллерийскую дуэль. Иначе неуязвимые для танков гаубицы на закрытых позициях выкосят или заставят залечь пехоту и оставят танки в одиночестве. Если к тому же наши танки не обладают толстой броней, то на плечи артиллерии ложится бремя борьбы с противотанковыми пушками противника. В последнем случае помимо гаубичной артиллерии в ход идут противотанковые пушки, выбивающие своих «коллег» по другую сторону фронта в ходе танковой атаки. Механизированные корпуса РККА формировались, исходя из неких довоенных теоретических умозаключений, и были откровенно недогружены артиллерией. Немецкая танковая дивизия без средств усиления имела 24 105-мм легких полевых гаубиц leFH18, 12 150-мм тяжелых полевых гаубиц sFH18 (4 из которых часто заменялись 105-мм пушки K18). Артполк советской танковой дивизии по штату вооружался двенадцатью 152-мм гаубицами М-10 и двенадцатью 122-мм гаубицами М-30, уступая противнику и качественно (М-10 была слабее sFH 18 и K18), и количественно. Усугублялась ситуация типичными для 1941 г. проблемами с транспортом, когда артиллерийский полк танковых дивизий мехкорпусов оказывался частично обездвижен (32-я и 37-я танковые дивизии) или трактора выходили из строя на марше (34-я танковая дивизия). В этом случае крупные массы танков получали просто ничтожную поддержку артиллерии и массово выбивались артиллерией немцев. Противотанковые орудия, то есть пушки для стрельбы прямой наводкой, в танковой дивизии РККА отсутствовали как класс, а в танковой дивизии Вермахта их было 48 штук, что повышало эффективность соединения в оборонительном и наступательном бою. Усугублялись проблемы с артиллерией неотмобилизованностью соединений Красной Армии, когда часть артиллерийского парка оказывалась неспособной сопровождать дивизию в ее маневрах из-за отсутствия тягачей. Характерным примером этого являются действия 15-го механизированного корпуса, когда атаку крупных масс танков поддерживали буквально единичные

62. Танк КВ-1 (выпуска 1940 года с пушкой Л-11), оставленный на поле боя. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Судя по закрепленным буксирным тросам машину пытались эвакуировать в тыл (АСКМ),

63. Офицеры вермахта на танке КВ-2, застрявшем в болоте. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года. Судя по вырванной пулеметной установке в лобовом листе корпуса перед тем как покинуть машину экипаж ее подорвал (БА).

орудия. Справедливости ради нужно сказать, что слабость артиллерийского парка была бичом наших танковых соединений до лета 1943 г. включительно. Другая проблема мехсоединений Красной Армии до 1943 г. не дожила, но достаточно ярко себя проявила летом 1941 г. – недогруженность мехкорпусов пехотой. На 375 танков штатной численности советской танковой дивизии 1941 г. приходилось примерно 3 тыс. человек мотопехоты, а на 150–200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Если пересчитать строже, в батальонах, то на 6 танковых батальонов (без учета двух батальонов химических танков) нашей танковой дивизии приходилось всего три батальона мотопехоты. Получается соотношение танков и мотопехоты 2:1 в пользу танковых батальонов. В немецкой танковой дивизии на 2-3 батальона танков было 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты, то есть 1:2,5, 1:1.7 в пользу пехотинцев. Большее количество людей с винтовками и пулеметами позволяло немцам эффективнее использовать результаты танковой атаки либо даже «размягчать» оборону перед танковой атакой ударом пехоты. Поэтому не стоит удивляться разным результатам действий 14-й танковой дивизии немцев против 87-й стрелковой дивизии с одной стороны и танковых дивизий 8-го и 15-го мехкорпусов против пехотных дивизий немцев с другой. По большому счету, мы должны удивляться не тому, как с такой массой танков мехкорпуса Юго-Западного фронта проиграли дубненские бои, а тому, как с такими ничтожными артиллерийскими возможностями и малочисленной мотопехотой они вообще что-то смогли сделать. А сделано было немало: немецкое наступление пусть временно, но было вытеснено с обеих «панцерштрассе» и его темп существенно замедлился. Эффективные контратаки мехкорпусов также спасли от разгрома и окружения большую часть 6-й армии. Ставившаяся в приказах на контрудары задача окружения и разгрома ударной группировки немцев теми силами и средствами, которые имелись в распоряжении штаба Юго-Западного фронта, представляется не решаемой даже при идеальном выполнении его директив. Мехкорпуса при благоприятном стечении обстоятельств могли перехватить коммуникации III и XXXXVIII моторизованных корпусов, но вряд ли смогли бы их удержать под натиском пехотных дивизий 6-й армии.

Если с оперативной точки зрения сражение велось командованием Юго-Западного фронта с многочисленными помарками, то общая стратегия заслуживает положительной оценки. Был выбран наиболее эффективный механизм отражения удара танкового клина путем нанесения контрударов по его флангам. Построение заслона перед острием танкового клина при всей теоретической

привлекательности этой технологии в реальных условиях требует достоверного предсказания направления движения этого острия. В общем случае оно может смениться в самый неожиданный момент. Удержание танкового клина ударами по флангам лишено этого недостатка, вне зависимости от маневров острия удара его основание остается на месте. Следует особо отметить, что активная стратегия проводилась руководством Юго-Западного фронта самостоятельно, а не под нажимом из Москвы. Изложенный в мемуарах бывшего начальника оперативного отдела Юго-Западного фронта И.Х. Баграмяна тезис о стремлении перейти к обороне стрелковыми корпусами с выводом механизированных корпусов во второй эшелон не подтверждается документально. Это является или лукавством Ивана Христофоровича, или, что более вероятно, искажением его слов литературной записью мемуаров. Разногласия между Генштабом РККА и штабом Юго-Западного фронта были в оценке глубины замаха танкового удара немцев. Командование фронта предполагало неглубокий охват находящихся в львовском выступе войск и постоянно готовилось вести борьбу фронтом на север. Из Москвы, напротив, указывали на глубокий прорыв 1-й танковой группы. Последняя версия оказалась правильной.

Помимо способа ведения операций, предметом оживленных дискуссий является структура потерь танкового парка сгоревших как свечи механизированных корпусов. Публикация данных о реальном соотношении сил привела к появлению теорий о чрезвычайно высоких небоевых потерях советских танков, которые стали причиной общего поражения в оборонительной операции. Психологически причины появления таких теорий вполне очевидны. Быть побежденными бездушными механизмами несколько почетнее, чем потерпеть поражение в открытом бою. В какой-то мере это было перекладыванием вины с непосредственных участников боев на промышленность и абстрактное «командование», заставлявшее мехкорпуса наматывать на гусеницы сотни километров в маршах до вступления в бой.

Начнем с того, что неуязвимость танков Т-34 и КВ была весьма относительной. В отчете командира 10 танковой дивизии читаем следующее описание недостатков танков новых типов:

«По танку Т-34

а) Броня машин и корпуса с дистанции 300-400 м пробивается 37-мм бронебойным снарядом. Отвесные листы бортов пробиваются 20-мм бронебойным снарядом. При преодолении рвов вследствие низкой установки машины зарываются носом, сцепление с грунтом недостаточное из-за относительной гладкости траков.

б) При прямом попадании снаряда проваливается передний люк водителя.

в) Гусеница машины слабая – берет любой снаряд».

Как мы видим, Т-34 при некоторых условиях мог быть подбит даже из 37-мм РАК-35/36 и 20-мм или 37-мм зенитного автомата. Тем более действенными были против танков новых типов 50-мм орудия РАК-38. По два таких орудия было в каждом полку пехотных дивизий, ставших противником наших танкистов в дубненских боях. При слабой артиллерийской и пехотной поддержке Т-34 также мог

64. Командирский танк Pz. Bef. Wg. III из става 9-й танковой дивизии на марше. Группа армий «Юг», июль 1941 год. Судя по обозначению R02 машина принадлежит адъютанту командира 33-го танкового полка (РГАКФД).

65. Немецкие солдаты у танка КВ-1 (с пушкой Ф-32), застрявшего при преодолении канавы и оставленного экипажем. Юго-Западный фронт, июнь 1941 года (АСКМ).

стать жертвой 105-мм полевой гаубицы leFH18, бронебойный снаряд которой пробивал на дистанции 500 м 60 мм гомогенной брони. Танк КВ был более «крепким орешком», но он уверенно поражался 88-мм зенитными пушками и 105-мм корпусными пушками К18. Последние присутствовали как в некоторых танковых дивизиях, так и в корпусных частях. Наконец, оружием последнего шанса всегда оставались противотанковые мины и бутылки с зажигательной смесью, забрасывавшиеся пехотинцами на моторный отсек Т-34 и КВ. Одним словом, боевые потери танков Т-34 и КВ в приграничном сражении не должны удивлять. Они имели место и подтверждаются обеими сторонами конфликта.

Чтобы подвести научную базу под рассуждения о побежденных поломками материальной части танкистах обратимся к статистике потерь. Характерную картину дает отчет командира 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса, участвовавшей в боях с момента их завязки в первые дни войны до самого финала (см. таблицу 9). Потери приведены по данным на 1 августа, но подавляющее большинство их приходится на период дубненских боев.

Как мы видим, из 307 боевых машин на поле боя дивизией потеряно 153 танка и бронемашины, что составляет 50%. Еще 20 машин было уничтожено на сборных пунктах аварийных машин, где собирались поврежденные огнем противника танки. Это прибавляет еще 7% к списку потерь в результате непосредственного воздействия противника. 21 машина застряла в болотах и речках, что составляет 7% от общего числа потерь. Наконец, наиболее обидный пункт это 95 машин, потерянных из-за невозможности восстановить и эвакуировать их. Это почти треть общего числа потерь, 31%. Следовательно, по крайней мере половина боевых машин была выведена из строя на поле боя. Аналогичную картину дает нам статистика потерь других дивизий механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Были, конечно, исключения из этого правила. Из 31 танка КВ-2 41-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса 5 было подбито противником, 12 брошены при отходе и 5 отправлены в заводской ремонт. Такое соотношение боевых и небоевых потерь неудивительно, 41-я дивизия вступила в бой лишь на финальной фазе сражения, а до этого продиралась сквозь леса и болота Припятской области. Преимущественно небоевыми были также потери самого экзотического участника дубненских боев, танка Т-35. При этом из 7 танков КВ той же 34-й танковой дивизии вышли из строя по техническим причинам всего две машины.

Помимо собственно танков, пехоты и артиллерии активным участником приграничного сражения на Украине была авиация. Самолеты 1941 г. обладали практически ничтожными возможностями по поражению танков. В вышеприведенной таблице с распределением потерь танков 10-й танковой дивизии есть строчка «Сгорело в результате бомбардировок». Среди таковых числятся один (!!!) танк БТ-7 и 4 бронемашины. От общего числа потерянных танков и бронемашин это составляет всего 1,6%! Однако куда более уязвимой для ударов с воздуха целью были тылы танковых соединений. Из 800 автомашин 10-й танковой дивизии 210 ЗИСов и ГАЗов были потеряны от артиллерийского огня и ударов с воздуха. Еще

более значимым была роль авиации в борьбе с артиллерией. В ходе решающего наступления 8-го механизированного корпуса 34-я танковая дивизия осталась без артиллерии в результате ударов с воздуха. Жалобы на отсутствие в небе «сталинских соколов» были общим местом докладов и воспоминаний участников дубненских боев. Однако ВВС Юго-Западного фронта достаточно активно атаковали маршевые колонны немецких моторизованных соединений. Их роль в непосредственном воздействии на танковые дивизии Клейста была порой выше, чем мечущихся в маршах или уткнувшихся в оборону пехотных дивизий мехкорпусов. Особенно эффективны были удары ВВС РККА по неподвижным целям, таким как сосредоточенная в Остроге 11-я танковая дивизия. Однако основной проблемой советских ВВС начального периода войны, было отсутствие массирования авиадивизий на решающем направлении. Более половины авиасоединений фронта распределялись по армиям. Тем самым собственно командование фронта лишалось возможности влиять на события на важнейшем направлении. У штаба Юго-Западного фронта не было возможности бросить против двигающихся к Ровно и Острогу танковых клиньев задействованные на второстепенном направлении авиадивизии 12, 26 и 6-й армий.

Говоря об объективных результатах дубненских боев, необходимо сказать следующее. Войска Юго-Западного фронта в сравнении с другими фронтами действовали достаточно эффективно, и это позволило практически полностью вывести с Украины соединения внутренних округов в лице 16-й армии М.Ф. Лукина и 19-й армии И.С. Конева для использования их на направлении главного удара, в Белоруссии. Активные действия 5-й армии М.И. Потапова заставили руководство группы армий «Юг» переоценивать численность и возможности отступающих по лесам и болотам Припятской области группировки советских войск и уделять повышенное внимание северному флангу наступления. Пугающая неизвестность, скрывавшаяся от взора наблюдателей самолетов-разведчиков в темных лесах словно магнит притягивала к себе силы, которые можно было бы использовать для развития наступления на восток. Наконец, сравнительно низкие темпы наступления 6-й немецкой армии существенно сужали возможности командования группы армий «Юг» по окружению крупных сил советских войск – 6-й армии Рейхенау никак не удавалось оторваться от 17-й армии Штюльпнагеля на достаточное для широкого охвата расстояние. Все это позволило Юго-Западному фронту продержаться своими силами до вступления в бой вновь сформированных соединений, радикально изменивших стратегическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта в начале августа 1941 г.

Таблица 9. Распределение потерь танков 10-й танковой дивизии к 1 августа 1941 г.

Характер потерь	Число потерь по маркам машин						Итого
	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	Бронемашин	
Разбито и сгорело на поле боя	11	20	4	53	7	13	108
Вышло из строя при выполнении боевой задачи и осталось на территории, занятой противником	–	1	4	2	2	4	13
Не вернулось с экипажами с поля боя после атаки	11	3	–	3	3	7	27
Сгорело в результате бомбардировок	–	–	–	1	–	4	5
Осталось с экипажами в окружении противника из-за технической неисправности или отсутствия горюче-смазочных материалов	2	–	6	1	–	–	9
Осталось из-за отсутствия горюче-смазочных материалов и невозможности его подать, так как район расположения машин захвачен противником	–	–	4	2	–	–	6
Пропало без вести с экипажами	–	–	3	–	–	–	3
Уничтожено на сборных пунктах аварийных машин в связи с невозможностью эвакуировать при отходе	7	1	6	–	–	6	20
Оставлено при отходе части по техническим неисправностям и невозможности восстановить и эвакуировать	22	6	15	28	10	14	95
Застряло на препятствиях с невозможностью извлечь и эвакуировать	3	1	2	10	2	3	21
Всего	56	32	44	100	24	51	307

66. Заправка канистр бензином для обеспечения боевых действий танковых подразделений XIV моторизованного корпуса. Группа армий «Юг», июль 1941 года. Один танк мог взять более 10 таких канистр, что позволяло значительно повысить запас хода (БА).

Список литературы

1. Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. М.: Наука, 1971.
2. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня – середина июля 1941 г.). Военно-исторический очерк. М.: Воениздат. 1962.
3. Архипов В.С. Время танковых атак. М.: Воениздат, 1981.
4. Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.
5. Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник №1. М.: Институт военной истории МО РФ, 1994 г.
6. Владимирский А.В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне – сентябре 1941 г. М.: Воениздат. 1989.
7. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. М.: Воениздат, 1971.
8. Грецов М.Д. На Юго-Западном направлении М.: Воениздат. 1965.
9. Егоров А.В. С верой в победу. М.: Воениздат, 1974.
10. Калинин Н.В. Это в сердце моем навсегда. М.: Воениздат, 1967.
11. Калядин И.С. За каждую пядь земли... М.: Воениздат, 1983.
12. Киевский Краснознаменный. История Краснознаменного Киевского военного округа. 1919-1972. М.: Воениздат, 1974.
13. Лето 1941. Украина. Документы и материалы. Ход событий./ под редакцией Замлинского В.А. Киев: «Украина», 1991.
14. Малыгин К.А. В центре боевого порядка. М.: Воениздат, 1986.
15. Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939.
16. Попель Н.К. В тяжкую пору. М.-СПб.: Terra Fantastica, 2001.
17. Рябышев Д.И. Первый год войны. М.: Воениздат. 1990.
18. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №33. М.: Воениздат. 1957
19. Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №36. М.: Воениздат. 1958.
20. Слюсаренко З.К. Последний выстрел. М.: Воениздат. 1974
21. Тактика танковых войск. М.: Воениздат. 1940.
22. Тузов А.В. В огне войны. Боевой путь 50-й гвардейской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1970.
23. Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат. 1991.

24. 1941 г. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1992.
25. 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат. 1992.
26. Braun J. Enzian und Edelweiss. Die 4.Gebirgsdivision 1940-1945. Bad Nauheim, Podzun. 1954.
27. Dierich W. Kampgeschwader 55 Greif. Stutgart. Motorbuch-Verlag. 1973.
28. Germany and the Second World War. Volume IV. Deutsche verlags-anstalt. Stuttgart, 1983.
29. Grams R. Die 14.Panzer-Division 1940-1945. Herausgegeben im Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14.Panzer-Division. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1957.
30. Jentz T Panzertruppen, Schiffer Military History.
31. Lannoy Francois de. Panzers en Ukraine. Juin – Decembre 1941. Heimdal. 2001.
32. Lanz H. Gebirgsjager. Der 1.Gebirgsdivision 1935-1945. Bad Nauheim. Podzun. 1954.
33. Mackensen Eberhard von. Vom Bug zum Kaukasus, Das III.Panzercorps im Feldzug gegen Sowjetru?land 1941/42. Neckargemund. Kurt Vowinkel Verlag. 1967.
34. Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verbaende im Ostfeldzug 1941/42. Neckargemuend: Kurt Vowinkel Verlag. 1959.
35. Schrodek G. Ihr Glaube galt dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11.Panzer-Division) – Munchen, Schild Verlag. 1976.
36. Schmitz G. Bildband der 16.Panzer-Division 1939-1945. Podzun. Bad Nauheim. 1956.
37. The initial period of war on the eastern front. 22 june – august 1941. Proceedings of the Fourth Art of war Symposium. Edited by Colonel David M.Glantz. Cass series on soviet military experience, vol.2. Frank Cass. London. 2001.
38. Werthen W. Geschichte der 16.Panzer-Division 1939-1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1958.

67. Командирский танк Pz. Bef. Wg. III (пулемет в лобовом листе отсутствует) на одной из дорог Украины. Группа армий «Юг», июль 1941 года. На крыше башни Манины уложено 8 дополнительных канистр с бензином (БА).

Уважаемые читатели!

Наши издания вы можете приобрести в редакции по адресу: 125015, г.Москва, ул. Новодмитровская, д.5А,16 этаж, офис 1601 (проезд до станции метро «Дмитровская»).
Телефон/факс: (095) 787-36-10
Для оптовых покупателей предусмотрена система скидок.

Для получения по почте выпусков «Фронтовой иллюстрации» сделайте денежный перевод в сумме 170 за экземпляр по следующим банковским реквизитам: ООО «Стратегия КМ», ИНН 7720240859, р/с 40702810538130102266, БИК 044525225, к/с 30111810400000000225, Сбербанк России г.Москва Тверское ОСБ 7982.
Для гарантии получения выпусков на бланке денежного перевода в графе «Для письменного сообщения» разборчиво укажите Ф.И.О., точный адрес и названия изданий. Квитанцию о переводе отправьте по адресу: 121096, г.Москва, а/я 373, Коломийцу Максиму Викторовичу.
Наложенным платежом издания не высылаются!

ФРОНТОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ
FRONTLINE ILLUSTRATION
Периодическое иллюстрированное издание.

Учредитель и издатель: ООО «Стратегия КМ»

Генеральный директор: Максим Коломиец
Руководитель проекта: Нина Соболькова
Адрес: 125015, Москва, ул.Новодмитровская, д.5А,
16 этаж, комната 1601

Телефон: (095) 787-36-10

Художественный редактор: Евгений Литвинов
Корректор: Раиса Коломиец
Карты: Павел Шиткин
Цветные рисунки: Сергей Игнатьев
Распространение и маркетинг: Леонид Вахлин, Кристина Муллабаева
Оригинальная концепция, авторский текст,
иллюстрации: ООО «Стратегия КМ»

Печать: ООО «ТИПОГРАФИЯ "РУСПРИНТ"»
Подписано в печать 20.10.04. Формат 215x290.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 3000 (1-й завод — 1000).

Все права защищены.
Издание не может быть воспроизведено полностью или частично
без письменного разрешения издателя.
При цитировании ссылка обязательна.

All rights reserved.
This publication may not be reprodused in part or in
without prior written permission of the publishers.

Издание зарегистрировано в МПТР России.
Регистрационное свидетельство:
ПИ № 771256, выдано 29 ноября 1999 года.

Уважаемые читатели!

Сообщаем, что с первого полугодия 2005 года вы можете оформить подписку на альманах «Фронтовая иллюстрация».

Наш подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **80385.**

По подписке вы сможете получить следующие выпуски:

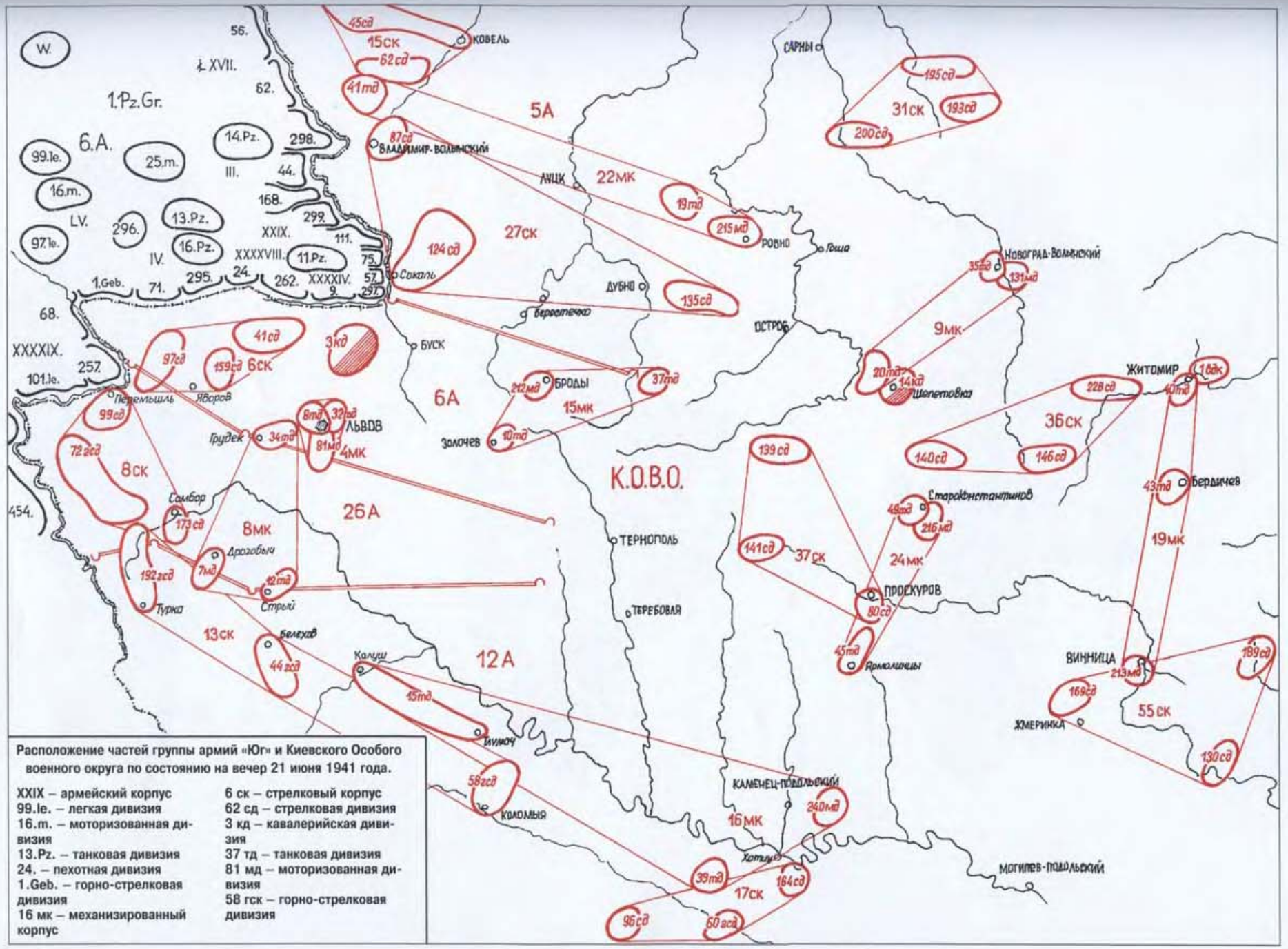
№ 1 – 2005 «Штурм Кенигсберга»

№ 2 – 2005 «3-я гвардейская танковая армия в боях за Берлин»

№ 3 – 2005 «Реактивная артиллерия Красной Армии 1941 – 1945 гг.»

Отпечатано в Российской Федерации
Printed in Russia

ISBN 5-901266-01-3



Расположение частей группы армий «Юг» и Киевского Особого военного округа по состоянию на вечер 21 июня 1941 года.

XXIX – армейский корпус
99.le. – легкая дивизия
16.m. – моторизованная дивизия
13.Pz. – танковая дивизия
24. – пехотная дивизия
1.Geb. – горно-стрелковая дивизия
16 мк – механизированный корпус
6 ск – стрелковый корпус
62 сд – стрелковая дивизия
3 кд – кавалерийская дивизия
37 тд – танковая дивизия
81 мд – моторизованная дивизия
58 гск – горно-стрелковая дивизия

Танк Pz.I ausf. В штаба 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии. 1-я танковая группа, июль 1941 года. Тактический номер машины R15).

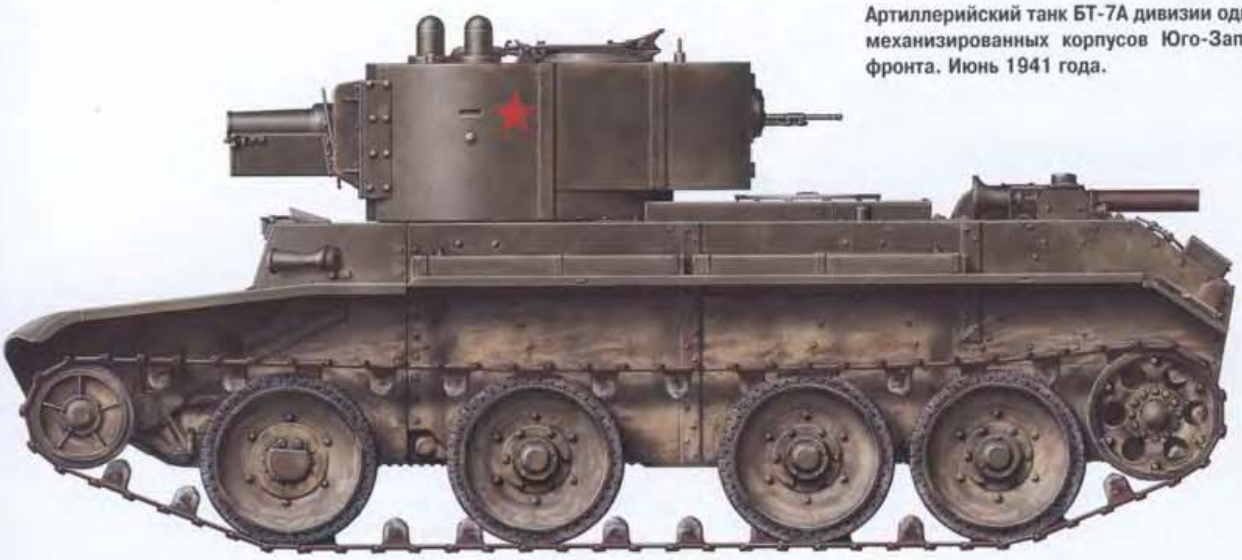
Танк Pz.II Ausf. C штаба 2-го батальона 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии. 1-я танковая группа, июль 1941 года. Тактический номер машины II12 белого цвета, на борту желтая эмблема дивизии.

Танк Pz.II Ausf. C 4-й роты 2-го батальона 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии. 1-я танковая группа, июль 1941 года. Тактический номер машины 405 желтого цвета как и эмблема дивизии.

Танк Pz.III Ausf. J 2-й роты 1-го батальона 36-го танкового полка 14-й танковой дивизии. 1-я танковая группа, июль 1941 года. Тактический номер машины 240 белого цвета, желтая дивизионная эмблема нанесена на борту башни.

Танк Pz.III Ausf. J 11-й танковой дивизии. 1-я танковая группа, июль 1941 года. На борту машины видно тактическое обозначение (желтого цвета) и эмблема (белого цвета) дивизии, на башне белый ромб танкового батальона, номер 1 и буква К.

Артиллерийский танк БТ-7А дивизии одного из механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Июнь 1941 года.



Танк Т-26 предположительно из состава 22-го механизированного корпуса. Юго-Западный фронт, июнь. 1941 года. Машина имеет тактическое обозначение в виде прерывистой белой полосы с цифрой 6 по верхней кромке и широкой полосы на крыше башни.

Телетанк ТТ-26 из состава 22-го механизированного корпуса. Юго-Западный фронт, июль 1941 года. Машина не имеет никаких обозначений и номеров.

Танк Т-34 (с пушкой Л-11) в трехцветном желто-зелено-коричневом камуфляже. Предположительно 4-й механизированный корпус, Юго-Западный фронт, июнь 1941 года.

Frontline ILLUSTRATION

Фронтовая иллюстрация No.4-20
2 000023 579017